

к 06
Н 34
87633

ЧУВАШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ЗАПИСКИ

ВЫПУСК I

Цена 7 руб. 50 коп.

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ * 1941

Национальная библиотека ЧР

00023225

1966

93995

✓

2

12. 24

ЧИТАЛЬНЯ

ЧУВАШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

9(c)
3-32

ЗАПИСКИ

ВЫПУСК I

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ ♦ 1941

9(с)1 + 4(с)476.

ОТ ИНСТИТУТА

Издание „Записок“ является первой попыткой положить начало систематической популяризации вопросов, разрабатываемых Чувашским Научно-Исследовательским Институтом языка, литературы и истории. Несомненно, что первый опыт может иметь ряд недостатков, и все указания по существу их будут приняты Институтом с благодарностью.

Институт.

ВОЛНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА в 1841—42г.

I. ПОЛОЖЕНИЕ ЧУВАШСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

„Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально „инородцами“, воспитывало презрение и ненависть к ним“.

(История ВКП(б). Краткий курс, под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1938 г. стр. 6).

Основную массу крестьянства Казанской губернии составляли государственные или казенные крестьяне, за ними шли помещичьи крестьяне, т. е. крепостные. Эта масса крестьян, как и помещичьи крестьяне, была крайне угнетена и эксплуатируема. Малоземелье, низкая урожайность, частые голодовки, темнота и бесправие приводили к тому, что государственные крестьяне из года в год переживали крупные экономические затруднения и нищету. Плохое экономическое положение государственных крестьян не скрывалось и официальными данными. „Казенные крестьяне (под этой категорией необходимо подразумевать государственных крестьян,—П. Григорьев)—сия значительная часть нашего народонаселения почти повсеместно находится в самом худшем положении. Не имея должного надзора, или лучше сказать, не имея никакого за собой надзора, будучи жертвою своих голов и алчной земской полиции, они год от года беднеют и развращаются“, так доносила полиция о состоянии государственных крестьян¹⁾.

На территории четырех уездов бывшей Казанской губернии, кои впоследствии составили основную часть Чувашской рес-

¹⁾ Центрархив—Крестьянское движение 1827—1869 г.г. вып. I, подготовил Е. Мороховец, М.—1931 г. Соцэкгиз. Обзорение расположения умов и различных частей государственного управления в 1835 г., стр. 18.

публики, государственных крестьян всех наименований, включая сюда однодворцев, кречетных помытчиков, бывших яшашных и экономических крестьян, пахотных солдат и бывш. служилых, было в 1827 году:

В Цивильском уезде	32.401	душ.
В Чебоксарском „	27.797	„
В Козмодемьянском „	27.770	„
В Ядринском „	36.160	„

В том числе помещичьих крестьян: в Цивильском уезде—2010 душ, Чебоксарском—2337, Ядринском—861 и Козмодемьянском уезде—216. Помещики располагали большим количеством земель и, надо подчеркнуть, самыми лучшими угодиями и лесным массивом и лугами.¹⁾

Национальный состав населения Казанской губернии к 1840 году характеризуется следующими данными:

Татар	—	435.000	человек.
Чуваш	—	300.000	„
Черемис	—	80.000	„
(мари)			
Вотяков	—	7.000	„
Мордвы	—	1.000	„
Русских	—	470.000	„
Всего		1.293.000	чел. обоего пола. ²⁾

Население Казанской губернии экономически жило бедно. Это видно из отчета Казанского губернатора за 1846 год, где он говорит, что сельское хозяйство Казанской губернии находится в посредственном состоянии, особенно если говорить о крестьянах, состоящих из племен разнородных, частью полудиких... на самой же низкой ступени стоят чуваш и черемисы. Часто весь домашний быт этого племени заключается в одной ветхой избе, где он укрывает вместе со своей семьей и домашних животных.³⁾

Плохой урожай, непрекращающиеся голодовки приводили к тому, что сельское хозяйство становилось не только не рентабельным, но и обременительным. Наряду с этим росли ежегодно по Казанской губернии недоимки за государственными крестьянами. Так, например:

к 1846 г. насчитывалось недоимок всего	571588	р. 25 к.
1848 г.	„	590391 р. 69 к.
1849 г.	„	702958 р. 75 к. ⁴⁾

¹⁾ «Заволжский муравей» за 1832 г. т. 1 кн. 5, Статистические сведения о числе душ и податей по Казанской губ. за 1827 г., стр. 263—271.

²⁾ Журнал М. В. Д. за 1841 г. ч. 39, Этнографическое описание Казанской губ., стр. 358—359.

³⁾ История Татарии в документах и материалах. Соцэкгиз, 1937 г. стр. 263.

⁴⁾ История Татарии в документах и материалах, стр. 264.

Из года в год в губернии росли подати и другие поборы, взимаемые с крестьян. Население ютилось в курных избах, только в 1839 г. в Ядринском уезде у чуваш было 14.964 курных изб.¹⁾ Правительство не принимало никаких мер по просвещению чуваш, мари и др. народов. Они оставались в темноте и невежестве. О том, как уездное земство рассматривало вопросы культурного строительства среди мелких народностей, в том числе и чуваш, свидетельствует такой факт. В 1866 году, 10 марта, Чебоксарская Уездная Земская Управа рассматривала предложение Казанской Губернской Управы об открытии в уезде земской почты. По рассмотрении Управа решила: почту не открывать, и причину своего решения объяснила в протоколе так: „Уезд заселен почти исключительно (33.000 душ) инородцами-чуваши и черемисами, которые не ведут никакой переписки и не получают писем, кроме как от солдат родственников и то в самом ограниченном размере, не более 300 писем в год, а газет и журналов не получают.“²⁾

Развитие товарно-денежных отношений в чувашской деревне во второй четверти XIX века еще более усиливало экономическую зависимость беднейшего населения от развивающегося кулачества в деревне. Еще более усилилась эксплуатация основной массы крестьянства. Факты эти отчетливо выражены и в официальных документах того времени. Так, в нравственно-политическом отчете Жандармского Управления Министерства внутренних дел за 1842 г. Николаю I говорится: „При передаче государственных крестьян из ведения казенных палат в управление палат государственных имуществ недостатки, ошибки и даже злоупотребления прежней администрации обнажились чрезмерно во всей своей наготе. Казалось, что этот важный переворот (имеется в виду проведенная Киселевым реформа 1838 г. среди государственных крестьян,—П. Г.) произведет благие последствия, но ожидания не сбылись, и вместо существенных и необходимых улучшений крестьянского быта в нем произведено пагубное брожение, которое неоднократно проявлялось даже в мятежах и бунтах.“³⁾

Насколько был развит произвол, злоупотребления со стороны местного начальства, ярко видно из одного жандармского документа—донесения Симбирского жандармского полковника Маслова шефу жандармов—графу Бенкендорфу от 11-го августа 1831 года. Замечание Маслова о состоянии инородцев, населяющих Казанскую губернию, довольно правдиво излагает факты, дает яркую картину колониального угнетения чувашского крестьянства, факты нечеловеческого отношения помещичье-крепостнического строя к марицам, русским, мордве, чувашам и др. народностям. Ниже мы приводим этот документ.

¹⁾ Лаптев М.—Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба—Казанская губ. СПб.—1861 г. стр.267.

²⁾ Центрархив Чуваш. АССР. Фонд Чебоксарск. Земск. Управы, визка №1, дело 1, лист 33—34.

³⁾ Центрархив—Крестьянское движение 1827—1869 г.г., вып. I, составил Е. Мороховец, стр. 53.

„Замечание о состоянии инородцев, населяющих Каз. губернию.¹⁾»

Причины, по которым народ сей (имеются в виду чуваша,— П. Г.) более подвержен угнетению, нежели русские, суть следующие:

1. Опыт всех времен доказывает, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное, и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества; даже самый благонамеренный исправник есть бесполезный начальник над народом, если он занимается только одной расправой и следственными делами, он не имеет времени на то, чтобы дикаря приучить к общественной жизни, внушить ему, в чем состоят его обязанности к началству и до какой степени простираются над ними права начальства, как то: волостного головы, писаря, исправника и судьи. Если сего не делает и честный чиновник, то чего должны ожидать от такого, который, определяясь на урочное время и, вероятно, не даром, начнет поступать с непросвещенными поселянами как с опальным именем. Чуваша—они не токмо, чтобы иметь какое-либо понятие о законах русских, но даже и говорят немногие по-русски, так чтобы можно было их понимать без собственного их же истолкования; с таким недостатком, что значит честный чувашин при следствии, перед судьей своекорыстным, все равно, что безгласная овца; его словам дают такой оборот, какой нужен следователю; руку за него прикладывает церковнослужитель, обязанный держать руку следователя потому, что и сам имеет с ним равное ремесло.

2. По селам, деревням выбраны начальники из чуваш и по большей части бедняки. (Здесь явное недоразумение, т. к. бедняки начальниками не избирались—П. Г.). Что-ж такое значат сии начальники? Они есть не иное что, как нарядчики для сбора денег на экстренные расходы; они выгоняют подводы не токмо под чиновников, но даже и под частных людей, даром пользующих простотою народа, стоит только им приехать не в чувашской телеге и с колокольчиком на дуге. К скорому исполнению требований служит кнут, которым стегают начальника, понуждая его к поспешней поставке лошадей. Начальник деревни поставлен от мирского схода с приказания земского суда: по сему его и должна слушаться вся деревня и слушается, но начальника сего бьют судьи, рассыльные солдаты и всякий проезжий. Рядовые поселяне, видя таковые примеры над своим начальником, принуждены быть безответственными исполнителями воли судей.

3. Сенаторы Санти и Кушников ревизовали губернии по

¹⁾ «Красный архив» № 2(87) за 1938 г. стр. 91—95. Донесение Симбирского жандармского полковника Маслова шефу жандармов графу Бенкендорфу от 11 авг. 1831 г. № 354.

доносу г. Киселева и по жалобам поселян; все почти чиновники отданы были под суд, не разбирая степени их вины, явное грабительство было поставлено на одну линейку с неосмотрительностью; но сего иначе и нельзя было сделать, руководствуясь общим коренным законом, наказывающим и явного злоупотребителя и нерадивого чиновника; один только суд должен был различить постепенность вины каждого и по мере преступления, положить наказание, но и сего можно было ожидать только от верховной власти. Провинциальные же суды решили дело иначе. Посланные следователи по Казанской губернии почти все замараны, а отрешенные чиновники оправданы все до одного, как будто бы все они были выше человеческой природы. Остались виноваты одни поселяне. Едва ли теперь найдется из нескольких тысяч жаловавшихся хотя один на лице земли, большая часть из них бедственно погибли, пошли в Сибирь, жестоко наказанные под предлогами воровства, грабежа и других преступлений, а другие в конец разорены за то, что показали собой худой пример: жаловаться на то, чего не можно было им терпеть.

После ревизии г.г. сенаторов было несколько следствий о лихоимстве даже по высочайшему повелению, но все оканчивалось тем, что обвиняемые оставались не только правы, чуть не святы. Обвинители были чуваша, следователи—чиновники, сами прежде служившие и ныне служащие; если они и хотели бы открыть истину, то мешало им сие сделать собственное свое корыстолюбие по другим местам, где они служили; если сие не мешало, то им приказывали сверху сделать следствие, так или иначе.

Ужасно вообразить, до чего может довести такой порядок. Зло до безмерности увеличилось и если подчиненность русских крестьян земской полиции для соблюдения тишины, спокойствия и правосудия полезна, то для чувашского народа истинно вредна. Для чего нужен чиновник постоянный, а не такой, который определяется на три года и сверх того не даром?

4. Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество, но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив; сделанная ему малая услуга обязывает его на целую жизнь благодарностью, трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани Волжского хлеба. С такими качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучше имеют к нему уважение, как к вьючному скоту. Русский крестьянин никогда бы не дал так себя притеснять, он лучше умел бы объяснить на своем языке о том, что ему нужно, чувашин же есть внутри России иностранец.

В „Казанском вестнике“ 1829 г. в № 25, 26, 27 и 28 напечатано такое описание о чувашском народе, которое едва ли имеет подобный пример. Презрение к человечеству руководствовало пером легкомысленного и злого сочинителя, это зна-

чит предупредить публику о народе притесняемом, но истинно достойном сожаления и отеческого попечения правительства.

Как поступают чиновники с чувашами в случае открывающихся дел, и какие употребляют способы к собиранию с них денег.

1. Случившееся в уезде убийство, скоропостижная смерть, или самоубийство чувашина влечет за собой по общему порядку следствие уголовное. На следствие приезжают чиновник земской полиции, стряпчий, лекарь, а с ними от 15 до 40 чел.: кучеров, дворовых людей, рассыльных, канцелярских служителей и военной команды.

Корм лошадям и столовое содержание всей толпы производится за счет поселян той деревни, в которую приехали делать следствие, продолжающееся иногда более недели. Пьянство за счет народа, всякого рода своеволие, прихотливые требования приехавших есть первые их действия.

Начинается следствие об убитом, умершем, или удавившемся; здесь-то показывается в полном виде нравственность следователя, приехавшего на хлебное дело, осматривают умершего; забирают под караул соседей его, родственников и, в особенности, богатых поселян, перед глазами их готовят деревянные колодки для закования кто окажется виновным (то есть ослушников воли судей); а между тем агенты следователей, знающие чувашский язык и набранные по большей части из негодяев мещан гражданских, ядринских, чебоксарских и других, внушают всеми способами мирным поселянам, чтобы они во избежание грозящей беды умилиствовали судей, собравши для них по рублю, а иногда по 2 и по 5 рубл. с души.

Не понимающие последствий дела следственного, чуваша соглашались, а если происходят споры, то разве в таком случае, когда видят невозможность в полной мере удовлетворить алчность своих притеснителей.

Между тем, когда делаются сборы денег с народа, родственники и соседи убитого или умершего подвергаются всякого рода истязаниям: их сажают в одну или несколько изб, допрашивают и при допросах внушают им неведомые и для самих русских законы: что они должны смотреть за поведением своего родственника или соседа, должны были предупредить случившиеся с ним последствия, должны были доносить о нем начальству и, как поселяне всех обязанностей сих не исполнили, то, следовательно, они виноваты; их устрашают наказанием, ссылкой в Сибирь, конечным разорением, отправлением в город. Что тут делать необразованному народу, не знающему до какой степени простирается над ними власть начальства?

Если не имеют денег на умилиствование судей, то продают свой хлеб, на который тут же готовы и покупщики; если хлеба недостает, то продают дворовую свою скотину, пепелища свои, или идут в кабальную работу к кому-нибудь на таком условии, чтобы работать до того времени, когда уплатится вся сумма,

а уплата не так то легка тому, кто, обобран будучи, пошел в кабалу.

Наступит время платежа подушных и на земские повинности денег, тогда разоренный бедняк подвергается жестоким телесным наказаниям; присланные от земского суда рассыльные бьют их без милосердия. Приведенный в отчаяние чувашин отдает себя и детей в кабалу из платежа только подушных денег.

2. Случается ли где в селении богатый чувашин, к которому ни в чем нельзя привязаться, в таком случае или подпускают к нему чужую лошадь, или прикажут какому-нибудь избалованному вору оговорить его; наряжается следствие и чувашин разоряется до конца.

3. Подрались ли между собою двое чуваш, и о сем узнает волостной писарь, тут оба ссорившиеся платят подать по мере своего состояния или сколько успеет взять писарь, не доведя до сведения чиновников земской полиции, которые как только узнают о таком маловажном происшествии и проводят о состоянии чувашенина, спешат похитить добычу из рук писаря не для того, чтобы восстановить правосудие, но вдосталь разорить ссорящихся поселян, сделавши из их простой ссоры уголовное следственное дело.

4. Объявится ли рекрутский набор,—тут волостным писарям, как посредникам между народом и земской полицией, открывается удобный случай брать деньги с народа.

Сзывают мирской сход. На оном писаря объявляют чувашам своим манером требования правительства: начинать писать пятисотные участки; призывают к себе богатых поселян; угрожают отдачей в рекруты, если не заплатят за себя выкуп. Дорожа своей сельской свободой и не зная, под очередь ли он состоит или нет, чувашин расплачивается и остается дома, хотя бы был и большесемейный; на место же его идет весьма нередко последний сын престарелого отца.

Где таковой бедняк может найти себе защиту? Судья есть его притеснитель, писарь истинный тиран; в рекрутском же присутствии, где участь каждого поселянина решается в четверть часа, поздно уже искать ему своего спасения.

К выборам рекрут начинается сбор рекрутских денег, которых количество всегда бывает вдвое более, чем по закону должно; отказаться от платежа излишних денег поселянам нельзя потому, что писарь и голова с полицией, собравши общий мирской сход, держат народ по неделе, а иногда и более, что и повторяют несколько раз до тех пор пока получают желаемого.

Наконец, в довершение всех противозаконностей по рекрутской повинности, вместо десяти человек собирают подставных, иногда до 100 человек таких, которые ни почему не подходят под очередь; вести такую толпу нужны подводы, содержание, издержки путевые, проволочка времени; здесь опять начинается сбор денег подставных и с народа в пользу судей праведных.

Для сбора таковых денег писаря употребляют из чуваш таких сборщиков, которые при всей своей необразованности, возвращены будучи своими начальниками, также получают свой пай за труды при сборе денег для судей.

5. Случится ли пропажа лошади в каком-либо селении и понятые, шедши по следам оной, придут в другое селение, к которому хотя след и вел, но пропал. Лошадь не отыскана, но писарь, по введенному противозаконному обычаю, тотчас собирает от рубля, и иногда до пяти рублей с души за не отвод поселянами следа.

Если есть в писаре частичка совести, то дает четверть цены украденной лошади хозяину ее, дело остается без всякого производства; если же хозяин украденной лошади будет просить в земском суде, то начинается следствие.

Обобранная деревня, а иногда и та, из которой пропала лошадь, подвергается денежному взысканию за то, что караула у околицы не имели; как будто бы вор непременно должен был вести оную мимо того места, где должен находиться караул.

6. Ужасное лихоимство поселилось и в самом духовенстве. Поступки большей частью церковно-служителей с чувашами не лучше писарских и судейских. Для них смерть чувашина, особенно богатого, умершего без исповеди или причастия, есть хлебное дело. За похороны такого покойника берут от 10 и до 100 рублей, угрожая в случае неплатежа, донести начальству, которое должно приехать с лекарем, дабы разрезывать мертвеца; и для образованного народа много значит такое обстоятельство, но для суеверных чуваш, снабжающих и во гробе покойников своих всеми принадлежностями земной жизни, как-то: деньгами, посудой и одеждой,—анатомирование мертвеца есть ужасное в деревне происшествие.

И так чувашенин, при жизни бедствовавший, и по смерти оставляет горе своему семейству, заставляет его расплачиваться за безвременную свою кончину и непринятие святого причастия, за которым, хотя и посылал к священнику, но не дождавшись умер.

7. Свадьба у чуваш есть также источник доходов судейских и священнических. Надобно сделать обыск или сведение, нет ли родства между сочетающимися; тут начинается проволочка, которая много значит для такого народа, который держась еще прежних языческих обычаев своих, задолго до венца покупает себе невест и имеет уже с ними супружескую жизнь. Вместо искоренения сих соблазнов способами, верой предписываемыми, священники под рукой им сие дозволяют; но как скоро дело дойдет до венчания, тогда начинают поступать с ними, как с преступниками законов божеских и гражданских, грозят судом и берут деньги.

А как предварительная до венца супружеская жизнь чувашина редко остается без того, чтобы не иметь ему детей, и ему подлежит необходимость крещения, то и сие служит для священников предлогом ввести отца дитяти и целое семейство

в хлопоты и напасть. Деньги, данные священнику, покрывают грехопадение чувашенина.

Возмущаемый в самих естественных побуждениях своим служителем алтаря, угнетаемый своими начальниками, чувашенин ожесточается сердцем, делается нечувствительным и холодно-кровным ко всему его окружающему; он беспрекословно выполняет прихоти всякого подъячего, рассыльного, проезжего. Но уверен в своей собственности и личной безопасности. Какие он должен иметь мысли о господствующем народе и религии, недавно принятой, видя такие поступки светских и духовных судей своих?

Сие важное обстоятельство должно обратить внимание правительства на народ от природы добрый, нрава кроткого, но еще блуждающий в невежестве.

8. Поселянину нужны бревна на починку и постройку жилища, дрова, мочалы и лыки; все сие он должен получить от лесничего. Лесничий по закону обязан беспрекословно отпустить ему сии материалы за попенные деньги, а на дрова отвести лесосеку; но однакож сего никогда не делается. Лесничий просто распоряжается государственным имуществом, как своей собственностью. Через матросов своих собирает по деревням с души весной по 80 к. и по 1 р. на лыки, мочалы и корье. А зимой по 70 коп. и 80 коп. за бревна и дрова. Если бы чуваша захотели не дать требуемого налога, то в конец разорятся. Начнутся следственные дела при посредстве земской полиции и стряпчего. Чувашенина судят за дрова и лучины, как вора, потому что он везет их из обывательского своего лесу без билета, не принимая того во уважение, что законная лесосека ему не отведена; тут достанется и всей непослушной деревне. Начнут обыскивать под избами дубовые плахи и отрубни, особенно у богатых чуваш, хотя бы оные положены были назад тому 50 лет; а как дуб есть корабельный лес, и ответственность за него большая, то хозяин нередко подвергается штрафу в пользу судей за своего прадеда.

Тут нечего делать поселянцам, как собрать бездоимочно наложенный акциз. За то уже они и наверстывают свои убытки.

Деревня, из 200 душ состоящая, заплатя по 1 рублю с души, поставит в лес по меньшей мере 70 чел.

Попенных денег поступит в казну для порядку 50 р., а много 100 р., да лесничий возьмет 200 рублей за свое помещичье право; следовательно, по самой дешевой продажной цене народ воспользовался на 2060 р.; и если исключить издержки поселян за свою работу в половину, то у казны похищено 1030 р. кроме 200 р. взятых лесничим в свою пользу.

Заметить надобно, что цена сим материалам поставлена самая низкая, сумма выходит не так значительна, но если вообразить, что действия сии происходят в уезде, имеющем 40 тысяч жителей, и (удовлетворить) всех нуждающихся в лесных произведениях, то выйдет, что казна едва ли пользуется двадцатой частью своей собственности.

Из сего видно, что истребление лесов производится, по крайней мере, с пользой для поселян, но это еще самое малейшее злоупотребление в сравнении со следующим.

Вольные промышленники, торгующие мочалами, приходя из дальних мест, договариваются с лесничими заготавливать в казенных лесах мочало. Они собирают работников от 500 и до 1000 чел., обязуются заплатить лесничему 25 или 30 рублей с каждого топора с тем, чтобы рубку производить целый месяц или более; при начале рубки платят половину, а другую по выбрании мочала из воды.

Время положено срочное, следовательно, дело идет со всякой поспешностью. Каждый работник срубит в течение месяца по меньшей мере 750 деревьев; 1000 человек следовательно 750 тысяч деревьев; (такое количество) истребится в один месяц одним промышленником, который имеет дело с одним только лесничим.

Миллион выданных мочал стоит 100 тысяч рублей по вышеозначенной цене; 25 тысяч взяты лесничим.

Расходы же на исходатайствование билета и на попенные деньги едва ли будут 5000 р., остальные 70 тысяч остаются в пользу промышленника, который если бы и по 20 рублей в месяц нанял работников, то все у него останется 50 тысяч рублей барыша.

Сверх того, надзиратели лесные еще от себя напустят с топорами такое же количество порубщиков с такой же или меньшей ценой.

От таковых действий лесничих Кошлоушинский дремучий лес по Ядринскому уезду и прилегающий к нему Алгашинский на расстоянии в длину 60 верст показывает одни только жалкие перелески. (Не даром чуваша лесничих называли лесной помещик, „вйрман уллуч“—П. Григорьев).

9. Промышленники, торгующие поташем и шадриком, посягают искоренять леса. Они берут, например, билет на вязовые и ильмовые дрова на 50 или иного 100 саж., дают лесничему деньги по 10 рублей с топора; получивши дозволение, губят вяз, клен и ильму и, склавши в огромные кучи, жгут золу, из которой тут же калят шадрик. Истребление сего драгоценного леса столь велико, что теперь с трудом ищут цевок на мельничные шестерни там, где прежде родились огромнейшие клены; иногда тысячи по две человек занимаются сим ремеслом, особенно в феврале и марте месяцах, в которые способно калить шадрик.

Безмерный выпуск мочал, лык, корья, шадрику при вышеописанных распоряжениях лесничих произвели два зла: первое то, что казенное имущество истребилось; второе—что на сии продукты упала цена от свободного их выпуска, хотя изданы на пресечение сего строгие законы, на основании которых впрочем и основываются своекорыстные расчеты лесничих; примером сего служит следующее:

честный гражданин, желающий купить 100 бревен трехса-

женной длины и четырехвершковой толщины, по закону должен заплатить попенных денег по 20 копеек—20 рублей; если он не поладит с лесничим и не даст ему 50 р., то каждое бревно обойдется в лесу более рубля потому, что лесничий на основании законов принудит его вершины, сучья и даже щепы от изготовленного бревна вывезти из леса на удобное место и покласть в кучу, без чего ему и вывозного билета не дадут,—кто же после сего захочет поступать в лесу на законном основании?

Лучше всего поладить с лесничим, который, взявши вдвое попенных денег, пустит промышленника в лес без ограничения количества вырубки.

Ежели поступило и записано в доход казенный 1000 р. попенных, то решительно полагать можно, что в пользу лесничего и промышленников осталось в 50 раз больше.

О лесосеках же говорить нечего, чуваша о них не имеют никакого понятия.

Истребление укоренившегося зла совершенно невозможно без приискания честных чиновников; но честный не пойдет служить, видя примеры г.г. А. Л.—Г. А.—захотел покровительствовать народу; через сие пресек источники доходов лесничего и стряпчего, а сосим вместе досадил и тем людям, от которых зависели они, нашли предлог г. А. удалить от должности, стряпчего К. несколько десятков раз судившегося и теперь судящегося, послали в другой уезд, испытать его деятельность. Г. Л. был примерным тираном народа чувашского; дела его были так громки, что о его лихоимстве по высочайшему повелению производилось следствие; однако он оправдан и вновь назначен к службе; вся беда его состояла в том, что он истратил на свое оправдание все, что было нажито в стране чувашской. Такой пример правосудия так подействовал на чуваш, что едва ли они и самому царю скажут правду, зная, что после сего и пепла жилищ своих не найдут, будучи подвержены всегдашнему влиянию земской полиции“.

Полковник Маслов.

Донесение полковника Маслова¹ шефу жандармов Бенкендорфу полностью раскрывает картину колониального грабежа, проводимого царскими сатрапами над трудящимися Чувашии во второй четверти XIX века. Оно полностью вскрывает эксплуататорскую роль духовенства, когда следователю нужно дать нужный ему оборот следствия, руку за чувашина „прикладывает церковнослужитель, обязанный держать руку следо-

1) Дело № 529 от 1831 г. из ф. III-го отделения экспедиции ЦАР, содержащее и другие материалы полковника Маслова, в данное время нами совместно с тов. Семеновым Р. (архив Чуваш. Республики) скопировано и, как содержащий изложение весьма интересных фактов по истории чувашского народа, в ближайшее время будет полностью опубликовано.

вателя потому, что и сам имеет с ним равное ремесло". В документе читаем, что „поступки большей частью церковнослужителей с чувашами не лучше писарских и судейских. Для них „смерть чувашина... умершего без исповеди и причастия, есть хлебное дело. За похороны такого покойника берут от 10 и до 100 рублей, угрожая, в случае неплатежа, донести начальству". Все эти колонизаторы—поп, следовательно, чиновник, начальник округа и др. „подвергали (трудящихся чуваш—П. Г.) всякого рода истязаниям... устрашали наказанием, ссылкой в Сибирь, конечным разорением..., перед глазами их приготавливали деревянные колюшки для заковывания..."

Даже беглое знакомство с материалами XIX века показывает множество фактов, как начальство угрожало заковыванием чуваш в кандалы¹⁾ в Буинском и в других уездах, когда всякого рода истязания являлись излюбленными методами управления.

О том, что чувашское крестьянство в начале XIX столетия переживало огромные экономические затруднения, можно заключить и из следующих данных: у большинства крестьян хлеба хватало только до половины зимы, самое большее до масляницы. Приходилось хлеб занимать у богатых, а это приводило к прямой кабале, т. к. приходилось платить осенью за один пуд—два пуда, а то и более, кроме того, целое лето, особенно в рабочее время, всем семейством надо было работать на кулака. Из года в год росли недоимки, достигая в среднем до 6-ти—10-ти рублей на ревизскую душу. Сельское начальство безотлагательно взыскивало подушные деньги, требуя немедленной уплаты. Дело здесь доходило до того, что хозяйство многих бедняков продавалось с торгов и весь домашний скраб за бесценок попадал кулаку, который затем перепродавал его. В поисках денег для уплаты подушных население вынуждено было уходить на посторонние заработки, чаще всего бурлачить на Волгу (фабрик и заводов в этот период было еще немного, притом ряд фабрик и заводов пользовались трудом приписных крестьян). Еще до вскрытия реки Волги многие хозяева волжских судов, особенно крупных барж, в период, когда взыскивались с населения подушные, приходили в деревни, населенные чувашами, татарами, русскими и мордвой, для найма рабочей силы. Сельское начальство, обыкновенно староста, сборщик податей, насильственно принуждало недоимщиков наняться в бурлаки, за такую цену, какая заблагорассудится наемщикам.

В ряде уездов Казанской губернии 1839—40 г. г. были неурожайными годами, недород охватил уезды, населенные и чувашами, и стал принимать угрожающий характер. О размере голода и связанных с ним лишений свидетельствуют „Казанские Губернские Ведомости" за 1842 год, а также француз П. Томасс, состоявший в тот период профессором

1) „Русская старина" т. XXII, за 1878 г. стр. 49.

Казанского Университета. Последний по поводу голода писал: „Возмутились чуваш и черемисы, побужденные крайней нищетой, следствием двух плохих годов.“¹⁾ Ко всему этому, с момента проведения „*Киселевских реформ*“ прибавились все прелести этих реформ, вынуждавшие государственных крестьян вывозить возможно большее количество товарной хлебной продукции на рынок. Понадобились большие средства для содержания реорганизованной системы административного управления государственными крестьянами, на содержание местной власти (волостное правление, капитан-исправник, волостная и сельская расправа и пр.), что резко увеличивало взимание с государственных крестьян подушных податей. По некоторым данным, подушная подать во второй четверти XIX столетия доходила у чуваш и мари от 6 до 8 р. на душу, кроме дорожных, лесных, церковных и пр. сборов, которые так же ежегодно собирались с крестьян аккуратно“.²⁾

В результате проведения правительством Николая I-го Киселевской реформы положение государственных крестьян, в том числе и чуваш, резко ухудшилось, усилилась эксплуатация их помещичье-крепостническим государством и его бюрократическим аппаратом. Этого не скрывала и Казанская палата государственных имуществ. Вот, что она писала в донесении Министерству Гос. Имуществ в 1839 г.: „Бедность и крайнее состояние уничтожили дух кротости и сделали характер тех крестьян (Ядринского, Мамадышского уездов) беспокойными“.³⁾

Нельзя не привести для иллюстрации некоторые данные о „деятельности“ в первой половине XIX-го столетия православного духовенства, которое развернуло свою работу по христианизации чуваш. Последнее видно из приводимого ниже „указа его императорского величества самодержца Всероссийского из Казанской консистории Козмодемьянскому духовному правлению“.—„Сия консистория,—как указывается в документе,—слушав сообщение Казанск. губернского правления, при котором обратило посланный в оное из консистории реестры о не бывших у исповеди и святого причастия разного звания людях по городам Козмодемьянскому и Ядринскому с их уездами, за прошедший 1828 г. для поступления с теми небытейшиками у исповеди и причастия св. тайн приватному суждению духовных их отцов, если кто по нерадению или небрежению, или другим незаконным причинам уклоняться будет от сей святыни, на таковых налагать публичные церковные эпитимии“.⁴⁾ Эти же документы, далее, показывают, как духовенству предписывалось строго следить за выполнением христианских обрядов, тем самым строго блюсти незыблемость помещичье- крепо-

¹⁾ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанск. Университете, т. XIX, вып. 5—6 ст. Сказания иностранцев о Казани, стр. 277—Казань. 1903 г.

²⁾ Конспект по истории народностей Поволжья, Казань, 1919 г., ст. 73—74.

³⁾ Ц. Г. А. Н. Х., Ф. I департамента М. Г. И. опись I, д. № 9 за 1841 г., лист 39.

⁴⁾ Рукописные материалы Чув. Центр. музея.

стнического строя. В 1829 году благочинным Козмодемьянского уезда, села Ишаки, священнику и церковнослужителям села Русской Сормы предписывалось о следующем „внушении“ „без отлагательства времени своим прихожанам“: „1) чтобы ни большие, ни малые отнюдь не ходили без крестов, 2) чтобы все они умели молиться богу, 3) чтобы они мало-по-малу приучались произносить кратчайшие молитвы, а за сим 4) чтобы они всемерно сближались с церковью, как хождением в воскресные и праздничные дни в оную и приобщением св. тайнам детей своих в оные дни, так и напоминанием внушений касательно соблюдения правил оной церкви“. ¹⁾ Особенно подчеркивалась необходимость привлечения к ответственности тех, кто не ходит в церковь, а данные подтверждают, что население уклонялось от выполнения религиозных обрядов. „Раньше бывало,—пишет один поп в своем дневнике²⁾,—чуваши нашей местности гоняли в церковь говеть особые, так называемые церковные десятники (речь идет о Цивильском уезде, Старо-Арабосинской волости, где чуваш было 97%, Архангельско-Янтиковской и Ново-Мамаевской волостях, где чуваш было 82%, остальные русские—П. Г.), на которых и лежала обязанность ежедневно доставлять в течение великого поста в приходский храм известное число говельщиков и говельщиц. Десятники ходили по домам и силой гнали упорных, отказывавшихся от исполнения христианского долга“. Автор далее сообщает, что многие отказывались и что их „местные власти привлекали к ответственности, в частности к штрафам“.

Александра Фукс, изучавшая жизнь чуваш и мари и наблюдавшая факты обмана, грабежа, взяточничества со стороны судей, чиновников и др., писала в 1840 году, „что беда по мнению чувашина—значит попасть под суд. Чувашин не знает несчастья больше этого. Сохрани бог этой беды! не только дом его подвергнется, но и целая деревня страдает от нее“. ³⁾ В самом деле, все это представляло для чувашина огромнейшую беду, ибо он нигде не находил правды и защиты.

Насколько гнет помещичье-крепостнического строя был тяжел, видно, наконец, и из слов В. Сбоева, известного ориенталиста XIX века:

„Научитесь этому искусству (ездить по чувашским деревням—П. Г.) у выгнанного со службы подканцеляриста Брагина, который едет, бывало, в пресловутый град Козмодемьянск, чтобы партикулярно посприпеть перушком в тамошнем земском суде. Вот его грозная персона влетела во двор выбранного на лихой тройке. Лошадей!—кричит хриплым басом, и ни с того ни с сего, вместо здорово живешь, дает выборному две хороших

¹⁾ Рукописные материалы Чувашского Центрального музея.

²⁾ Извест. по Казанской епархии за 1904 г. отдельн. оттиск, ст.--По Чувашск. приходам. стр. 2—3. Подпись П. Мике.

³⁾ Записки Александры Фукс—О чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань 1840 г. стр. 57—58.

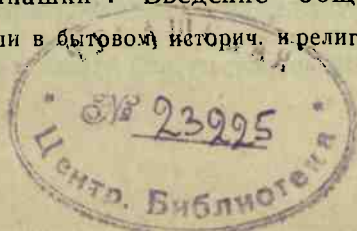
оплеухи. Тот с глубоким уважением с низким поклоном провожает гостя в дом. Там Брагин приказывает подать себе вино, пиво, яиц, яшку (суп) из курицы, и с избытком вознаграждает свое чрево за долговременный пост в Казани. Между тем лошади готовы. Укантованный даровым обедом Брагин выходит из дому, пошатываясь из стороны в сторону. Ему подана пара мирских лошадей, да и тех выборный едва отыскал, потому что лошади все на работе, на сенокосе. Как?—воскликает Брагин, только пара? Не хочу; вези это сам; и с этим словом он вынимает из кармана рукописный песенник, сборник образцовых стихотворений известнейших авторов, как то: Баркова А., Пушкина и др. да две, три черновые просьбы, написанные им в Мокрой для татар, за пятиалтынный. Все это энергически разбрасывает по двору выборного и борзыми стопами идет к околице, очень хорошо зная, что пешком недолго придется ему итти. Оторопелый выборный бережно собирает разбросанные бумаги, велит ямщику пристегнуть свою собственную лошадь, кладет в мошну (т. е. в руки) синюю бумажку и сам отправляется вслед за сердитым господином. Как он там умолял Брагина не погубить его с ребятами, как кланялся ему в ноги, а в руки будто бы насильно всучив синюю ассигнацию,—об этом молчит история. Вот как в *старину ездили* (подчеркнуто автором—П. Г.) почувшам чиновные люди и приобретали себе всюду уважение, почтение¹⁾ Приводимые выше Сбоевым В. факты отчетливо показывают нравы чиновников и положение чувашского начальника. Нет сомнений, что выборный отдавал в виде взятки не свои деньги. Все производимые подобными начальниками расходы, как правило, накладывались на деревню, т. е. на крестьян.

Итак, в результате проводимых среди государственных крестьян реформ—положение чувашского крестьянства еще более ухудшилось, значительно усилилась феодально-крепостническая эксплуатация, увеличились подати, поборы. Все это резко снижало жизненный уровень народа, подготавливало стихийное недовольство крестьян против самодержавия, вылившееся впоследствии в выступления крестьян-чуваши в 1841—42 годах против ряда проводимых правительством мер, а в мае 1842 г. в крупнейшее восстание чувашских крестьян.

II. ВВЕДЕНИЕ СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗАПАШЕК. ВОЛНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1841—42 г.г.

Проведенная среди государственных крестьян в 1837—38 г.г. Киселевская реформа, как было уже сказано, резко ухудшила положение чувашского крестьянства. В дополнение ко всему этому, правительство Николая I распорядилось ввести с 1839 года среди крестьян Казанской губернии так называемые „общественные запашки“. Введение общественных запашек,

¹⁾ В. Сбоев. Чуваши в бытовом, историч. и религиозн. отношен. М. 1865 г. стр. 14—15.

которые по сути дела представляли введение среди государственных крестьян подобия барщины, до этого совершенно им неизвестной, еще более ухудшило положение государственных крестьян, хозяйство и материальный быт которых были давно уж подорваны частыми голодовками, огромными податными поборами и произволом бюрократического аппарата самодержавия. Введение общественных запасек приравнивало государственных крестьян к положению удельного крестьянства.

Общественные запашки земель были введены еще задолго до 1839 года: были введены у удельных крестьян и, частично (в ряде губерний)—среди государственных крестьян. В одно время правительство „пожелало“ ввести их и среди помещичьих крестьян, но ввиду того, что сами помещики сопротивлялись (т. к. необходимо было выделить землю, что было не в интересах помещиков)—эта „идея“ была в первой четверти XIX века правительством забыта. Как же относились к этим мероприятиям удельные крестьяне? По этому вопросу имеется ряд данных, которые свидетельствуют, что введение общественных запасек удельными крестьянами было воспринято отрицательно. Только применение вооруженной силы заставляло крестьян продолжать эту запашку.

Крупные выступления удельных крестьян, а также лашман на почве запасек и земельного вопроса имели место в Сызранском уезде Симбирской губернии, среди чуваш и мордвы. Некто И. С. Жиркевич в статье „Симбирская губерния в 1834 г.“ описывает, что „в Сызранском уезде между лашманами возникло беспокойство по поводу отчуждения сенатом участка земли от одной казенной волости к помещичьему владению. Лашмане и большое число удельных крестьян, всех до 4-х тысяч душ, собрались толпой, оказали сопротивление, и чиновники вместе с командой солдат вынуждены были удалиться“. Далее тот же автор описывает, как для подавления выступлений крестьян были отправлены две роты солдат. „В 1833—34 г. г.,—пишет он же,—в ряде уездов, в том числе в уездах, населенных мордвой и чувашами,—были брожения среди крестьян казенных по поводу перевода их, т. е. крестьян, в удельное ведомство“. ¹⁾ Крупные выступления крестьян имели место в Буинском уезде в д. Шихирданах, Сугути и др., в Курмышском уезде, в местностях, населенных татарами и чувашами.

Отсюда становится вполне ясным, почему впоследствии чуваша некоторых уездов Казанской губернии оказывали усиленное сопротивление введению у них общественных запасек, считая, что это равносильно переводу их в удельное ведомство. О выступлении крестьян против перевода их в удельное ведомство говорят также „Материалы для истории крепостного права в России“ (извлечения из секретных отчетов министерства Внутренних дел за 1836—1856 гг.). „Лашманы пяти селений Симбирской губернии оказали, при введении общественной запашки,

¹⁾ «Русская старина»—историко-литературный журнал за 1878 г., т. XXIII., стр. 42.

совершенное неповиновение, последнее подавлено воинской силой". Далее—„в удельном имении Симбирской губернии Курмышского уезда (уезд населен чувашами) лашманы девяти деревень оказали неповиновение в составлении мирских приговоров на счет распределения работ на общественных полях".¹⁾

По закону от 1827 года, когда была учреждена общественная запашка среди удельных крестьян, предписывалось отрезать от крестьянской пахотной земли в каждом поле до $\frac{1}{16}$ части десятины на каждую душу, и участок этот крестьяне обязаны были обрабатывать сами, а полученный урожай сдавать в общественный магазин (на чувашском языке „макасей"). Введение общественной запашки среди удельных крестьян, а впоследствии и среди государственных крестьян, приводило к огромным злоупотреблениям. Особенно это замечалось со стороны удельного ведомства.

Удельное начальство общественную запашку проводило в следующем порядке: заранее определялась норма урожая, делалось это исключительно для того, чтобы заинтересовать в лучшей обработке земель и одновременно местное, т. е. сельское, начальство. Излишек сверх нормы должен был распределяться между чиновниками удельного ведомства, которые обязаны были руководить организацией общественных запашек. На практике „руководство" свелось к насильственному принуждению удельных крестьян удобрять своим навозом общественные запашки, чтобы увеличить урожай. Полученный же урожай полностью забирался начальством. О том, какую прибыль получало удельное начальство от общественных запашек, свидетельствуют хотя бы такие факты: в 1834 году управляющий Саратовской конторой получил свыше 3000 р. серебром, а Управляющий Костромской конторой в 1836 г. получил свыше 5000 р., а в 1837 г. около 7 тысяч рублей серебром. Таким образом, общественные запашки сразу потеряли характер вспомогательного для крестьян учреждения и превратились в дополнительный источник доходов для местного и центрального начальства, а в пользу уделов отчислялось 10%.²⁾ На практике выходило, что на наделной крестьянской земле, без затраты каких-либо средств, используя даровой труд удельных крестьян, заставляя нести их все повинности, местное начальство и администрация удельного ведомства извлекали огромный доход, который только по Саратовской губернии доходил до 18.000 рубл. Крестьяне же, оставаясь малоземельными, вынуждены были владеть прежнее нищенское полуголодное существование. Кроме того, удельное начальство привлекало крестьян для помещичьих работ бесплатно или за малую плату, сдавало общественную землю в наем для своих выгод, сдавало

¹⁾ Материалы для истории крепостного права в России. Берлин, 1873 г. стр. 2 и 43.

²⁾ Великая реформа, т. II изд. 1911 г. ст. Боголюбова—Удельные крестьяне, стр. 258.

крестьян по пристрастию в рекруты, изнуряло их побоями, излишними поборами и взятками, как о том жаловались крестьяне на начальство.¹⁾ С 1829 года по 1861 г. от продажи хлеба с общественной запашки удельных крестьян было выручено всего 14 миллионов рублей серебром, а из них свыше 6 миллионов рублей пошло на вознаграждение по надзору за запашкой (т. е. пошло в карман удельного начальства, П. Г.): 5 миллионов рублей в уплату повинностей за крестьян, около 1,5 миллиона в доход уделов, а крестьянам, которые непосредственно работали по общественной запашке, не досталось ничего.²⁾ Несмотря на громаднейшие доходы с общественных запашек, благая цель которых была направлена на пополнение общественных продовольственных магазинов, из расчета по 1,5 четверти с души, отчисления в продовольственный капитал производились не с доходов от общественных запашек, а почти исключительно с душевого надела самих крестьян. Поэтому работа по общественной запашке ложилась большой тяжестью не только на удельных крестьян, но впоследствии и на государственных крестьян. Только этим можно объяснить повсеместный отказ от введения общественных запашек, многочисленные ходатайства крестьян об отмене этого мероприятия. Несколько позднее в выступлениях удельных и государственных крестьян в ряде губерний—Пермской, Вятской, Казанской и др.—четко определилось отношение крестьян к проведению мероприятий, связанных с общественной запашкой.

Общественные запашки в селениях государственных крестьян были первоначально „высочайше“ утверждены 15/II-1835 г. В записке министра финансов „Об учреждении в казенных селениях общественных запашек для сельских запасных хлебных магазинов“, ввиду успешности введения в некоторых местах взамен установленного положением от 5/VII-1834 года ежегодного сбора зерна по числу ревизионных душ, усиленно рекомендовалось „стараться заводить запашки для сельских магазинов в удобных местах (т. е. на хороших землях—П. Г.), склоняя к сему общество без принуждения“.³⁾

Впоследствии, когда государственные крестьяне после Киселевской реформы перешли в ведомство министерства государственных имуществ, общественные запашки учреждались на основании ст. ст. 51—54 устава о народном продовольствии или по собственному желанию сельских обществ, или по распоряжению начальства, в случае неисправности сельских обществ в взносе хлеба для составления запасов или в исполнении других повинностей. Но по встретившимся тогда затруднениям „мера сия в Казанской губернии осталась без исполне-

1) Там же, стр. 253.

2) Великая реформа, т. II изд. 1911 г. Москва, статья—Удельные крестьяне, стр. 254.

3) ЦАУ Татарской АССР, Фонд канцелярии Казанского военного губернатора, д. № 3 за 1842 г. по арх. опис. № 27, Об общих распоряжениях по введению общественной запашки и об уклонении крестьян от заведения оной—л. 5.

ния"—как сообщает в своем донесении Казанский военный губернатор Шипов.¹⁾ Как видим, общественные запашки среди государственных крестьян были введены еще с 1835 г. и должны были проводиться, по замыслу правительства, „без принуждения“, чего, конечно, не было на практике. „Идея“ запашки на крестьянской надельной земле трудами самих же крестьян со сдачей урожая в продовольственные магазины вызывала с первых же моментов введения общественных запашек категорический отказ от работы, выделения земель и др. По нашему мнению, временная задержка введения общественных запашек среди государственных крестьян в Казанской губернии объясняется исключительно тем, что эти мероприятия вызвали в ряде губерний, населенных русскими, массовые волнения, Казанская же губерния была многонациональной, следовательно, здесь была еще большая трудность введения их. Почему правительство и воздерживалось вводить общественные запашки среди татар, чуваш, мари и др. По поводу введения общественных запашек еще в 1835—36 г. г. возникли ряд крупнейших волнений среди казенных крестьян в двух уездах Пермской губернии, а затем и в Вятской губернии. „Граф Апраксин,—читаем в отчете о деятельности чинов корпуса жандармов за 1835 г. ²⁾),—немедленно прибыв в Кунгур, принял начальство над следственным по сему делу коммиссиею, рассмотрел причины и степень преступления крестьян; 64 человека, как главнейших зачинщиков, передал военному суду, несколько сот человек наказал на главном месте их преступления при сборе народа; затем в каждой волости, где происходили беспорядки, подвергал при себе менее виновных полицейскому наказанию в страх другим и везде сам внушал крестьянам повиновение начальству и пагубные следствия, проистекающие от их заблуждения. Таким образом,—продолжает тот же отчет,—действуя мерами более или менее страшными и соображая оное самым положением и нуждами крестьян, он успел в самое короткое время водворить в возмущившихся волостях совершенную тишину и безусловное повиновение властям, и тем вполне оправдал к нему доверие вашего величества“. Такую „лестную“ характеристику дают о работе жандарма Апраксина по борьбе с волнениями государственных крестьян, возникших по поводу введения общественных запашек в Пермской губернии. Несколько позднее, в нравственно-политическом отчете за 1842 г., составленном корпусом жандармов, сообщается, что возникли волнения крестьян в Казанской и Вятской губерниях. „Для усмирения казенных крестьян в Казанской и Вятской губ., по неуспешности обыкновенных мер, употреблено было огнестрельное оружие, а поселяне Оло-

1) ЦАУ Татарской АССР. Фонд канцелярии Казанского губернатора д. № 3 за 1842 г., по архивной описи № 27. л. 5.

2) Центрархив—Крестьянское движение 1827—1869 г.г. собрал Мороховец, вып. I, изд. 1931 г. Москва, стр. 19.

нецкой, Пермской и Московской губ.—приведены в повиновение строгим наказанием¹⁾

Из всего вышеизложенного видно, что волнения крестьян жестоками мерами расправы — применением огнестрельного оружия, шпицрутенами и др.—„внедряло“ среди государственных крестьян общественные запашки, вопреки желанию самих крестьян. Все это называлось „вразумлением общества“²⁾, как характеризует Казанский военный губернатор подавление выступлений крестьян Казанской губернии.

В Казанской губернии общественные запашки были введены частично еще в 1839 г., в большей мере в 1841 г. (эти годы были голодными) и затем была введена без согласия мирских обществ в 1842 году—„с той целью, чтобы хлеб, собираемый с полей, обрабатываемых общими силами, вносим был на обеспечение народного продовольствия в сельские запасные хлебные магазины“³⁾

Специальным циркуляром губернатора по гражданской части, адресованным земским полициям Казанской губернии, „предписывалось земским исправникам лично и через станы становых приставов, объявить казенным крестьянам, что в тех местах, где поселяне, по добровольному соглашению своему не назначат потребной для общественной запашки земли, Палата (имеется ввиду Палата Государствен. Имуществ в губернии.—П. Г.) обязана по собственному распоряжению своему, назначить таковую землю и учредить запашку без согласия крестьян.“⁴⁾ Этим распоряжением земской полиции было предоставлено право действовать более решительно по введению общественной запашки среди крестьян Казанской губернии. Полиция скоро воспользовалась этим правом.

В проведении мероприятий, связанных с введением среди чуваш общественных запашек и посадки картофеля, огромную роль, кроме местного начальства, чинов земской полиции, сыграло духовенство. Казанская Консистория от 16/II—1842 г. разослала по благочинным округам Казанской епархии специальные предписания о содействии сельских священников „в разведении картофеля, убеждением поселян в пользу сего продукта и посева оного на собственных полевых участках, внушив им при том, что те из них, кои окажут особое усердие и успех в сем деле, не будут оставлены без должного внимания начальства“⁴⁾. В исполнение этих директив духовенство развернуло большую работу среди населения; это видно хотя

1) Цитированная работа, стр. 51.

2) ЦАУ Татарск. АССР, фонд канцелярии Казанского губернатора, д. № 3 за 1842 г. лист 11 (циркуляр зем. полиции Казанской губернии о введении общественных запашек).

3) ЦАУ ТАССР, фонд канцелярии Казанского губернатора, д. № 3 за 1842 г. лист 11.

4) Рукописн. материалы Чув. Центр. Музея—фонд „Исторические документы XIX века“.

бы из того, что в 1842 г. в Акрамовском приходе Козмодемьянского уезда был убит крестьянами местный поп за агитацию по введению общественной запашки среди крестьян. Подобные факты выступления населения против духовенства имелись и в Ядринском уезде. Население на этих примерах еще больше убеждалось, что духовенство является проводником и защитником интересов помещичье-крепостнического строя.

Население губернии, доведенное до нищенского уровня существования, обремененное тяжелой податью и многими другими поборами, встретило введение **общественных запашек**, ложившихся огромной тяжестью на беднейшую часть населения, несмотря на увещевания духовенства, местного волостного начальства, явно враждебно. В 1841 и 1842 г. г. среди чуваш, мари, татар и русских Казанской губернии все более усиливался ропот, что их переводят в разряд удельных крестьян. Крестьянство губернии встало на путь открытой борьбы против введения общественных запашек, видя в этом ущемление их законных прав, превращение их в удельных крестьян. События эти настолько стали угрожающими, что понадобилось вмешательство губернского начальства. Казанский военный губернатор писал о необходимости заставить крестьян обрабатывать земли, выделенные под общественную запашку, применяя вооруженную силу и артиллерию.

В ответ на вышеуказанное предписание Казанского военного губернатора в 1841 году в целом ряде уездов, а именно в Чебоксарском, Козмодемьянском, Цивильском, Ядринском, Спаском и др. уездах, стали возникать—первоначально стихийно, а потом более организованно—отдельные выступления государственных крестьян, а впоследствии и целыми волостями с требованием отмены общественных запашек и принудительного сева картофеля. Необходимо здесь коротко остановиться на вопросе о разведении картофеля среди мелких народностей Поволжья, потому что в дореволюционной исторической литературе отдельные выступления крестьян, возникшие по поводу введения общественных запашек, трактовались как „картофельные бунты“, объясняя это положение только тем, что чуваш и др. будто бы не желали разводить культуру картофеля. На самом деле картофель у чуваш был введен еще с конца XVIII столетия, при царствовании Екатерины II-й. Такое смешение, по нашему мнению, происходило потому, что во второй четверти XIX века по распоряжению министерства государственных имуществ были выделены при каждом волостном правлении по несколько десятин земли для разведения картофеля, которые и должны были обрабатываться государственными крестьянами, а урожай должен был сохраняться на семена.

Крестьяне многих волостей Казанской губернии, в том числе и волости, заселенные чувашами, к этому мероприятию отнеслись отрицательно. Они категорически отказывались обрабатывать землю под картофель. Отказ от посадки картофеля, как иные думают, был основной причиной волнения чуваш в 1841—

1842 г. г. Утверждение это не верно. Главной причиной было введение общественной запашки, захват крестьянских земель, новые податные тяжести, слухи о переводе чувашских крестьян в удел и разряд крепостных.

Некоторые исследователи склонны отнести волнения крестьян, вызванные введением общественных запашек, только к одной Казанской губернии, что также явно неверно. В те же годы, а именно в 1841—1843 г.г. крупнейшие волнения крестьян происходили в Степановской, Ордынской и Медянской волостях Осинского уезда Пермской губернии. Причина здесь была та же самая—общественные запашки, результаты реформ Киселева.

Управляющий палатой Государственных имуществ доносил Казанскому военному губернатору генерал-адъютанту Шипову, что „в конце ноября месяца прошедшего года (имеется в виду 1841 г.—П. Г.) чуваш и черемисы Чебоксарского округа начали в просьбах жаловаться на то, что их заставляют сеять картофель, вводить общественную запашку, собирать в магазины хлеб, и при этом изъявили опасение быть обращенными в удел, ходатайствовали об оставлении их в первобытном состоянии“.¹⁾

Повсеместность движения подтверждается и следующими данными: „Большое брожение крестьян происходило в то же время в Саратовской губернии“.²⁾ Крупнейшие волнения крестьян происходили в Вятской губернии, Нолинском и др. уездах. „Крестьяне прогнали своих голов и старшин (сельская администрация) и на место их избрали других, выкинули посаженный картофель, требуют уничтожения окружных и сельских управлений“ (Толохмчинская волость),—сообщает в своем донесении в департамент полиции Вятский гражданский губернатор о неповиновении крестьян разных уездов Вятской губернии.

Данные, таким образом, убедительно подтверждают, что крестьянские движения, возникшие в 1841 году, а затем продолжавшиеся весь 1842 и 1843 г. г., протекали во многих местах, как например, в Пермской, Вятской, Саратовской, Казанской губерниях, и что основной причиной их являлось введение общественных запашек, наложение на крестьян новых поборов и т. д. Но необходимо упомянуть и о том, что, будучи достаточно широким в смысле территориальности, крестьянское движение этого периода в то же время явилось узким в том смысле, что оно охватило не все разряды крестьянского населения, а лишь государственных крестьян. Здесь сказалась та неорганизованность, которая вообще присуща крестьянскому движению.

Крестьянские волнения в четырех уездах Казанской губернии, Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козмодемьянском, нача-

1) ЦАУ Татарской АССР, ф. канцелярии Казанского военного губернатора св. 7, д. №30—1842 г. л. 3.

2) Архив Внутренней политики, культуры и быта (ЛЮЦИЯ) ф. Д. П. д. 239, лист 28.

лись в октябре—ноябре 1841 года. До этого времени повсеместно были закреплены общественные запашки и мероприятия, связанные с посевом картофеля. Население губернии—чуваши, русские, мари́йцы, еще достаточно ясно не представляло всех прелестей вводимых правительством общественных запашек среди государственных крестьян, но ему было понятно одно, что запашки проводятся в интересах крепостнического государства. Обманутые представителями местных властей—чиновниками из ведомства палат государственных имуществ, особенно духовенством, население в первое время сдерживалось и активно не выступало. Но „в конце ноября месяца,—как сообщает в своем донесении Казанская палата государственных имуществ от 31/XII--1841 г. за № 328 министру государственных имуществ,—в переданных мне (имеются ввиду переданные жалобы в палату госуд. имуществ—П. Г.) господином-губернским прокурором просьбах от имени целых обществ чуваш и черемисы Чебоксарского округа начали жаловаться на то, что их заставляют сеять картофель, вводить общественную запашку, собирать в магазин хлеб, а при этом изъявляли опасения быть обращенным в удел, ходатайствовали уже об оставлении их в первобытном состоянии“.¹⁾ Далее, этот же документ повествует: „Я не мог не заметить, что в Чебоксарском округе есть люди, которые колеблют умами простодушных, и можно сказать, полудиких жителей“.²⁾ Вскоре, через пару недель, в том же в 1841 году волнения крестьян переходят в соседний с Чебоксарским уездом—Цивильский округ, а затем уже начали являться в палату во множестве с просьбами об освобождении от общественных запашек и об оставлении в первобытном состоянии крестьяне Козмодемьянского и Ядринского округов, которые, „при делаемых в присутствии палаты вразумлениях, обнаруживают главным побуждением к подаче просьб одно лишь опасение на счет мнимого поступления в удел, злонамеренными людьми им внушаемого“.³⁾ Так постепенно волнение крестьян чуваш, возникшее в Чебоксарском округе, в том же 1841 г. стало переходить в Цивильский округ, а затем и в Козмодемьянский и Ядринский округа Казанской губернии. Так подготовлялось одно из крупнейших волнений крестьян чуваш, которое вошло в историю чувашского народа под названием «Акрам вёрси» (Акрамовская война). Пользуясь некоторыми архивными данными, мы хотели бы особо остановиться на вопросе о причинах, которые побудили чуваш, мари́йцев и русских к выступлениям против правительства. Это тем более нужно, что до сих пор не было систематического обобщения причин волнений, следствием чего имели место различные толкования (см.: статью и т. т. Озерова и Обдир-

¹⁾ ЦГА Н. Х. фонд 1-го департам. М. Г. д. № 4208 за 1842 г. лист 16 (дело об уклонении чуваш. Казанской губ. от посева картофеля и о злоупотреблен. при сем).

²⁾ Там же.

³⁾ ЦАУ Татарской АССР, ф. канцелярии Казанского военного губернатора, св. 7, д. № 30. 1842 г. л. 4.

кина „Архивное дело № 2 (46) за 1938 г.); предисловие к документам „Волнения чувашского крестьянства в 1842 году“ (см. Красный архив № 2 (87) за 1938 год). Какие же причины подготовили выступление чуваш? Об этом ярко свидетельствуют высказывания самих чуваш, например, жителей села Анат-Киняр бывш. Козмодемьянского уезда (ныне Ишлейского района ЧАССР). Причины возникновения волнений крестьяне старики села Анат-Киняр, бывш. Козмодемьянского уезда (подробно об этом говорит в своей статье В. Магницкий) объясняли следующим: „Поводом к волнению крестьян,—как передают старики-чуваш,—являлось не только общественная запашка, но толкование среди народа, что чуваша будут помещичьими крестьянами“ (подчеркнуто нами.¹⁾ Не быть крепостными крестьянами, вот истинный мотив тех выступлений, которые возникли почти одновременно во всех уездах, заселенных чувашами. Крестьяне-чуваша видели и понимали на опыте русского крестьянства, как было тяжело ярмо крепостного права. При том крестьяне видели, как помещики-крепостники эксплуатировали, заставляли работать крестьян, так как в пределах Чебоксарского, Цивильского и др. уездов, населенных чувашами, крепостных крестьян, главным образом русских, насчитывалось до 7000 душ. Сама губернская администрация в ряде донесений так же не скрывала причин, побудивших к недовольству крестьян и объясняла все это не только тем, что были введены общественные запашки, но и тем, что были и глубокие причины, кои затрагивали все стороны внутренней жизни крестьян и кои становились наиболее утеснительными в 1841—1842 г. г. Полковник Львов—начальник 7-го округа корпуса жандармов в Казанской губернии, в донесении шефу жандармов Бенкендорфу сообщал, что „главнейшею сему причиною был предложенный отвод мест для запашек лучшей земли и вблизи самих селений, через что крестьянские участки подвергались переменам и затруднению в новом измерении“ (т. е. окончательно запутывались земельные переделы выделением от наличных душ земель для запашек.—П. Г.²⁾ Достаточно ярко о причинах, приведших к открытому недовольству крестьян-чуваш, сказал в своем донесении Казанский военный губернатор Шипов от 4/IV-1842 г. за № 2169 министру госуд. имущ. „Вникая в жалобы от крестьян во множестве поступающих, я имел причины полагать, что действие по сему окружных и волостных начальств неблагоприятно и для крестьян утеснительно, ибо большая часть из них жаловалась наиболее на то, что у них отнимали под общественные запашки лучшую и обработанную землю, заставляя передавать бывшие во владении их полосы от одного к другому и делая для обрабатывания их несвоевременные и неурав-

¹⁾ „Волжский Вестник“ № 34 за 1883 г. статья—„Рассказы об Акрамовском картофельном бунте“.

²⁾ „Красный архив“ 1938 г. № 2(87) стр. 99.

нительные наряды и т. п.¹⁾ Когда же в апреле месяце 1842 г. выступление крестьян охватило все четыре уезда, населенные чувашами и марийцами, М. Г. И. спешно командировало для выявления причин в Казанскую губернию камер-юнкера барона Корфа. Последний, прибыв в Казань и ознакомившись с жалобами крестьян, донес рапортом от 30/IV товарищу М. Г. И. Гамалею, что „к несчастью были в сей губернии примеры, что окружные начальники дозволяли себе с крестьян сборы“.²⁾ Под сборами необходимо подразумевать взятки, которые брались с крестьян. В 1841 году окружной начальник Чебоксарского округа Лебедев составлял произвольно приговора с сельскими обществами. Немало брал денег с крестьян и под страхом привлечения их к суду, запугивал чуваш, марийцев арестами. Если из них кто-либо говорил про него, то он привлекал их к суду. Но через некоторое время крестьяне Чебоксарского округа собрались на сельский сход и приняли приговор с решением довести о таких „сборах“ высшему начальству. Приведем полностью копию одного приговора. „1841 г. декабря дня Казанской губернии Чебоксарского уезда Сундырской волости дер. Сатышева из чуваш крещенные ясашные крестьяне с общежителами, на общей сходке учинили сей приговор в том, что г. окружной начальник нашего уезда Андрей Николаев Лебедев склонял нас, что будто бы для засева картофеля и озимого хлеба земли брать у нас не будет (вот чего страшно боялись чуваш, — П. Г.), с тем, чтобы мы отдали ему по 20 коп. с души, что ими собрано показанное количество, но г. Лебедев, отступая от сказанных им слов, ныне по осени засеял с нашего участка по три десятины для ржаного хлеба и овса, да к тому же собраны им с нас в сентябре месяце с. г. с каждой души по 1 р. 19 коп., а на какие именно предметы нам неизвестно, да в октябре месяце собрано им же по 12 коп. с души за содержание самим им якобы ямщиков, и еще чинится сбор по одной пудовке с души ржи и овса по третий уже год, для чего нам необъявлено ни через земский суд и ни через Волостное правление, а потому составили сей приговор для представления о сих поборах высшему начальству для дознания точной справедливости и законной защиты“.³⁾ Приговор был вынесен от имени 46 человек. В дополнение ко всему этому крестьяне обязаны были платить подати, сборы, кои осуществлялись государством, последние возросли со времени проведения Киселевских реформ на 40—45%. „Сборы“, проводимые окружными и волостными начальниками, не ограничивались только одним или двумя формами, а приобретали чудовищный характер. В деле „Об уклонении чуваш

¹⁾ ЦГАНХ, фонд 1-го департамента М. Г. И., д. № 4208 за 1842 г. л. 26 или Архив Внутренней политики, культуры и быта (ЛОЦИА), ф. М. В. Д. за 1842 г., д. 276, лл. 1—4

²⁾ ЦГАНХ, фонд 1 департамента М. Г. И. д. № 4208 за 1842 г. лист 40.

³⁾ ЦГАНХ, ф. 1 департамента М. Г. И., д. № 4208 за 1842 г. л. л. 218—219.

Казанской губернии от посева картофеля и о злоупотреблениях при сем^а мы имеем подробное описание этих „сборов“, о которых сообщал барон Корф своему начальству.

Управляющий Казанской палатой Г. И. статский советник Нефедьев, поехавший для разведывательных целей в чувашские и марийские села Чебоксарского уезда, писал о том, что „через расспрашивание означенных сел и деревень (приводится список деревень и сел Чебоксарского уезда, где он был—П. Г.) я дознал: 1-е, что для освобождения от посевов картофеля и запашки, собирали иные по 20 коп., другие по 30 и 50 коп. с души и деньги отдали окружному начальнику Лебедеву (об этом см. приговор). 2-е, что о них (т. е. с крестьян) собирается от 12 до 14 коп. на наем лошадей для окружного управления и 3-е, что в селах: Красном Яру, Помыеве, Кужмаре, которые совершенно удалены от больших дорог, производили в пользу окружного начальника Лебедева денежный сбор еще с 1839 г. в разное время, за освобождение от квартирования у них цыган, за избавление положенного на них платежа недоимок и за избавление от очистки озера, в середине с. Красного Яра находящегося. При этом чувашин с. Тогаева Филипп Димитриев объявил мне, что у него в доме квартирует сельское управление из платы по 85 руб. ассигнациями в год, но он денег этих не получал за два года“.¹⁾ Если подробно рассказать про проделки окружного, волостного и местного начальства, как говорил писатель Т. Шевченко, сам ад может притти в ужас.

Следовательно, основными причинами, приведшими крестьян к более активным выступлениям в 1842 г. были: 1) опасение крестьян-чуваш, марийцев, что их переводят в крепостное состояние и удельное ведомство; 2) утеснительные действия, несвоевременные и неуравнительные наряды, которые исходили от окружного, волостного начальства; 3) взятки с крестьян; 4) рост податей и других сборов на содержание чиновников и т. д.; 5) общественная запашка, даровая работа на государство помещиков. Но наиболее существенной причиной для чуваш был земельный вопрос, поскольку для введения общественных запашек насильственно отбирались лучшие пахотные земли и, главным образом, из наделных земель, что резко ухудшало положение крестьян.

Возникшее недовольство среди государственных крестьян Чебоксарского, Цивильского, Козмодемьянского и Ядринского округов и уездов в 1841 году перед весенним севом, когда предстояли запашки, стало принимать в некоторых уездах характер продолжительных противоправительственных выступлений, а затем и длительных волнений. По этому поводу управляющий Казанской палатой Государственных имуществ писал 31 декабря 1841 года в М. Г. И., что „в конце же ноября месяца прошедшего года.... чуваш и черемисы Чебоксарского округа начали жаловаться на то, что их заставляют засеивать кар-

¹⁾ Там же, лист 19.

тофель, вводить общественную запашку, собирать в магазины хлеб и при этом изъявили опасение быть обращенными в удел¹⁾) В Чебоксарском округе охвачены были волнениями следующие села и деревни: Тогаево, В.-Сотниково, Юктуганово, Шигаево, Собачкино, Тюрлема, М.-Тимерчеево, Почашево, Идельмеси и др. Затем палата Государственных имуществ, которой были подчинены в губернии государственные крестьяне, последующими представлениями довела до сведения министерства Государственных имуществ и военного губернатора и о подстрекающих лицах. Палата просила губернатора распоряжения об аресте их, привлечения к ответственности, а со своей стороны в Чебоксарский округ командировала помощника Ядринского окружного начальника Краснова. Последнему было поручено „с благодарумной скромностью сделать во всех подробностях разведывание, обратив особое внимание на то, не колеблет ли умы чуваш и черемис кто-либо из людей, не принадлежащих новому управлению и т. д. ²⁾“). Через некоторое время, как сообщает та же палата Государственных имуществ, „подобное колебание умов перелилось в округ Цивильский, а ныне уже начали являться в палату во множестве с просьбами об освобождении от общественных запашек и об оставлении в первоначальном состоянии крестьяне Козмодемьянского и Ядринского округов, которые при делаемых в присутствии палаты вразумлениях, обнаруживают главным побуждением к подаче подобных просьб одно лишь опасение на счет мнимого поступления в удел, злонамеренными людьми им внушаемого“. События на местах продолжали развиваться, крестьяне чуваша подготавливали жалобу, для чего должно было собираться по деревням и обсуждали вопросы, связанные с введением запашек и другие вопросы, потому что весной 1842 года предстояло новое выделение земель, затем и обработка.

Об этом достаточно ярко рассказывает Ядринский окружной начальник в своем донесении в палату Государственных имуществ. Ядринский окружной начальник в марте 1842 года, на основании поступивших к нему рапортов от Асакасинского, Убеевского, Исаковского и Тинсаринского волостных правлений, довел до сведения палаты, что в ряде мест крестьянами чувашами и русскими собираются денежные сборы на ходатайство об уничтожении общественной запашки и имеются прямые заявления об отказе. Управляющий Казанскую палатой в донесении Казанскому военному губернатору генерал-адъютанту Шипову от 21/III-1842 г. сообщал, что „по Ядринскому округу произвели в поселениях (т. е. среди крестьян) колебание умов крестьянин Цивильского округа Борис Кононов Торопов и Чебоксарский мещанин Иван Сергеев Пономарев, проживающий на содержимой им мельнице при деревне Байгуловой, которые

¹⁾ Ц. Г. А. Н. Х. фонд I департамента М. Г. И. д. 4208 за 1842 год „Об уклонении чуваш Казанской губернии от посева картофеля и злоупотреблен. при сем“, лист 16.

²⁾ Ц. Г. А. Н. Х. фонд I департамента М. Г. И. д. 4208 за 1842 г. лист 17.

разъезжая по деревням на обывательских подводах без платежа прогонов, возмущали жителей к избранию поверенных для ходатайства об уничтожении запашек¹⁾

Приведенные данные позволяют нам судить о значительной связи крестьян Чебоксарского округа с государственными крестьянами Цивильского и Ядринского округов, что еще более подчеркивает большой размер развивающихся событий, которые в мае 1842 года разрослись в крупнейшие волнения крестьян—чуваши, русских, марийцев—против царизма.

В связи с выдвинутыми положениями нам хочется внести ясность в понимание закономерностей происходивших в 1842 г. на территории нынешней Чувашской Республики событий. До последнего времени события, связанные с 1842 г., рассматривались только как Акрамовские события. Совсем игнорировались такие факты, как выступление крестьян в Чебоксарском, Цивильском, особенно в Ядринском уезде, где выступления были подавлены вооруженной силой. Такой факт, когда „чуваши деревни Тимерчи, Чебоксарского уезда, Матвей Артемьев с товарищами,—доносит в М. Г. И. Управляющий Казанской палатой Г. И.,—решительно сказали: „**пускай что будет, то и будет, Сибирь-так Сибирь, не хотим жить по-старому**“ (подчеркнуто нами—П. Г.).²⁾ говорит о большой активности крестьян чуваш Чебоксарского уезда. Первые волнения начались в Чебоксарском уезде в Липовской волости, затем перешли в Цивильский и Ядринский уезды и только в мае 1842 года в Козмодемьянский уезд.

Управляющий палатой государственных имуществ одновременно сообщил о принятых мерах, предписал всем окружающим начальникам губернии принять совместно с капитан-исправниками „деятельные меры“ к прекращению беспорядков. Как увидим далее, принятые меры не дали нужных результатов, в начале апреля месяца 1842 года волнения чувашских и русских крестьян принимают наиболее угрожающий характер; последнее видно из донесения военного губернатора Шипова от 4/IV. 1842 г. в СПб Министру Внутренних Дел. Он сообщил, что казенные крестьяне Чебоксарского уезда отказываются от введения общественных запашек и, одновременно, от посева картофеля. Через месяц тот же губернатор был вынужден сообщить, что и крестьяне Липовской волости „отказываются“ от платежа общественных сборов, равно как и от приема платежных таблиц, и притом поселяне деревни Багильдиной расхитили хранившийся в запасном магазине ржаной хлеб, а крестьяне дер. Богоявленской, Яниковой и Преображенской отняли у плательщиков собранные на общественный

¹⁾ ЦАУ Татарской АССР. ф. Канцелярии Казанского военного губернатора, связка 7, д. №30. 1842 г. л. 5.

²⁾ Ц. Г. А. Н. Х. фонд. 1 департамента М. Г. И. д. 4208 за 1842 г. лист—21.

сбор деньги¹⁾ Губернатор одновременно доносил, что „к тому вынуждают разъезжающие скрытно по селениям отставным кантонистом Иваном по фамилии неизвестным и крестьянином из чуваш-Матвеевым. В Цивильском округе поселяне возмущаются отставным кантонистом Никифором Архиповым и др.“²⁾ Крайне любопытно и характерно, что в подготовляемом противоправительственном выступлении имели влияние на чуваш и на русских вышеуказанных уездов прибывшие русские крестьяне „свободные земледельцы Рязанской губернии Зарайского уезда села Ловец Василий Ильин и Андрей Тельков“.³⁾

По сообщению Казанского военного губернатора Шипова Николаю I-му от 14 мая 1842 года устанавливается, что и в „Асакасинской волости Ядринского уезда, крестьяне которой отказались от запашки, произвели буйство и дерзкие поступки“.⁴⁾ Несколько ранее волнения крестьян происходили и в Цивильском округе, но там оно вскоре было подавлено. Местное окружное начальство не сидело сложа руки, земские исправники, пристава и прочие полицейские чины принимали ряд мер, учинены были аресты крестьян как в Чебоксарском, так и Ядринском уездах. 7 мая 1842 года Ядринский уездный исправник донес Казанскому военному губернатору, что „посланные для побуждения явиться к нам обывателей (так тогда называли крестьян—П. Г.) или при возможности, схватив представить известных подстрекателей, казаки в деревне Карачуры, обывателями собравшимися из других соседних деревень человек до 100, были избиты, у двоих изломаны сабли и захватив одного казака и старшину волостного правления, держали у себя за караулом около суток; а казаки успели увезти с собою шедшего впереди толпы народа отставного солдата Михаила Евдокимова. Есаул Колпаков,—сообщает далее исправник, на сей же предмет ночью на (6 мая), посланный с 12 казаками и старшиною для указания жилищ подстрекателей, возвратясь, донес, что он был в деревне Кожахах, вокруг коей нашел раскладенные огни, обставленные толпами народа, как видно тоже из разных деревень, с дубинами, и в одном из сих кружков находился главный прежде пойманный и скрывшийся возмутитель отставной солдат, проживающий в деревне Кожахах, Сидор Степанов, коего они хотят и намеревались взять, но в сем не успели, а захватили лишь из толпы вооруженных дубинами двух крещеных (кои с Карачуринским солдатом Евдокимовым отосланы в тюремный замок“.⁵⁾ Приведенный выше рапорт земского исправника Головкинского показывает, что в на-

¹⁾ Архив Внутренней политики, культуры и быта, фонд МВД, л. № 276, л. л. 7—10 (ЛОЦИА) по донесению Казанского военного губернатора о недоразумениях казенных крестьян Чебоксарского уезда на введение общественных запашек.

²⁾ Там же, лист 1—4.

³⁾ Там же, лист 1—4.

⁴⁾ Архив Внутренней политики, культуры и быта, фонд М. В. Д. за 1842 г. 276 л. л. 7—10.

⁵⁾ ЦАУ Татарской АССР. ф. Канцелярии Казанского военного губернатора св. 7, д. № 30—1842 г. л. 51—52.

чале мая 1842 года, в период сева, население Ядринского округа категорически отказалось от введения запашек и что отряд „из 20 рядовых под командою двух унтер-офицеров, к коим примкнули 15 казаков и 23 человека понятых“¹⁾ ничего не мог сделать. Население было „вооружено“ палками, дубинами. В заключение исправник вынужден был признать, что „направлен был труд и домогательства наши, они (т. е. крестьяне—П. Г.) одно твердили с криком (крестьян было более 500 человек—П. Г.)“ не хотим запашки, хотим ссыпать хлеб в магазины с души по прежнему, пусть делают с нами, что хотят. Не надеясь на понятых, за 2 дня к повиновению склоненных, не имея при себе пищи для команды, а более всего страшась, чтоб кто-либо из оной не завел с кем ссоры, могущей получить самый бедственный конец, мы решились тем же самым порядком выйти, уговаривая народ к покорности, потеряв надежду обратить сих крестьян к долгу повиновения“.²⁾ Видя, что волнение принимает массовый характер, исправник по Ядринскому округу „покорнейше просит“ военного губернатора о принятии скорейших мер к усмирению бунтующих. Через каких-нибудь два дня после сего, 9-го мая, тот же Ядринский уездный исправник более резко ставит перед губернатором вопрос о присылке военных сил. Об этом же сообщают Асакасинское высостное правление и земский суд, что жители Асакасинской волости уклоняются от посева отрезанных на общественную запашку участков, а другие соседние волости отказываются совершенно от выделения земель. Сообщалось, что крестьянин околodka Поганкин Филипп Андреев с товарищем намеревается отправиться от всей Асакасинской волости в Санкт-Петербург для подачи царю прошения. Исправник Головкинский, не скрывая создавшегося положения и чувствуя угрозу, просит о немедленной переброске из Васильсурского уезда Нижегородской губернии пехотных войск, так как прибытие войск из Казани могло задержаться ввиду дальности расстояния. „Доходят слухи,—доносит Головкинский,—что чуваша желают лишь иметь ввиду лицо, которое бы ими руководило и под предлогом его (как и во времена Пугачева) можно было бы буйствовать... Смею беспокоить Ваше превосходительство, ускорить высылкою команды для усмирения волновавшейся толпы. Примером наказания виновных немедленно положить конец всем беспорядкам, ибо имена многих зачинщиков и подстрекателей уже известны“³⁾—заканчивает свое донесение губернатору Ядринский исправник Головкинский.

Рапорт исправника Головкинского, который потерял надежду на земскую полицию и на инвалидную команду (последняя

¹⁾ Там же, стр. 51—53.

²⁾ ЦАУ Татарской АССР, ф. Канцелярии Казанского военного губернатора св. 7, д. № 30, 1842 г. л. 53.

³⁾ ЦАУ Татарской АССР ф. Канцелярии Казанского военного губернатора св. 7, д. № 30, 1842 г. лл. 51—53.

доходила в уездах до 120 человек) и на казаков, показывает, насколько окружное начальство было перепугано.

Если в Ядринском округе крестьяне собирались по волостям, настойчиво отказывались от введения общественных запашек, от уплаты податей и других сборов, отказывались от введения нового управления, подготавливали посылку людей с прошениями в С.-Петербург, то в Чебоксарском уезде крестьяне уже ломали запасные магазины (дер. Багильдино), отбирали имеющийся в амбарах хлеб, отнимали так же от сборщиков податей все деньги, ими собранные с крестьян деревень Богоявленской, Яниковской и Преображенской, происходила крепкая расправа с чиновниками. „Сколько известно по собранным сведениям,—сообщал начальник 7-го округа корпуса жандармов полковник Львов шефу жандармов Бенкендорфу от 14 мая 1842 года,—причина производящая все сии беспорядки, есть неблагоразумие распоряжения чиновников, подведомственных палате Государственных имуществ и излишние денежные с крестьян сборы“.¹⁾

Казанский военный губернатор 11-го мая командировал в Ядринский округ гвардии капитана Крюденера, „предписав ему обще с земским исправником и окружным начальником восстановить порядок к повиновению и изыскать действия преступные для наказания виновных по строгости закона. При сем я предоставил,—сообщает губернатор в донесении Николаю 1-му,—капитану Крюденеру употребить для поддержания его распоряжений и в случае надобности усмирения крестьян действие вооруженной силы из тамошней инвалидной команды“.²⁾ Прибыв на место, капитан Крюденер совместно с исправником Ядринского уезда принял меры для расправы с безоружными крестьянами, захватив и арестовав многих, которые несколько позднее и были преданы военному суду. 12 мая того же года военный губернатор вынужден был командировать и в Чебоксарский округ Казанского полицмейстера полковника Поля и губернского стряпчего Никитина „для приведения обще с окружным начальником и земским исправником к должному повиновению непокорных крестьян, точнейшего и скорейшего изыскания виновных в произведении дерзких поступков и основательного обследования их действий, дабы передать потом преступников по всей строгости действию закона. Вместе с тем,—продолжает в своем донесении военный губернатор Николаю I,—я отправил из Казани в Чебоксарский уезд роту здешнего гарнизонного батальона на случай, если бы встретилась надобность употребить военную команду“.³⁾ Одновременно прибыли на место волнений—управляющий палатой ст. сов. Нефедьев и находящийся в Казани по делам службы, состоящий при министре Государственных имуществ камер-юнкер барон Корф.

¹⁾ „Красный архив“ № 2 (87) 1938 г. стр. 102.

²⁾ Архив Внутренней политики, культуры и быта (ЛЮЦИЯ) фонд М. В. Д. № 2.6 за 1842 год. л. л. 7—10.

³⁾ Там же, л. л. 7—10.

Таким образом, полковник Польш с ротой вооруженных солдат (кроме того, до приезда их на месте находились казаки, местная земская полиция с капитан-исправником во главе) принял „нужные“ меры для „водворения порядка“ по всей строгости законов царизма. „К водворению порядка приняты все нужные по местным обстоятельствам меры, вследствие которых поселяне многих деревень (полковник Польш этим самым признает массовый характер волнений в уезде—П. Г.) уже покорились и сами выдали зачинщиков и подстрекателей, над которыми начато производство надлежащего следствия.¹⁾

Крестьяне, вооруженные вилами, рогатинами, топорами, косами, не в силах были выдержать натиск регулярных войсковых частей и полицейских. В Чебоксарском округе действовала одна рота солдат с полковником Полем, инвалидная команда, полицейские части, доходившие в общей сложности до 400 штыков, в Ядринском округе действовала команда, кроме того 15/V-1842 г. к Крюденеру было дополнительно отправлено „150 человек военной команды“. Всего действовало, таким образом, не менее пятисот штыков. Крестьяне не в силах были выдержать и вынуждены были покориться. При этом, по донесению капитана Крюденера, чуваша Асаксинской волости Ядринского уезда „оказали серьезное сопротивление военной команде“.

В то же время, большие волнения стали возникать и в соседнем Козмодемьянском округе, населенном по преимуществу чувашами и марийцами. Козмодемьянский земский исправник Мерлин рапортом от 15 мая 1842 г. донес военному губернатору в Казань, что крестьяне Тептяевского общества отказались от введения общественных запасек и оказали сопротивление местному начальству, что события могут перерасти в огромные вслнения против мероприятий правительства. Исправник, далее, сообщил, что неповиновение крестьян и отказ от общественной запашки „произошло по возмущению проживающего в деревне Ювановой в околodge Орбашах отставного унтер-офицера Василия Григорьева, который вызвался поселянам быть ходатаем в Санкт-Петербург по уничтожении запасек“.²⁾

Чуваши оказали сопротивление становому приставу и нескольким уральским казакам, командированным исправником для производства ареста крестьянина Григорьева. Становой пристав Аристов, отыскав занимаемый Григорьевым дом и забрав все его бумаги, предполагал, как сообщает исправник, „выехать из селения, но сбежавшиеся Орбашевские жители захватили тут пристава, бумаги отобрали, самого его избили, бывшее на нем платье изорвали, а потом догнав следующих с Григорьевым казаков, причинили им нестерпимое побойство,

¹⁾ Там же, л. л. 7—10.

²⁾ ЦАУ Татарской АССР, ф. Канцелярии Казанского военного губернатора, св. 7, д. № 30—1842 г. л. л. 21—24.

бывшие при них нагайки, сабли, вместе с арестантом отняли и при произношении всех неистовств выгнали их из селения".¹⁾ Когда на место событий через день прибыл исправник с казаками и с помощником окружного начальника, то крестьяне отказали в лошадях для выезда из деревни, и стали собираться многочисленными толпами „вооруженные палками и дубинами, держа в руках отнятые у казаков четыре обнаженные сабли и одно ружье. В самое короткое время,—продолжает исправник,—толпа эта, составившись до 1000 человек, приступила к моей комнате с вопросом для чего становой пристав хотел увести унтер-офицера Василия Григорьева и принадлежащие ему бумаги". Когда из среды крестьян бывший волостной голова Николай Матвеев стал убеждать крестьян, что они напрасно обижают свое начальство, т. е. земского пристава, а затем уездного исправника, „волнующийся народ, причтя его единомышленником с нами, в одно мгновение охватив за волосы, утащил в круг своей и более четверти часа бил его до истощения сил. Участь сего страдальца,—как сообщает Козмодемьянский исправник,—осталась в неизвестности, потому что я и становые пристава не имели возможности ни защитить его, ни преследовать виновных".²⁾ Исправник, видя ежечасно разрастающуюся толпу народа, „находясь в очевидной и неизбежной опасности", больше крестьян не уверял ни в чем, только просил, чтобы они дали им лошадей и выпустили из жительства, но вынужден был заверить крестьян „что по общественной запашке никогда к ним не приезжать".

Как видим, крестьяне были решительно настроены против представителей власти, видя в них непосредственных проводников противных им мероприятий. Крестьяне также понимали, что и волостные головы являются защитниками интересов самодержавия, поэтому и выступали против них. Почти повсеместно в середине мая месяца в Ядринском, Козмодемьянском и др. округах волнения крестьян все более разрастались и теперь стали превращаться не только в форму отказов от запашки и посадки картофеля, но в выступления против введенного Киселевской реформой нового управления волостных старшин, земских судов и пр. Так, начальник 7 округа корпуса жандармов полковник Львов сообщил шефу жандармов Бенкендорфу от 16 мая 1842 года о том, что „капитан Крюденер (командированный губернатором в Ядринский округ для подавления волнения чуваш—П. Г.) доносит, что все его убеждения оказались тщетными и что крестьяне, собравшиеся в весьма большом количестве с вилами и рогатинами, объявили ему решительно, что они не хотят вновь введенного управления, не хотят иметь ни окружных начальников, ни волостных и пр."³⁾ Следовательно, борьба

¹⁾ Там же.

²⁾ ЦАУ Татарской АССР, ф. Канцелярии Казанского военного губернатора, св. 7, д. № 30—1842 г. л. л. 21—24.

³⁾ „Красный архив" № 2 (87) за 1938 г. стр. 105.

крестьян чуваш, марийцев и русских становились все более решительной борьбой не только за землю, против запашки, но и против существующих органов управления, это еще больше ставило губернское, окружное, а также и волостное начальство, под прямую угрозу. Тревожные известия, получаемые с мест, заставили губернатора Шипова 16 мая выехать из Казани в местности, охваченные волнениями. Перед выездом из Казани им дается распоряжение полковнику Полю, чтобы после подавления волнения в Чебоксарском уезде немедленно отправиться с частью вверенной ему команды в Ядринский уезд. Тем временем волнения крестьян становились в Ядринском округе все более массовыми, что видно хотя бы из следующих официальных данных: только в одной Асакасинской волости Ядринского округа „более двух тысяч душ мужского пола вышли из повиновения, ходят из деревни толпами, вооруженные кольями с криком по-русски и чувашски, не хотим расправ, не хотим запашки и картофеля, хотим иметь по-старому“.¹) В результате этого капитан Крюденер мог удержаться только при наличии войсковых и полицейских сил, которые доходили до 250 человек в Ядринском округе. Участвовали крестьяне деревень: „волостей Тинсаринской деревни: Харакасов, Шатьмапось, Кодар, Второй Байряшевой, Шемердяновой, Большой-Четаевой, Шемердян, Малой Кушинской; Шуматовской; Панклей, выселка Нуреть, Юсь-касы, Мадок, Хоронча-пось, Ямашевой; Асакасинской: с. Альменева, деревень Янтаба, Едолева, Чолкасы, Большой Яндобы, Тинсариной—Вотла, Малых Яндоб, околodka Кожары, Первой Мураты, Колынамон, Исаковской: Байгуловой, Простой Янгильдиной, первой Янгильдиной, Третьей Янгильдиной, Убеевской; Третьей и Четвертой Емлус, Байсубаковской, Малой Абызовой, и Чиганарской: деревни Чебаевской и села Ядрина.²)

Подавив военной силой выступление крестьян в Чебоксарском округе, полковник Поль со своим отрядом в 400 человек, получивший накануне приказ от военного губернатора немедленно переправиться в Ядринский округ, в дороге получает второе приказание, отправиться в Козмодемьянский округ, где еще в апреле 1842 г. назревали крупные события. К тому времени капитан Крюденер, действующий в Ядринском уезде в волостях Асакасинской, Убеевской, Тинсаринской и, частично, в волостях Шемердяновской, Шуматовской и Чиганарской, „видя совершенное несогласие к повиновению и в весьма большом количестве вышедших с поля вооруженными кольями и вилами, вынужден был действовать холодным оружием. После короткого сопротивления крестьяне обратились в бегство, преследуя их, капитан Крюденер захватил до 400 человек и, связав их, посадил

¹) Архив внутренней политики, культуры и быта (ЛЮЦИА), фонд МВД, д. 276 за 1842 г. л. л. 12—16.

²) ЦАУ ТАССР, вязка № 7, по архивной описи д. № 30 Канцеляр. Казанского военного губернатора за 1842 г. л. 13 (дело о следствии казенных крестьян Ядринского округа при введении общественной запашки).

под строгий караул¹⁾. Хотя жандармский полковник в донесении шефу жандармов Бенкендорфу и сообщает, что „при действиях убитых и сильно раненных не оказалось“, но донесение Ядринского исправника подтверждает, что раненых было несколько человек, которые и были убраны самим населением. Впоследствии крестьяне Чебоксарского, Цивильского и Ядринского округов были привлечены к военному суду, который состоялся в 1842 г.

В Ядринском округе Исаковской волости находились помещичьи деревни Кольцовка, Зеленовка, принадлежащие помещице Леонтьевой. Крепостные крестьяне д. Кольцовки и Зеленовки также выступали с требованиями „о произведении всех их крестьян в казенное ведомство“²⁾ (т. е. передачи их в государственные крестьяне), так доносил военному губернатору Ядринский земский исправник. Таким образом, требование крестьян д. Кольцовки сводилось к тому, чтобы как можно скорее освободиться от крепостного ярма. Выступление крестьян д. Кольцовки и Зеленовки было подавлено земской полицией.

Для выяснения состояния „умов“ в Козмодемьянский округ еще в апреле палатой государственных имуществ был командирован чиновник особых поручений—коллежский асессор Зайцев, который 7/IV представил палате обширный рапорт. Из рапорта Зайцева выясняется следующее: „1)-е крестьяне волостей: Первопихтулинской, Татаркасинской, Большеюнгинской, Кожваш-Сигагинской (кроме Тяптяевского общества), изъявили готовность к общественной запашке ярового хлеба и посеву картофеля при волостных правлениях, что же касается до неприкосновенных запасов ярового хлеба, то жители тех волостей просят, чтобы оный не был требован от них в магазины. 2)-е Кожваш-Сигагинской волости Тяптяевское общество и Акрамовская волость не только не хотят приступить к общественной запашке, но и выслушивать относящихся к ним убеждений чиновника особых поручений“³⁾. Следовательно, крестьяне чуваш и марийцы Акрамовской, Кожваш-Сигагинской волостей были против вводимых правительством мероприятий. Тот же чиновник Зайцев сообщает в палату, а последний 18/IV-1842 г. в Министерство Государственных имуществ, подробно фамилии лиц и названия некоторых деревень, которые были против введения запашек. „Первое лицо, отклоняющее крестьян от введения отдельной запашки, под опасением обращения их в удельное ведомство, есть бывший волостной голова Якимовского сельского общества деревни Юнги-Ядриной Макар Романов, за ним Акрамовской волости Мало-Орининского общества Герасим Иванов, Андрей Михайлов, Акрамовского общества

1) „Красный архив“ № 2 (87) за 1938 г., стр. 106.

2) ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии Казанского военного губернатора, вязка № 7, по архивн. описи д. № 30 л. 2 (об заслушан. крестьян Ядринского округа при введении общественной запашки).

3) ЦГА НХ, фонд 1 департамента М. Г. И. д. № 4208 за 1842 год л. л. 70—71.

Аверкий Иванов и Степан Иванов. Околодка Анач-кассов Кожваш-Сигагинской волости деревни Тяптяевой Степан Сидоров, наказанный прежде по суду плетьюми..., дер. Малой-Карачкиной Прокопий Никитин и Гаврила Алексеев, деревни Катрялиной Андрей Димитриев, который не допускал народ до принятия увещаний, опасаясь, чтобы общезители его не склонились на введение запашки; деревни Ювановой Федор Григорьев, Большой-Карачкиной Максим Сергеев и др.¹⁾ Все вышеуказанные деревни были против введения общественной запашки, и особенно против зачисления их в удел, выступали против проводимых сборов. Далее чиновник Зайцев делает вывод, что крестьяне „подстрекаются неизвестными людьми, разъезжающими по округу“²⁾, примером чего он приводит факт, что у попа села Ишак угощался такой человек, который называл себя даже секретарем. Палата, получив рапорт чиновника особых поручений Зайцева, который обстоятельно донес о „состоянии умов“ в округе, вопреки желанию крестьян решила отвести землю под общественную запашку, она была „заведомо непременно в принятом на прежнем основании количестве и посев был произведен весной своевременно и должным количеством хлеба“.³⁾ Что же касается „до всей Акрамовской волости и Кожваш-Сигагинской Тяптяевского сельского общества, не изъявивших на введение общественной запашки согласия, то согласно вышеупомянутого предложения господина начальника губернии (имеется в виду предписание военного губернатора от 4/IV за № 2309 за 1842 г. о насильственном введении запашки—П. Г.) составить предположение и назначить земли на введение запашек без *согласия крестьян* (подчеркнуто нами—П. Г.) по своему усмотрению“.⁴⁾ Вместе с этим палата предложила окружному начальнику Козмодемьянского округа объявить крестьянам округа, что „сбор хлеба в магазины есть решительная мера правительства, основанная на высочайшей воле..., что они не могут быть изъяты из общего распоряжения столь полезного в своих последствиях“.⁵⁾ Все эти мероприятия палаты Г. И.: введение запашки, сбор хлеба в магазины, доходившего от одного до трех пудов с души, чрезмерные взятки и другие поборы, которые взимались с крестьян чуваш, мари и русских Козмодемьянского округа, вызывали теперь отказ от выполнения мероприятий палаты Государственных имуществ. Мы не можем здесь не привести секретную записку к циркулярному предписанию от 22/VII-1842 г., составленную М. Г. И., в которой подробно описывается, какие существовали поборы с государственных крестьян. „По дошедшим до МГИ сведениям,—читаем в секретном циркуляре,—в некоторых местах продолжают с крестьян противозаконные поборы при следующих случаях:

1) Там же, л. 71.

2) Там же, л. 72.

3) ЦГАНХ, фонд департамента М. Г. И. д. 4208 за 1842 г. стр. 72.

4) Там же, лист 74.

5) Там же, лист 75.

.) при выборах во время баллотировки лиц в волостные сельские правления за избавление от службы тех, кои не желают быть избранными и за допущение к должностям желающих, а так же за определения волостных и сельских писарей.

2) При перечислении из одного сословия в другое, за увольнительные приговоры и представление оных в палату.

3) При найме в рекруты—за дозволение и за перечисление из одного общества в другое.

4) При отдаче оброчных статей в содержание, за устранение, соревнования при торгах, через сокрытие от крестьян назначения времени торгов, исключая подговоренных съемщиков.

5) При пособии погоревшим—за назначение оною; а также при раздаче назначенных в пособие денег.

6) При выдаче хлеба из магазинов в ссуду, за неправильное показание числа нуждающихся и обмен при выдаче хлеба крестьянам.

7) При составлении очередных рекрутских списков, за неправильное показание лет, разделов семейств и сккрытие прежних послуг.

8) При высылке очередных семейств в рекрутские присутствия—за угрожение высылкою тех, которые не состоят на очереди и за избавление будто бы их от рекрутства.

9) При раздаче билетов на получение леса, за скорейшее получение оных и за дозволение кормить скот молодою порослью.

10) При расквартировании конных лесных объездчиков для найма квартир.

11) При отбывании подворной повинности и при проездах чиновников на наем подвод для разъездов волостных и сельских начальников по собственным надобностям и на угощение.

12) При производстве земскою полициею следствий по уголовным делам за каждое мертвое дело с целой деревни, а за след с нескольких селений.

13) При распланировке селений—за оставление домов на прежних местах (у чуваш в первой половине XIX в. в деревнях дома были построены не в ряд, а в беспорядке) по назначению их на передел к слову¹⁾

Указанные выше поборы собирались окружными и волостными начальниками, чиновниками, коих, как известно, было немало. Здесь совершенно не упоминается про местное сельское начальство, земскую полицию, особенно про нарождавшееся кулачество, державшее деревню в своих руках. Как видим, круг поборов был огромен, вот почему крестьяне чуваш и жаловались часто на эти незаконные поборы, взимаемые с них.

Крестьяне на сходках, составляя приговоры на действия местных властей, неоднократно писали жалобы в Санкт-Петербург в Правительствующий сенат, а также царю Николаю I-му,

¹⁾ Заблоцкий—Десятовский Граф П. Д. Киселев и его время, т. 4 прил. кн. 1, 2 и 3 том, СПб.—1882 г. стр. 193.

но это не помогало. „Полудикие чуваш, — доносит управляющий палатою Государственных имуществ министру государственных имуществ Киселеву¹⁾ — своими „буйственными поступками против местных начальников, самовольным расхищением ими из магазинов хлеба, отказались уплачивать подати и сборы“ — ставят окружное и волостное начальство в затруднение в проведении намеченных мероприятий. Палата на основании донесений с мест (округов) понимала, что временное подавление выступлений крестьян в апреле и в первой половине мая 1842 года в Чебоксарском округе (Липовская и Сундырская волости), затем и в Ядринском округе (Асакасинская, Тинсаринская, Исаковская волости и др.) еще не обеспечивает спокойствия населения и тем более проведения намеченных мероприятий. Поступающие жалобы от крестьян Козмодемьянского округа с опасением, что их силою зачисляют в удел, крепостное состояние, отказы от платежа общественных сборов и от принятия платежных таблиц, от посева картофеля и продолжения общественной запашки, и вообще частые отклонения от повиновения окружному и волостному начальству — все это *крайне озадачило палату Г. И.* Последняя поэтому и обращается в середине мая 1842 г. к военному губернатору о посылке военной силы в округа Ядринский и Козмодемьянский, переброске находящихся там команд, следствием чего „из Чебоксарского округа в Ядринский округ была отправлена команда в 50 человек рядовых“²⁾; кроме этих 50 человек там находился еще капитан Крюденер с двумястами войск и инвалидной командой.

В середине мая 1842 г. волнения крестьян „полудиких чуваш и черемис“³⁾ стали распространяться и в Козмодемьянском округе. Территория нынешней Чувашской Республики (за исключением южной части), вся была охвачена массовыми выступлениями крестьян. Земская полиция, окружное начальство не могли справиться с выступлениями крестьян. При следствиях земской полиции крестьяне решительно отказывались объявлять свои имена, говоря, что их хотят переписывать для обращения в удел — „собираясь большими скопищами и при внушении им о долге повиновения причинили оужным начальникам и земским исправникам буйные и дерзкие угрозы с очевидной опасностью покушения на жизнь их. В некоторых местах, — как далее продолжает в своем донесении Палата Г. И., — причинили побойства волостным и сельским начальникам, а в Козмодемьянском округе прибили даже станового пристава и священника“⁴⁾. Обстановка в Козмодемьянском округе все более обострялась и становилась тревожной. Окружное начальство, а также и палата Государственных имуществ, видя все это,

¹⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии военного губернатора, д. № 3 за 1842 г. л. 66 (д. об обществен. расп. по введению обществен. запашки и об уклонении крестьян от заведения оной).

²⁾ Там же, лист 67.

³⁾ ЦГА НХ, фонд 1 департамента М. Г. И., д. 4208 за 1842 год, лист 155.

⁴⁾ Там же, лист 155.

начали стягивать военные силы. После подавления волнения крестьян чуваш в Асакасинской волости Ядринского округа, здесь в деревне Муньялах побывал и сам военный губернатор Шипов. „Находившаяся там команда в числе ста человек отправлена была в село Акрамово на соединение с командою полковника Поля, сопровождавшегося чиновником М. Г. И. бароном Корфом“. Так, стягивая регулярные военные силы, притом из г. Козмодемьянска была вызвана сотня инвалидной команды, командование в лице полковника Поля подготовляло встречу с восставшим народом. Население к тому времени также собиралось в одно место, „чуваша пяти волостей Козмодемьянского округа собирались в количестве до 5000 человек в селе Акрамове“.¹⁾ Это было 19 мая 1842 года. При первой же встрече с населением, которое занимало еще выжидательную позицию, полковник Польш, командующий войсками, „население рассеял натиском солдат и казаков, причем 464 человека (были) захвачены и перевязаны“.²⁾ Это был первый бой с населением. Остальные крестьяне разбежались, но, как сообщает земский исправник, „сопротивление крестьян еще не сломлено. Было только изломано ружейных лож 108, пик 8“.³⁾

Предстояли дальнейшие события. В тот же день, т. е. 19/V, „дошли ко мне новые известия о разных буйственных поступках чуваш Козмодемьянского округа,—доносит управляющий палатою Г. И. в Министерство Г. И.,—которые прибыв станowego пристава, священника, голов, старшин и писарей, задержали у себя ехавшего ко мне с донесением окружного начальника князя Кулунчакова“.⁴⁾ Крестьяне, видя стягивание военных сил вокруг села Акрамова (туда же к тому времени прибыл отряд под командованием майора Алексеева из Цивильского округа), понимали, что без решительной борьбы они не сумеют отстоять свои требования, поэтому они настойчиво стояли около села Акрамова, вооруженные палками, дубинами, долотами и т. д. Дважды были вызваны представители крестьян к полковнику Полю и барону Корфу, но крестьяне были „невнимаемы никаким внушениям“. с. Акрамово в эти дни превратилось в военный лагерь, располагающий всеми видами оружия, вплоть до артиллерии (имелись две пушки). Там имелось:

	шт. оф.	об. о.	ун. о.	барабан.	рядов.	Итого
Гарниз. батал.	2	5	14	6	325	352
Чиб. инвал. ком.	—	—	1	—	10	11
Урал. каз. сотня	—	3	4	—	66	73
Всего	2	8	19	6	401	436 ⁵⁾ .

¹⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канц. военного губернатора д. № 3 за 1842 г. л. 68.

²⁾ Там же л. 68 или 159.

³⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канц. воен. губернатора, в. 9 по арх. описи д. № 7 лист 37.

⁴⁾ ЦАУ ТАССР, д. № 3 за 1842 г. лист 68.

⁵⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канц. воен. губернатора, д. по арх. описи № 7 за 1842 г. л. 43 (дело об ослушании казенных крестьян Козмодемьянского округа).

Здесь же находилась сотня инвалидной команды Козмодемьянского округа, а потом вся земская полиция. Таким образом, полковник Поль имел вооруженного войска не менее 600—650 чел. и две пушки с картечью. Наличие войска, угрозы со стороны управляющего палатой и других начальников, „вразумление“ пастырей типа Краковского и др. не останавливали действий крестьян, возмущению их не было предела. Войска полковника Поля, казачьего эсаула Бородина „пришед в село (имеется ввиду с. Акрамово—П. Г.) с барабанным боем, команды в батальонном строе поставлены были на площади возле церкви напротив толпы“.¹⁾ В час пополудни 20/V, когда в селе Акрамове на площади собравшиеся из нескольких волостей чуваша слушали управляющего палатой Г. И. „по одной из ведущих к селу дорог, из-за возвышения, совершенно неожиданно явилась густая колонна черемис (и чуваш—П. Г.), в числе около 4000 человек Кожваш-Сигагинской, Татаркасинской и частью Больне-Юнгинской волостей, вооруженных уже не только дубинами, но косами, пиками, ножами и долотами, привязанными к палкам, железными вилами, острогами, топорами и некоторые с ружьями. Дерзкое и решительное нашествие их и буйный крик, обнаруживший злодейское их намерение атаковать находившихся в селе чиновников и команду и освободить арестованных, заставили полковника Поля, не теряя ни минуты, выступить им навстречу за село“.²⁾ Чуваша и марийцы (а их насчитывалось, по сообщению того же полковника Поля, около 8000 чел.), настойчиво занимали свои позиции вокруг села Акрамова. Здесь они приняли решение, „или самим умереть, или уничтожить военную команду“³⁾, но не быть в удельном ведомстве, крепостном состоянии и не вводить запашки. Решительное упорство населения подтверждается также и тем, что они приняли вызов, напав первоначально на уральских казаков. Население преисполнено было желанием освободить задержанных 19 числа этого месяца людей и, как доносит Казанскому губернатору уральский командир казацкой сотни есаул Бородин, „перебить воинскую команду или, как они говорили, сами падем, и что мы ничего не боимся“.⁴⁾

Воинская команда была „встречена бунтовщиками (т. е. крестьянами—П. Г.), первые приблизившиеся из казаков были ранены; после чего в крайней со всех сторон опасности,

¹⁾ Там же, стр. 37.

²⁾ ЦГА НХ, фонд 1 департамента М. Г. И., д. 4208 за 1842 г., лл. 159—160 (историч. записка о бывших в некоторых округах Казанской губернии возмущениях чуваш и черемис, причинах оного и мерах принятых к прекращению беспорядков).

³⁾ ЦАУ Татарской АССР, ф. Канцелярии Казанского военного губернатора, д. № 13—1842 г. лл. 3—5.

⁴⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии военного губернатора, д. по архивной описи № 7—1842 г., лист 94.

команды (полковником Полем команды были до этого разделены на две части—П. Г.) попеременно то преследуя, то защищаясь от ожесточенных черемис, зверских нравами, в неизбежной крайности должны были в первый раз употребить оружие и сделать до 15 ружейных выстрелов¹⁾. Количество выстрелов было несколько раз больше (об этом свидетельствует число жертв, сами крестьяне также доказывали на допросах, что выстрелов было больше).

В результате ружейных выстрелов на поле „сражения“ „осталось убитых 8, тяжело раненных 39 и 192 легко раненных холостым оружием“²⁾. Из тяжелораненных на другой день умерло 28 человек; выяснение точного количества умерших от ран представляет некоторые трудности, ибо чуваш и марийцы скрывали умерших и раненых, боясь, чтобы их семьи не были привлечены к ответственности за участие в волнении.

Как видим, события 20/V-1842 г. закончились стрельбой казаков и гарнизонных солдат в безоружных чуваш и черемис, следствием которой имели место человеческие жертвы. При столкновении воинских частей с населением были также „ранены два казачьих офицера и несколько рядовых, именно казаков 9, гарнизонных нижних чинов 44, заколото казачьих лошадей 2, изломано пик и ружей 31“³⁾. По данным самого полковника Поля, раненых нижних чинов было 63 человека (рапорт полковника Поля Казанскому военному губернатору от 20/V-1842 г., „Красн. Архив“ № 2 (87), страница 108), согласно доклада Казанского военного губернатора генерал-адъютанта Шипова Николаю I-му—„раненых нижних чинов 77“⁴⁾, на самом деле количество раненых было более 80 человек. В доказательство своей „храбрости“ и считая, что „вооруженные“ чуваш и марийцы побеждены, и ему достались „большие военные трофеи“, отнятые войсками у восставших крестьян, и чтобы оправдать свое действие, немедленно рапортом от 20/V из с. Акрамова донес губернатору о случившихся событиях в Козмодемьянском округе.—„В это время,—сообщает губернатору Польш,—из передового казачьего пикета (даже были выставлены пикеты.—П. Г.) получил донесение, что многочисленная толпа крестьян, вооруженных разным оружием, идет к селу Акрамову... (какое у крестьян было оружие, несколько ниже,—П. Г.), не допустив толпу на полверсту к селу Акрамову и имея ввиду вогнуть ее при сильном натиске в речку при обратном переходе моста, через который бунтовщики перешли, я приказал казакам уральской сотни на рысях следовать к бунтовщикам, а сам со своею пешею командою ускоренным шагом шел за казаками. Толпа, не допустив к себе команды, оборонилась в тыл, перебежав

¹⁾ ЦАУ НХ, фонд 1 департамента, д. 4208 за 1842 г., лист 159.

²⁾ Там же, лист 160.

³⁾ Там же, лист 160.

⁴⁾ ЦГА НХ, фонд 1 департамента М. Г. И., д. 4208 за 1842 г., лл. 102—104, а также л.л. 119—120. (Дело об уклонении чуваш Казанской губернии от посева картофеля и злоупотребления при сем).

мост, часть коего на середине была ими разобрана, вытянулась по всему берегу стиснутыми рядами, крича и угрожая длинными колями, рогатинами, вилами, косами и пр., объявляя, что они ни за что не сдадутся..., получив сведение, что подобные толпы мятежных крестьян собираются из разных участков чуваш и черемис Кожваш-Сигагинской волости так же вооруженными и могущими соединиться с сею толпою, я решил укротить дерзость бунтовщиков и сделал распоряжение напасть на них, приказав команде защищаться до крайности тупыми концами пик и прикладами. По мелкости речки Моргоушки команда скоро перешла ее в брод и, когда казаки начали окружать толпу с двух сторон, а пешие солдаты сделали натиск в середину, то бунтовщики тотчас начали наносить сильные удары колями, рогатинами и ножами. В таком положении казаки принуждены были защищаться пиками, а пехотные солдаты штыками с несколькими выстрелами. Толпа бросилась бежать и перейдя другой мост той же речки, старалась уходить двумя направлениями: слева к селу Оринину и в право к лесу. Поручив адъютанту Вашего превосходительства гвардии поручику Костливцеву с частью команды преследовать других бунтовщиков в лесу, я с остальными солдатами следовал к Оринину. Признавая не удобным дальнейшее действие и опасаясь при том нападения, я счел необходимым прекратить дальнейшее действие. Отнято у бунтовщиков командою:¹⁾

Железных вил	4
Рогатин	3
Долот насажен. на шесты	2
Кос	6
Топоров	8
Ножей	13

Как видим, „трофеи“ военные были незавидные, не было захвачено ни одного ружья, но за то захвачено пленных до 200 человек при столкновении. Боясь того, что крестьяне могут еще раз собраться и тем более напасть на военную команду, полковник Поль тотчас же вынужден был „почтительнейше донести превосходительству о случае столь необыкновенной дерзости крестьян—черемис, продолжающих преступное упорство в неповиновении с явным ожесточением, неизлишним для ostranения могущих последовать в других волостях Козмодемьянского округа подобных происшествий, если возможно, прислать пока на короткое время некоторую часть войска, в особенности казаков“²⁾). Военный губернатор генерал-адъютант Шипов, получив донесение полковника Поля и сочтя, что „положение в Козмодемьянском округе угрожающе“, поручил немедленно начальнику IV округа внутренней стражи генерал-майору Мандрыке, как человеку опытному, отправиться на место сего про-

¹⁾ ЦАУ ТАССР, ф. Канцелярии Казанского военного губернатора, д. № 13, 1842 г. лл. 3—5.

²⁾ ЦГА НХ, фонд 1 департамента МГИ, д. 4208 за 1842 г., лист 160.

исшествия, и приняв под непосредственное свое начальство находящуюся там команду, действовать к водворению порядка“.¹⁾

Так доносил генерал-адъютант Шипов Николаю I-му. Вместе с генерал-майором Мандрыкой был отправлен в Козмодемьянский округ новый отряд гарнизонных солдат численностью в 120 человек, и притом дополнительно два орудия с принадлежностями и нужным числом артиллеристов.

Но еще далеко не все крестьяне Козмодемьянского округа, также Ядринского и Цивильского округов „изъявили покорность“. Тот же полковник Поль 20/V из Акрамова же доносит рапортом Казанскому военному губернатору Шипову: „Казалось бы, что последствия происшествий 20/V должны навести страх на волнующихся крестьян и привести их к повиновению, но к прискорбию по полученным сведениям оказывается, что в трех обществах Кожваш-Сигачинской и в трех обществах Больше-Юнгинской волости черемисы вооружаются разными орудиями и готовятся в больших массах к решительному сопротивлению“.²⁾ Население продолжало свой решительный протест против правительственных мероприятий, многие деревни Козмодемьянского и Ядринского округов были пустые, т. к. множество крестьян, оставляя свои дома и хозяйства, шли в Акрамово, и во многих деревнях, по сообщению сельской власти, в эти дни „имущество и семейства неизвестно куда вывезено“.³⁾ Генерал-майор Мандрыка, начальник IV округа внутренней стражи, прибыв 23/V в село Акрамово, немедленно вступил в распоряжение для усмирения неповинующихся крестьян Козмодемьянского и других уездов и 24/V донес военному губернатору о состоянии дел. „Касательно Ядринского уезда, то по заверению г. управляющего в оном водворено совершенное спокойствие и повиновение, в Цивильском же самая малая часть осталась, кои еще колеблются выполнять законный порядок, почему и командирован туда чиновник особых поручений Зайцев с тем, чтобы он старался совместно с исправником благоразумными мерами привести остальных крестьян к повиновению, в противном случае, немедленно довести, для чего со стороны моей оставлена собранная команда в резерве в г. Чебоксарах с одним обер-офицером, 4 унтер-офицерами и 50 человек рядовых, которая в случае прибытия в сей город артиллерии, служить будет оная прикрытием, а между прочим подписал Цивильскому исправнику, чтобы в случае существенной надобности в команде для приведения в повиновение остального числа того же уезда крестьян, по предъявлении моего к нему предписания начальнику Чебоксарской инвалидной команды командировать ту команду в Цивильский уезд“.⁴⁾ Как видно из рапорта гене-

¹⁾ Там же, лист 160.

²⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии Казанского военного губернатора за 1842 г. дело по архивной описи № 7, л. 42. Об этом же ЦГАНХ, фонд I департамента МГИ, д. 4208 за 1842 г., л. 160.

³⁾ Там же, лист 42.

⁴⁾ ЦАУ Татарской АССР, ф. Канцелярии Казанского военного губернатора, д. № 7 св. 1—1842 г. лл. 48—49.

рал-майора Мандрыки население продолжало еще сопротивляться и для подавления крестьянских волнений теперь создается в г. Чебоксарах военная база с артиллерией и т. д. В заключение г-майор Мандрыка заверяет военного губернатора, что принятыми мерами „в скором времени во всех уездах окончательно будет водворен порядок“.1) 24/V майор Алексеев с отрядом в 150 человек из Акрамова был послан для подавления крестьянских выступлений в Больне-Юнгинскую волость, а 25/V крестьяне Кожваш-Сигачинской волости также были вынуждены сдаться. Большую роль в подавлении крестьянских выступлений среди чуваш и мари сыграло местное православное духовенство, последние не только „как пастыри вразумляли прихожан“2), но и выдавали совместно с местным начальством главных участников в руки земской полиции и т. д. 26 мая 1842 года Казанский военный губернатор Шипов донес рапортом „его императорскому величеству“, что „ныне считаю долгом всеподданнейше донести, что распоряжениями полковника Поля и статского советника Нефедьева, еще до прибытия генерал-майора Мандрыки сделанными, беспорядки по сему уезду прекращены и введено должное повиновение. Из многих селений, крестьяне сами, с покорностью изъявляя раскаяние, прислали от себя выборных просить прощение в своих поступках. К сему содействовали сельские священники. Генерал-майор Мандрыка доносит мне, что по мнению его, употребление огнестрельного оружия, сделанное полковником Полем против нападения вооруженных крестьян, было необходимо... Таким образом ныне в губернии, всемилостивейше управлению моему вверенной, порядок и повиновение властям восстановлены совершенно. Для произведения следствия над крестьянами, дерзнувшими вооруженною рукою произвести вышеупомянутое при селе Ахрамове (так в подлиннике, нужно Акрамово—П. Г.) нападение, наряжена комиссия из чиновников, особо мною для сего избранных. По окончании сего следствия, виновные преданы будут мною военному суду“.3) Такой же рапорт последовал от управляющего Казанскою Палатою Государственных имуществ МГИ графу Киселеву, последний 4/IV донес Николаю I-му „о совершенном прекращении беспорядков возникших между государственными крестьянами Казанской губернии“.4)

На донесении М. Г. И. графа Киселева собственной рукою Николая I-го написано: „слава Богу! но подстрекателей примерно наказать в страх другим“.5) Рукою министра Г. И. написано: „июня 4 дня 1842 г.“, на отношении имеется с боку приписка, сделанная на полях „о совершенном прекращении беспорядков между чувашами Казанской губернии и об открытии виновных

1) Там же.

2) ЦГА НХ, фонд 1 департамента МГИ, д. 4208 за 1842 г. лист 161.

3) ЦГА НХ, фонд 1 департамента МГИ, д. № 4208 за 1842 г. лл. 107—108 (документ этот почему то пропущен в Красном архиве).

4) Там же, лист 84.

5) Там же, лист 84.

в возбуждении к неповиновению¹⁾ Даже Николай I-й остался в восторге, когда получил донесение о подавлении волнений крестьян чуваш, мари; при этом было чему радоваться, т. к. при царствовании Николая I-го особенно часты были крестьянские волнения, которые приходилось подавлять вооруженной силой. Так закончилось одно из крупнейших после крестьянской войны XVIII века под руководством Емельяна Пугачева волнений, когда чуваша активно боролись против помещиков и духовенства.

События, которые происходили около села Акрамова 19 и 20 мая, являются наиболее массовыми, где, по данным полковника Поля, участвовало около 8000 человек, но эти люди были неорганизованны, не было между ними достаточной связи, почему они вскоре и были подавлены. „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями“²⁾ Но в сознании некоторых масс чуваш и мари эти события запечатлелись до глубины души, на всю жизнь, как „Акрам варси“, т. е. Акрамовская битва или война. В борьбе против крепостнического произвола в Акрамове было убито 8 человек, умерло всего 46 человек, но многие остались калеками, одни без ног, а другие лишены владения рук³⁾, более тысячи человек чуваш и маришцев получили суровые наказания. Среди борющихся против правительственных мероприятий и крепостнического гнета мы встречаем и женщин—чувашек. Чувствуя несправедливость, гнет, эксплуатацию, забитая чувашская женщина все же выступала совместно с мужем в борьбе за то, чтобы не быть переписанной в крепостное состояние.

III. Суд и расправа с восставшим крестьянством.

Началась последняя стадия—жестокая расправа с участниками волнений. Следствия по всем округам велись при помощи исправников и земской полиции, а последние, чувствуя теперь „победу“ над крестьянами, делали свое. Чины земских судов совместно с специально присланными из губернии чиновниками и при помощи офицеров команды Мандрыки, а отряд последнего остался в Козмодемьянском округе для наблюдения, рыскали по всем деревням, ища участников волнений. 26/V губернатором была назначена „особая комиссия“ для произведения следствия над крестьянами, „дерзнувшими вооруженной рукой сделать нападение на воинскую команду при селе Акрамове Козмодемьянского округа“, и предания виновных военному суду. Одних только арестованных было более 1000 человек, по одному Козмодемьянскому округу 20/V было взято „в плен“—

¹⁾ Там же, лист 84.

²⁾ И. Сталин—Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом—сборник Ленин и Сталин, т. III-й стр. 527.

³⁾ ЦГА НХ, фонд 1 департамента М. Г. И, д. 42083а 1842 г., лист 217- („ведомость о числе крестьян, участвовавших в возмущении и о числе убитых и от ран умерших при усмирении“).

364 человека, кроме отправленных в Чебоксары, притом с 24 по 26 мая чинами земских судов совместно с исправниками было арестовано столько же. Следствие пошло своим чередом, тысячи семейств были лишены отцов, братьев, которые в самый разгар весенней пахоты находились под арестом. Оставшиеся дома женщины-чувашки, убитые горем, обращались к окружающему генералу 4-го округа внутренней стражи генерал-майору Мандрыке, чтоб отпустить мужей на весенние работы, но их просьбы никем не выслушивались, поэтому в одном из очередных донесений губернатору Мандрыка сообщает, что собрались более 100 баб, жен крестьян, содержащихся под арестом, вопиющих, что у них большею частью одинокие семейства, хотя до битвы (генерал считает, что была настоящая битва с безоружными чувашами и марийцами—П. Г.) поля и приготовлены к севу, но теперь некому сеять, ибо в доме остались женщины и малолетние, а некоторые просят семян¹⁾

Все просьбы не имели успеха, поля многих семейств остались незасеянными. Притом правительство не ограничилось только подавлением вооруженной силой волнений крестьян, в наказание, якобы за произведение беспорядков, на крестьян тех деревень, которые являлись активными участниками, был наложен особый налог, который брался деньгами. Притом содержание войска, численность которого доходила до внушительной цифры, не менее 500 человек, отнесено было за счет крестьян. Одними только подводами и иными повинностями по перевозке войск, арестованных и т. д.—были заняты тысячи людей. Доставка фуража и провианта для военной команды также ложилась на крестьян.

Комиссией военного суда в Цивильске к следствию всего привлечено из разных сел, деревень и околодков 665 человек.²⁾ Многие из них, ввиду отсутствия виновности, были освобождены, но многие получили различные наказания на месте. Тот же военный суд рассмотрел дела крестьян—чуваш и татар Чебоксарского округа деревень Янгильдиной, Юмангула (он же Зюмангул)—Тахтагулова и Ильменевова, выселка Взовых Никифора Матвеева и др., установил, что „означенные Тахтагулов и Матвеев, как уведомил управляющий палатою Государственных имуществ в ноябре и декабре в 1841 г. и в апреле сего года ездили по Чебоксарскому, Цивильскому и Свияжскому уездам, внушали обывателям, что не следует делать заведенной уже в некоторых уездах в селениях в 1841 году и вновь производить общественной запашки, и садки картофеля, а так же вносить сверхподушного оклада денег, и будто бы это вводится для того, что они обращаются в удел; от него произошли бес-

¹⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии военного губернатора, д. № 3 за 1842 г. лист 103.

²⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии военного губернатора, д. по архивной описи № 16 за 1842 г. лист 9, д. военного суда о наказании казенных крестьян Козмодемьянского, Чебоксарского и Цивильского округов, оказавших нетовариное начальству при введении обществ. запашки.

порядки и неповиновение начальству".¹⁾ Вышеозначенные крестьяне Тахтагулов Юмангул, Матвеев Никифор военным судом были приговорены как главные зачинщики возмущения в народе.

Военно-судная комиссия обвиняла их в том, что они, сопротивляясь, произносили „сабля так сабля, Сибирь так Сибирь“, за каковые преступления комиссия военного суда „на основании изъявленных в сентенции узаконений приговорила: наказать их Тахтагулова и Матвеева шпицрутенами, прогнав каждого через тысячу человек по четыре раза и потом отдать на военную службу, если окажутся годными, в противном случае отправить навсегда в крепостную работу в Бобруйск, когда же и к оной окажутся неспособными, то сослать в Сибирь на поселение, взыскав с имения их следующие присутствующим комиссии военного суда суточные деньги (наиболее важная статья чиновников, жить на чужие средства—П. Г.), также употребленные при производстве дела на наем писца с канцелярскими материалами 9 рублей серебром и на прогоны, издержанные при разъездах каждым из членов комиссии, в случае же несостоятельности подсудимых довыскачать таковые деньги с обществ, участвовавших с ними в оказанных выше беспорядках и неповиновении начальству".²⁾

Военно-судная комиссия, организованная в г. Цивильске, так же рассматривала следственные дела, выносила решения „над крестьянами Ядринского округа Асакасинской волости: Михайлом Мартыновым, Егором Таутом, Петром Петровым, Львом Даниловым, Филиппом Семеновым, Герасимом Семеновым, оставным рядовым Сидором Семеновым и Чебоксарским мещанином Петром Пономаревым".³⁾ Все они обвинялись в организации беспорядков и сопротивлении окружному начальству и военной команде, что с „шумом и угрозами сбили с ног казака Наготкова и Цивильского рассыльного Волкова, причем нанесен удар писарю, затем вскоре, для водворения тишины и порядка, явился в оную волость Ядринский земский исправник с окружным начальником, но их также встретили явным сопротивлением со стороны крестьян, которые собрались в числе 600 чел. с шумом и беспокойством изъявили свое несогласие на введение общественной запашки, а когда сделано было убеждение и указание через священников, те крестьяне препятствуя оным буйным восклицанием кричали: „что не хотять иметь у себя такой запашки, что скорее согласятся быть сосланными, чем подчиняться этому распоряжению и что они повторят события при Пугачеве".⁴⁾ Мы видим, что крестьяне решительно и настойчиво отстаивали свои права, чтобы не быть удельными и крепостными.

¹⁾ Там же, лист 8.

²⁾ Там же, лист 10.

³⁾ ЦАУ ТАССР, фонд канцелярии военного губернатора за 1842 г., по архивной описи д. № 16, лист 10.

⁴⁾ Там же, лист 35.

Комиссия военного суда приговорила: „По лишении Симонова воинского звания (Симонов имел ряд наград за взятие Парижа в 1814 г. и Варшавы—две медали. П. Г.) наказывать всех их шпицрутенами, прогнав Мартынова, Таута, Петрова, Данилова, Филиппа и Ефима Семеновых через 500 человек каждого по три раза и последних двух Семенова и Пономарева через тысячу человек по два раза и потом годных отдать в военную службу и негодных отправить в крепостную работу в г. Бобруйск на пять лет, а по истечении сего времени поместить на жительство в Сибирь на поселение. Передав Петрова на месте ссылки за небытие на исповеди и у святого причастия церковному покаянию по назначению духовного начальства“.¹⁾

Известно, что выступление крестьян в Козмодемьянском округе закончилось большими для крестьян жертвами и носило наиболее внушительный характер. По делу крестьян Козмодемьянского округа оказалось осужденных к различным наказаниям 672 человека. Многие были осуждены земским судом, и приговора исполнялись земской полицией. Крестьяне Козмодемьянского округа, как сказано в сообщении Казанского военного губернатора Казанскому губернскому правлению, обвинялись „в оказании неповиновения начальству при введении общественных запашек, посева картофеля, сопротивления вооруженною рукою военной команде при усмирении их“.²⁾ Ниже мы приводим отдельные выдержки из материалов, которые характеризуют, в чем именно обвинялись крестьяне отдельных сел, деревень и окологков Козмодемьянского округа. Крестьяне деревни Тяптяева обвинялись в том, что „обыватели некоторых деревень их общества, хотя и собрались, но не объявили на опросы пристава своих имен, говоря, что это требование они считают предлогом вынудить от них согласия на переписание в удельное ведомство... не допустим взять одного человека ставшего впереди и все с общим криком: никакому чиновнику не дадут никакого показания, разошлись“. Такое же положение имело место в деревне Ювановой, в окологке Орбаш и др. деревнях. Крестьяне настойчиво отстаивали своих односельчан, например, в дер. Орбаш пристав Люминарский с 4-мя казаками по распоряжению начальства хотел взять отставного унтер-офицера Василия Григорьева, произвести у него обыск, население не дало Григорьева. Обыватели Акрамовской волости „при объявлении им начальственных предписаний, с истолкованием о пользе введения общественной запашки и посадки картофеля, убеждавшему их священнику тоже нанесли побой“, произносили „разные ругательства против членов правления и высшего начальства“. Комиссия военного суда решила: „Взыскать с обывателей сел и деревень, виновных и прикосновенных к существу настоящего дела, деньги подушно и

¹⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии военного губернатора за 1842 год, по архивной описи д. № 16, лист 40.

²⁾ Там же, лист 65.

по равной части; на удовлетворение за поломанные и утраченные казаками пики, древки, сабли проч. и употребления на прогоны чиновниками следовательной и военно-судною комиссией, а равно суточные для проезда полковника Артопова и асессора-капитана Вармалеева (подразумеваются различные военные судебные чины—П. Г.) с открытия военного суда 4 августа по день закрытия оного 26/XI, в число каковых обратить сорок рублей 81 коп. ассигнациями... всего потребно денег ассигнациями 764 р. 50 коп.¹⁾

Что же касается остальных крестьян Козмодемьянского округа, то они были приговорены военным судом к различным мерам наказания. Степан Палатай из дер. Тяптяевой „к лишению всего состояния, наказанию шпицрутенами через 1000 человек два раза и ссылке в каторжные работы“.²⁾ Палатай был одним из вожakov движения, он, как указан в списке казенных крестьян Козмодемьянского округа и преданных военному суду за беспорядки 1842 г., „обвиняется показаниями обывателей более 200 человек в разъезде по селениям со внушением общественных запашек не производить, картофель не сажать и учреждений вновь вводимых не принимать, а считать по старому“.³⁾ Из села Большой-Карачкиной привлекался Степан Ильбарс „к лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами через 1000 человек два раза и к ссылке в каторжную работу“; из Большой-Орининой—Василий Иванов, последний обвинялся „в буйстве при Акрамовском Волостном правлении при увещании обывателей и хотя в оном не сознается, но уличается показаниями священника Архангельского“ (показание попа послужило основанием к лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами через 1000 человек три раза); данные подтверждают, что как Палатай, так и Ильбарс, Иван Федоров (из деревни Тяптяевой), Василий Иванов, деревни Ювановой: Павел Григорьев, Александр Григорьев Саватька, деревни Юнго-Ядриной: Макар Романов, Димитрий Федоров, Тимофей Иванов, Даниил Никитин и др. были вожаками борьбы против помещичье-крепостнического строя. В графе „за что суд признал виновным“, мы читаем, „в возмущении обывателей к неповиновению начальникам, в подстрекательстве других взять рычаги и идти против казаков и чиновников“.⁴⁾ В графе привлеченных к суду были прикосновенные, например, Иван Данилов, Петр Васильев, Максим Иванов, Гаврило Иванов, кои были присуждены „к наказанию шпицрутенами через 1000 человек один раз и каждого способного в рекруты, а неспособных в крепостную работу в Бобруйск на 20 лет“.⁵⁾

1) ЦАУ ТАССР, фонд канцелярии военного губернатора за 1842 г., по архивной описи д. № 16, л. 69.

2) Там же, лист 72.

3) Там же, лист 72.

4) Там же, л. л. 73—75.

5) Там же, л. л. 75.

6) Там же, л. 76.

Всего было в Козмодемьянском округе осуждено через военный суд, как было выше указано—672 чел.; в том числе из деревень: Тяптяевой—44 чел.; Ювановой—66 человек; Карачкиной—88 человек; Юнги-Ядриной—61 человек; Тораевой—4. Большое количество из осужденных к различным мерам наказания составили марийцы, которые совместно с чувашами и русскими в 1842 г. около села Акрамова выступили против войск полковника Поля. Среди привлеченных военным судом к наказанию мы видим не только мужчин, но и женщин-чувашек. В качестве „прикосновенной“ была осуждена Марфа Андреева из дер. Б-Тюмерли. Характерно то, что военно-судной комиссией была привлечена вся ее семья, муж Василий Афанасьев и сын, которому тогда было 14 лет, „в умышленном сокрытии имеющих у означенного Афанасьева мирских бумаг, относящихся к отмене общественной запашки“. За это суд приговорил „к наказанию на мирском сходе розгами, первую (т.е. Марфу Андрееву—П. Г.) 25, а последнего по малолетству 10 лозанами с строжайшим подтверждением удерживаться впредь от подобных поступков“.¹⁾ Военный губернатор-генерал адъютант Шипов наложил резолюцию на определение военного суда: „утверждаю“, и Марфа Андреева с сыном были наказаны.

Осужденных военно-полевым судом оказалось много. Предстояло в конце 1842 года приведение приговоров в исполнение. Поэтому по поводу министр внутренних дел Перовский вследствие запроса Казанского военного губернатора вошел „с представлением“ в комитет министров, а последний обратился к Николаю I-му. Министр внутренних дел 30/VII-1842 г. сообщил, что „государь-император высочайше повелеть изволил: военно-судные приговора над государственными крестьянами Казанской губернии, оказавшими во время введения весною нынешнего года в казенных селениях общественной запашки неповиновение законным властям и сопротивление военной силе, представить и утвердить окончательно вашему превосходительству (т. е. военному губернатору—Г. П.) не смотря на число людей, которые будут подлежать наказанию с тем, чтобы вы об окончании сего дела и последствиях уведомили подробно меня для доведения через комитет министров до высочайшего сведения“.²⁾ Таким образом, теперь все зависело от военного губернатора, но так как следствие, особенно по Козмодемьянскому округу, задерживалось (здесь привлекалось наибольшее количество населения) приведение приговоров в исполнение затягивалось. В конце декабря 1842 года определения военно-судных комиссий были утверждены военным губернатором, с некоторыми изменениями в сторону сокращения мер наказания, и представлены были губернскому управлению для

¹⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии возиногo губернатора за 1842 г., по архивной описи л. № 16, л. 84.

²⁾ Архив внутренней политики, культуры и быта (ЛОЦИА), фонд М. В. Д. департамента полиции за 1842 год, дело № 276, лист 38.

приведения в исполнение. Местом для публичного наказания было назначено село Акрамово, Козмодемьянского уезда, где как мы указывали выше, состоялось выступление крестьян чуваш и марийцев против вооруженных войск. Для приведения экзекуции над крестьянами, т. е. наказания, был командирован военным губернатором полковник окружного генерала 4-го округа внутренней стражи полковник Броневский 3-й, который и прибыл в село Акрамово 5/1-1843 г. Здесь уже была воинская команда, которая должна была присутствовать при экзекуции. Село Акрамово опять превратилось в военный лагерь. Сюда же были приведены „содержавшиеся в Цивильском тюремном замке 10 человек, подсудимых казенных крестьян.... за содержавшимися в Козмодемьянском тюремном замке 28 человеками отправили офицера с унтер-офицером и 9 рядовыми“¹⁾, доносил полковник Броневский губернатору 8/1-1843 года. По распоряжению военного губернатора, наказание осужденных военными судами крестьян шпицрутенами проходило публично, для чего были наряжены „с каждой волости по два человека мужского пола, а которым определено наказание розгами, наказать их в волостных правлениях при обывателях из тех обществ, к коим они принадлежат, земской полицией“²⁾ Наказание согласно утверждению приговоров военных судов военным губернатором, было подвергнуто: „1 шпицрутенами: 132 человека, по наказании они должны были быть отданы в рекруты, а в случае негодности—в крепостную работу на срок от 2 до 4 лет, а если какие окажутся негодными, то сосланы в Сибирь на поселение: 2) сослать туда же двух по наказанию розгами и двух неуличенных в присутствии, но опороченных в поведении и вредных в обществе без наказания; 3) одного отдать в рекруты без наказания во уважение добровольного сознания и уличении других в преступлениях; 4) 12 человек освободить от суда и следствия и оставить в подозрении; 5) прочих 382 человека к строгому полицейскому наказанию розгами, с оставлением на месте жительства“³⁾ Экзекуция шпицрутенами происходила в селе Акрамове 7/1-1843 года, а остальные 382 человека были наказаны по волостям, 9 и 10 января того же года.

Управляющий Казанскою палатою Государственных имуществ сообщил министру государственных имуществ Киселеву, что „ныне из донесений **окружных начальников** видно, что в тех округах, где возникли было беспокойство и неповиновение, равно и по всей губернии Казанской, все состоит благополучно, везде сохраняется должный порядок, тишина и спокойствие“⁴⁾

¹⁾ ЦАУ ТАССР, фонд Канцелярии военного губернатора, дело № 16, лл. 117—118.

²⁾ ЦГА НХ. фонд 1 департамента МГИ, д. 4208 за 1842 г., лист 204.

³⁾ Архив внутренней политики, культуры и быта (ЛОЦИА), фонд МВД департамента полиции, д. № 276 за 1842 г., лл. 41—47 (значительно отличается от неясно помещенной ст. в Красном архиве №2 (87) за 1938 г. стр. 124).

⁴⁾ ЦГАНХ, фонд департамента МГИ, д. № 4208 за 1842 год, лист 166.

Так закончилось крупнейшее по размеру после Пугачевских событий в нашем крае волнение крестьян чуваш, мари и русских в округах: Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козмодемьянском.

Раскрепощенный Великой Октябрьской Социалистической Революцией под руководством партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА чувашский народ творит теперь новую историю. Свобода и счастье дались нелегко, они были завоеваны с помощью великого русского народа, под руководством партии Ленина—Сталина.

Январь 1940 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА *

„Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...“

А. М. Горький.

Чувашский фольклор, как и фольклор других народностей, существует с древнейших времен, но до XIX века он никем не записывался и не изучался. Первые образцы чувашских народных песен мы находим в книге А. А. Фукс под названием „Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии“. Не будучи знатоком чувашского языка, А. Фукс, естественно, не могла отобрать лучшие образцы устной поэзии чуваш, и записанные ею 2—3 песни ни в какой мере не характеризуют богатого, многостороннего песенного творчества чувашского народа. Больше того, сама Фукс относительно чувашского языка была того мнения, что он очень беден, и что средствами этого бедного языка нельзя выражать высокие чувства и глубокие переживания.

Вот что написано в ее книге: „Язык чувашский очень беден, в словаре его находится только 1646 слов. В чувашском языке много описательных слов, Адыл-кось, игге-хюре, нимеч-пурзы и много таких слов, которые изображают звуки природы: чаггак, муггыр, чан, курак и др.“.

В период с 1846 по 1877 г. в „Известиях общества археологии, истории и этнографии“ при Казанском университете, а также отдельными оттисками появился ряд печатных работ по этнографии и фольклору чуваш. Наиболее известными из этих трудов являются статьи чувашского этнографа Спиридона Михайлова „Чувашская свадьба“ и „Чувашские разговоры и сказки“. Там же печатались статьи русских исследователей: Риттиха, Регули и др. В этих статьях были приведены первые более или менее полные образцы чувашского фольклора, но специальному научному анализу чувашский фольклор все же не подвергался.

* Статья тов. Тукташа печатается в порядке постановки вопроса.

Некоторое оживление в собирании фольклора чуваш началось с выходом в свет книги В. Сбоева „Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах“. До Сбоева было принято считать, что чуваш не имеют установившихся текстов песен, и что песни чуваш спрятаны в их воображении. Сбоев выступал против такого мнения, доказывая, что тексты чувашских песен традиционны и имеют устойчивое бытование.

В течение последующего десятилетия ряд ценных работ по собиранию и исследованию чувашского фольклора дали Н. И. Ашмарин, В. А. Мошков, Мальхов и др.

В 1892 г. Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете опубликована программа по собиранию фольклора народов Казанского Поволжья. Она дала толчок к вовлечению в работу по собиранию фольклора ряда новых лиц, притом лиц не только непосредственно занимавшихся этим вопросом, но и любителей народной словесности. В частности укажем на Ивана Николаевича Юркина, который активно включился в собирательскую работу и, начиная с 90-х годов прошлого столетия по настоящее время, собрал очень много песенного материала. Им записано более 60 тысяч строк текстов народных песен, очень много сказок, пословиц, поговорок, примет и т. д.

Революционные события 1905—07 г. г. не могли не оказать своего влияния и на собирателей и исследователей чувашского фольклора. Приверженцы кадетской буржуазии все больше сбрасывали с себя „демократическую“ маску, все больше выступали как настоящие монархисты, ярые защитники царизма. Наглядным доказательством этого служит книга Н. В. Никольского под названием „Взгляд чуваш на воинскую повинность“, вышедшая в 1905 г. в Казани. Вот что писал он в этой книге: „Чуваши служат царю, царь их благоволяет и защищает. Отношение между ними (т. е. между чувашами и царем.—И. Т.) базируется на чистосердечном признании и любви... Теперь (чуваш) солдат считают за настоящих слуг царя, а службу солдатскую—за большую радость, которую нужно только и пожелать“.

Далее в книге описывается, как чувашская молодежь с нетерпением готовится к несению царской службы, как их провожают, как они служат своему „земному богу—царю“ и как затем возвращаются на родину. Книга иллюстрирована старинными рекрутскими песнями, при чем к приводимым текстам автор источников не указывает, что делает совершенно невозможным установить подлинность бытования их в народной среде.

В условиях свирепого разгула черной реакции очень трудно было сколько-нибудь продвинуть вперед работу по собиранию и исследованию национального фольклора. Собранный материал лежал под спудом. Попытки его публикации не увенчались успехом. Зато обширно печаталась переводная церковно-миссионерская литература, реакционная роль которой усугублялась еще и тем, что она находила непосредственные отклики в

фольклорных произведениях, публикуемых реакционно настроенными представителями этой науки. Несмотря на это, прогрессивно настроенной части передовой чувашской интеллигенции все же удалось выпустить несколько сборников подлинно народного устного поэтического творчества. К числу таких работ относятся два сборника „Образцов мотивов чувашских народных песен и текстов к ним“, составленные и изданные Симбирской чувашской школой. Первый сборник вышел в 1908 году, а второй в 1914 г. Последний сборник был составлен учителем Аликовского двухклассного училища чувашиним П. В. Пазухиным. Кроме этого, значительную работу по публикации фольклорного материала проделала Венгерская Академия наук, выпустив в 1909 и 1912 годах два объемистых сборника чувашских песен и сказок с параллельным переводом их на мадьярский язык.

Совершенно обособленную позицию занял в этот период этнограф Г. И. Комиссаров. Он не примыкал ни к той, ни к другой группе исследователей и дал свою „теорию“ происхождения чувашского фольклора. Все явления фольклора, все процессы возникновения и развития тех или иных форм фольклорных произведений Комиссаров рассматривал как продукт свободного мышления и свободного творчества народа, лишая их исторической и реальной почвы. В своей книге „Чуваши Казанского Заволжья“ он так объясняет возникновение разных видов устного народного творчества:

...„Фантазия чувашенина работала в создании сказок. Давно минувшие события оставили отголоски в памяти народа в виде смутных представлений, которые впоследствии обратились в легенды и предания. Часы безделья, посиделки и общественные игры дали возможность развернуться народному остроумию: появились шутки, прибаутки, шуточные диалоги, импровизированные песни шуточного и юмористического содержания. Свадьбы, праздники и попойки создали свои песни.“

Здесь Г. И. Комиссаров процессы возникновения и развития тех или иных жанров фольклорных произведений сводит лишь к механическому творчеству народа, ни в какой степени не связывая их с трудовой деятельностью человеческого коллектива. Получается, что автор совершенно замалчивает „вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей“ (М. Горький).

Такова, в общих чертах, краткая историография чувашского фольклора дореволюционного периода. Задача советских фольклористов—обобщить все собранное богатство по устному, поэтическому творчеству чуваш, наметить вехи для определения основных путей его развития и тем самым обеспечить его дальнейший подъем и расцвет.

Сейчас мы имеем вполне разработанный теоретический курс русской фольклористики и на основе этого можем де-

лать первые обобщения и по чувашскому фольклору, имея в виду всю его специфику и национальные особенности.

Достоверно известно, что некоторые виды фольклорных произведений существовали в самый отдаленный период—в доклассовом обществе. К таким видам, прежде всего, относятся так называемые трудовые песни, которые исполнялись в процессе коллективной работы и, благодаря своей ритмичности, облегчали трудовой процесс первобытных людей. Они продолжали существовать и в более позднее время, причем, постоянно видоизменяясь, в новых условиях приобретали новый классовый характер. Но самые древние из них до наших дней не сохранились.

Основу трудовых песен составляет мелодия, ритмика. Поэтому содержание их часто бывает весьма элементарным. Иногда они состоят даже из бессмысленного набора простых слов, чередующихся ударными и неударными слогами.

По своему внутреннему содержанию чувашские трудовые песни можно подразделить на две категории: песни призывные („Ниме юрри“) и песни, непосредственно исполняемые во время коллективного труда.

Трудовая песня формально состоит из двух частей: первая часть, исполняемая запевалой, как бы предупреждает внимание членов трудового коллектива о приближении момента силового напряжения, а вторая часть, исполняемая всем хором, регулирует, ритмизирует его импульс. При этом само напряжение падает не на все слова второго куплета в равной мере, а достигает высшей точки при произношении только последних (крайних) слов.

Далее, к фольклорным произведениям доклассового общества относятся произведения магического характера—заговоры и заклинания. Подлинная основа их заключается в слабости первобытного коллектива в борьбе против суровых стихийных сил природы, в желании облегчить эту борьбу и одержать в ней победу. В основе этих произведений лежало магическое действие, сопровождаемое магическими словами, которым придавалось значение, по силе равное самим же действиям.

К числу магических произведений относятся и обрядовые песни, также тесно связанные с хозяйственной деятельностью и в основном их сопровождавшие. Принято различать обрядовые песни календарные и бытовые. По выражению проф. Н. П. Андреева, календарные или праздничные обрядовые песни связаны преимущественно с аграрным (земледельческим) культом. Особенное значение в аграрном культе придавалось солнцу и самой земле. Яркие следы такого почитания мы обнаруживаем почти во всех календарно-обрядовых песнях и во многих обрядах. Подтверждение же этому мы находим в многочисленных языческих молитвословиях чуваш, исполнявшихся на общественных молениях („Уй-чүк“, „Ҫимёк“, „Кёрхи-чүк“ и пр.).

К бытовым обрядовым песням относятся песни свадебные и похоронные. Свадьба рассматривалась и у чуваш, прежде всего,

как экономическая необходимость. Отсюда—стремление обеспечить благополучие брака магическими обрядами и песнями. В похоронных же обрядах и причитаниях отражены отношения первобытных людей к мертвецу как к злой, вредящей силе, от которой необходимо оберечься всевозможными приемами магии. Вплоть до недавнего времени у чуваш было поверье, что если покойника не умиловать, или же не помянуть в установленные сроки, то он может причинить не мало вреда, насылая людям и животным разные болезни („вил тытнѣ“). Поэтому чуваш, когда приносили жертвы покойникам, в своих молитвословиях, вернее, причитаниях, просили, чтобы он (покойник) к ним не ходил, их не вспоминал и не причинял никаких неприятностей.

В более поздних записях чувашских похоронных причитаний и поминальных песен мы видим явные следы влияния христианской церкви, но язычество среди чуваш даже после принятия ими христианства держалось долго и крепко, поэтому христианское влияние не помешало сохраниться и тем языческим обрядам, возникновение которых можно отнести к самой глубокой древности (напр., чувашский „танец огня“ на поминках покойника).

В борьбе за свое существование первобытный человек использовал все доступные ему средства. Созданное им слово служило ему таким средством наравне с орудиями труда и борьбы. Поэтому первоначальные магические словесные формулы с течением времени в сознании первобытных людей все расширялись, обогащались новыми тотемическими представлениями, в результате чего возникали мифологические рассказы, затем более элементарные сказки с суеверным содержанием (рассказы о леших, водяных, домовых и т. д.), а отчасти и более сложные фантастические (волшебные) сказки, имевшие серьезное практическое значение. Такое же магическое значение имели и загадки, посредством которых производили „испытание умов“ молодых юношей и девушек при принятии их в общество взрослых (обряд инициации).

С возникновением классов фольклор стал дифференцироваться и все более и более принимать классовый характер. В этот период устное творчество, ранее находившееся в руках отдельных патриархов-жрецов и служившее средством постепенного укрепления власти патриарха над остальными членами общины, было унаследовано широкими слоями трудящихся масс, которые выделяли из своих рядов подлинных мастеров—художников устного поэтического творчества. Развитие же фольклора в целом не стояло на одном месте. Оно шло как по линии переработки и обогащения ранее возникших видов, так и по линии создания совершенно новых жанров. Так, например, магическое и мифологическое значение заговоров и заклинаний совсем теряется, и они становятся лишь предметом развлечения. Мифологические сюжеты, принимая более реальный характер, трансформируются в рассказы и бывальщины, а впослед-

ствии на их основе возникают волшебные или чудесные сказки, уже не являющиеся предметом веры.

В крепостнический период (XVII, XVIII и первая половина XIX века) развитие фольклора шло по линии трансформации старых жанров и создания совершенно новых видов устного поэтического творчества. Так, например, возникали исторические песни и предания о Степане Разине, Пугачеве и др. вождях крестьянских волнений. Как известно, чувашский народ в этих восстаниях (в особенности в восстании Пугачева) принимал весьма активное участие, поэтому вполне естественно, что он складывал о них свои сказки, песни, предания и т. д.

Точно также в большом количестве создавались так называемые песни удельных крестьян („Удел хресчен юррисем“). Эти произведения до нас дошли только частично, но даже и по тем незначительным образцам, которыми мы располагаем, можно судить о характере этих произведений. Они носят резко выраженный антикрепостнический характер. Особенно отчетливо выражено это в песнях удельных крестьян.

УДЕЛ ХРЕСЧЕНЁСЕН ЮРРИ

Удел тырри, удел тырри акна чух
Вёт-вёт сáмар, вёт-вёт сáмар сáватъ-ске.
Вёт сáмър мар, ай, ним те мар,—
Хура халăх куççулё.

Удел тырри, удел тырри вырна чух,
Вăш-ваш сáлсем, вăш-ваш сáлсем вёреççё.
Ваш-вăш сáл мар, ай, ним те мар,—
Хура халах сывлашё.

Удельнийан, удельнийан кантурне
Хёрлё сарпа, хёрлё сарпа сáрланă.
Хёрлё сар мар, ай, ним те мар,—
Хура халах юнё вал.

Удельнийан, удельнийан катокне
Маттур утсем, маттур утсем туртаймас.
Маттур, маттур, ай, ачисем
Удельниран тухаймас.

Удельнийан, удельнийан хысёнче
Ялан удел, ялан удел капанё.
Ир те каç та тухса пăхать
Удельнийан вахтарё.

(Антология чувашской литературы).

ПЕСНЯ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН.

Удельные хлеба, удельные хлеба когда мы сеем
Мелкий, мелкий дождичек моросит.
Ах не мелкий дождичек и ни что,—
Это слезы трудового народа.

Удельные хлеба, удельные хлеба когда мы жнем
Тихие ветры, тихие ветры дуют.
Ах не тихие ветры и ни что,—
Это вздохи трудового народа.

Удельную, удельную контору
Выкрасили в красный цвет, в красный цвет.
Ах не красный цвет и ни что,—
Это кровь трудового народа.

Удельные, удельные катки
Не под силу тянуть добрым коням.
Добрым парням, добрым молодцам
Не выйти из-под власти удела.

За удельными, за удельными полями
Всегда скирды удельные стоят.
День и ночь, ай, сторожит
Их вахтер удельного ведомства.

Здесь мы видим тяжелое угнетенное положение крестьянства, его ненависть к эксплуататорам. Такое же тяжелое положение выражено в семейно-бытовых, застольных, пирушечных и других песнях. Но, несмотря на свою беспросветную долю, народ в своей основной массе не терял веры в свои силы, не терял надежды на будущую счастливую жизнь. Поэтому и его творения проникнуты глубоким оптимизмом, верой в победу. Особенно сильно это выражено в сатирических и юмористических песнях.

Наряду с этим в крепостнический период создавалось много сказок и анекдотов о барах, попах. В них высмеиваются тупость, жадность, распутство и другие пороки эксплуататорских классов—помещиков, бар, духовенства.

В капиталистический период (вторая половина XIX в. и начало XX в.) шла сильная дифференциация крестьянства. Соответственно этому идет полная дифференциация и в устном творчестве. С одной стороны, возникают и распространяются произведения, враждебные кулачеству, с другой—произведения кулацкого характера, выражающие стремление к обогащению и пренебрежительное отношение к деревенской бедноте. В то же время продолжают существовать многочисленные произведения, сохранившиеся от прежних эпох. Частью они сохраняются только в качестве пережитков, нередко утратив свою первоначальную функцию (напр., обрядовые песни), частью живут более интенсивной жизнью, являясь орудием в новых условиях классовой борьбы. Среди

всего песенного материала капиталистического периода особенно выделяются песни, созданные в эпоху первой русской буржуазно-демократической революции 1905 г. и столыпинской реакции, насыщенные острым политическим содержанием и выражающие революционный протест против царского самодержавия. Таковы, например, песни „Җерем пасаҗҗё“, „Сахар саватёнчи рабочи юри“ и др.

Приведем одну из них, под названием „Җерем пасаҗҗё“ („Целину поднимают“), записанную в Чувашских Алгашах бывш. Симбирской губернии в 1916 году Г. Г. Лисковым.

ҖЕРЕМ ПАСАҖҖЁ.

Җерем пасаҗҗё,
Хаяр акаҗҗё.
Час шаттӑр тесе
Шывсем сапаҗҗё.

Җён Алхаш ачи,
Сарӑ-ях ачи
Җухатрӑ пуҗне
Халах ёҗёшён.

Җён Алхаш лаши,
Тимӑрех лаши,
Унӑн уринче
Тимӑрех такан.

Җён Алхаш ачи,
Сарӑ-ях ачи,
Унӑн уринче
Тимӑрех тӑлӑ.

Тимӑрех талӑ,
Ула-ях җулӑ,
Ёмӑрӑ иртет
Җӑлӑр җӑрӑнче.

Ваҗлей аймаҗ
Ылханӑт хытӑ,
Патшасен пуҗне
Җӑр җӑттар тесе.

ЦЕЛИНУ ПОДНИМАЮТ

Целину поднимают,
Огурцы сажают,
Чтоб быстрее росли,
Водой поливают.

Ново-Алгашинский парень,
Русый парень
Потерял голову
За народное дело.

Ново-Алгашинский конь,
Буланый конь,
У него на ногах
Железные подковы.

Ново-Алгашинский парень,
Русый парень,
У него на ногах
Железные оковы.

Железные оковы,
Ссылная дорога,
Жизнь (его) пройдет
В Сибирских краях.

Мать Василия
Проклинает гневно,
Чтоб провалился царь
В преисподнюю.

Одновременно с созданием песен революционного протеста против существующего строя шла переработка устного поэтического творчества в творчество литературное. В 1905 году чувашский поэт Шелепи на основе фольклора написал два стихотворения „Тав“ и „Раҗҗей“. Второе стихотворение имело очень большое устное распространение. Оно повсеместно распевалось по чувашским селам и деревням.

Если передовая часть демократической интеллигенции использовала фольклор как средство борьбы против царского строя, то и реакционные силы не в меньшей мере пользовались этим средством. Представители кадетской буржуазии, окончательно сбросившие свою „демократическую“ маску, в союзе с чувашскими миссионерами стремились закрывать глаза народу на их нищету и разорение. Характерна в этом отношении идиллическая поэма „Тырпул пулна̄ сүл“ (Урожайный год), написанная Т. Кирилловым с максимальным использованием фольклорного материала. В этой поэме описывается богатая чувашская деревня, живущая в изобилии, без всяких враждующих внутренних сил и противоречий.

Но народ знал, на чьей стороне правда жизни. Он беспощадно отметал на своем пути весь тот идиллический, миссионерский хлам, и в октябре 1917 года под руководством партии большевиков и русского пролетариата одержал полную победу над своим вековым врагом—классом эксплуататоров.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широчайшие возможности для подлинного подъема и расцвета всех видов устного поэтического творчества народов СССР. Изменения в экономике и культурной жизни страны вызвали соответствующие изменения и в фольклоре. Причем изменению подвергаются не только сама тематика, но и стиль, художественные формы и жанры. Выходят из жизненного обихода заговоры, заклинания, предания и легенды. Сохранившиеся до нас некоторые виды обрядовой поэзии продолжают свое существование только как пережиточное явление. С другой стороны, само понятие фольклор в наши дни приобретает новое содержание. Если дореволюционная фольклористика усматривала между фольклором и литературой огромную пропасть, то в наши дни эта грань все больше и больше стирается. Это можно проследить и на следующем примере: удачно сложенные стихи наших советских поэтов, быстро распространяясь в народе, продолжают бытовать как безымянные произведения народного творчества. Например, в 1924 г. чувашским поэтом Н. И. Шелеби было написано и опубликовано стихотворение „Ленин“. Ровно через 16 лет это же самое стихотворение было записано от колхозников колхоза „Канаш“ Похвистневского района, но уже как чувашская народная песня, посвященная Ленину. Причем, и форма, и содержание этого стихотворения сохранились почти без всякого изменения. Приведем это стихотворение:

СОЛНЦЕ ОГНЕННОЕ

От каких родился ты родителей,
Кто растил тебя, воспитывал.
Кто вскормил? Ты в пору раннюю
От кого набрался силушки?

Где смеялся и резвился ты,
На коленях у кого играл?
Чьей ты лаской материнской
Согревался точно солнышком?

Ты узнал обман мира старого,
Жизнь фальшивую видел ты насквозь.
И народ, в веках обездоленный,
За собой повел к свету яркому.

И сердца людей жарче пламени
От твоих речей разгорались.
Неужели он перестал звучать
Язык ленинский, язык огненный?

Свет играл всегда на челе твоём
Светлым месяцем, ясным солнышком.
Взор твой зорек был. Неужель тот
свет
Потускнел теперь и погас твой взор?

Ты ушел от нас, дорогой Ильич,
Но горит твоё имя светлое!
И народам всем к жизни радостной
Освещает путь имя Ленина.

Славим славное имя Ленина,
Силу грозную и могучую.
Пусть горит в веках имя Ленина
Звездой яркою, солнцем огненным!

„Правда“ № 110 (8156) от 20 апреля
1940 года.

Точно также и фольклорные произведения в наших условиях имеют не только устное распространение, но распространяются и через книги и журналы наравне с литературными произведениями. В этих произведениях с наибольшей яркостью выражены народные идеи нашей эпохи, идеи социализма и коммунизма. Образы мудрых вождей народа Ленина и Сталина, образы вождей революции и верных сынов рабочего класса сливаются в этих произведениях в общую картину всей нашей новой социалистической жизни.

Самый характерный факт, отличающий чувашский фольклор советской эпохи от дореволюционного,—это проникновение в песенный репертуар чувашского народа боевой революционной песни. Это проникновение шло по двум направлениям: путем непосредственных переводов русских революционных песен чувашскими поэтами на родной язык и путем свободного подражания или свободного переложения содержания этих песен. К числу первых относятся „Интернационал“, „Смело, товарищи в ногу“, „Варшавянка“, „Замучен тяжелой неволей“, „Похоронный марш“ и др. К числу вторых относятся такие песни, как „Проводы“, „Сергей поп“, „Эй Питёр хули“ в подражание песне „Эй в Таганроге“ и т. д. Любопытно при этом, что большинство песен, относящихся к второй группе, создавались в подражание русским мотивам почти самопроизвольно, без всякого поэтического вмешательства. Таким образом, мы видим, что боевая революционная песня в первые годы советской власти проникала в песенный репертуар, главным образом, через русскую песню, и проводниками их являлись, с одной стороны, поэты-переводчики, с другой — участники гражданской войны, воспринимавшие их в бытность на фронтах. В последующие годы она все более и более входила в музыкальный быт чуваш и в песенном репертуаре завоевала прочное место. В настоящее время почти все популярные и любимые песни советского народа переведены на чувашский язык и распеваются чувашским народом на родном языке.

Но революционное развитие чувашского фольклора встрети-

до на своем пути яростное сопротивление со стороны классово-чуждых элементов—буржуазных националистов, кулачества, духовенства и т. д. Так, например, в первые годы революции буржуазные националисты боевому революционному гимну „Интернационал“ пытались противопоставить свой националистический гимн „Мухтав сана чăваша, мухтав аслă йăваша“. В публикуемых сказочных материалах протаскивались националистические произведения. Например, сказка „Пуянпа чухăн сутлашни“ в публикациях того времени носила явно националистический характер, ибо содержание ее было переделано так, что вместо бедняка с богачом сталкивались чувашин с русским и т. п.

Боевая революционная песня оказала весьма благотворное влияние на весь последующий ход развития всего чувашского фольклора пооктябрьского периода. Именно на ее традициях возникли и распространились многочисленные новобитные частушки, откликающиеся на все политические события, на все значительные явления жизни. Тематика их охватывала самые разнообразные вопросы многосторонней советской жизни. Многочисленные частушки создавались в первые годы советской власти о новом быте, о комсомоле, о раскрепощенной советской женщине, о кооперации и т. д., а в годы двух сталинских пятилеток возникали частушки о пятилетке, о колхозном строе, о займах, о Красной Армии, об ударниках, о стахановцах, о Сталинской Конституции и т. д. Основное отличие этих частушек от частушек дореволюционного времени в том, что в их содержании усиленно выражены не личные моменты, а общественно-политические мотивы. В связи с этим значительно изменилась и ее формальная структура в сторону ломки старой традиционной формы, основанной на психологическом параллелизме.

Вслед за частушками в чувашском фольклоре советской эпохи весьма большое место занимают колхозные песни. Создание этих песен опять-таки шло по линии использования, вернее, творческой переработки, старых традиционных форм песенной поэтики, но уже совершенно с новым, соответствующим духу времени и настроению исполнителя, содержанием.

Это можно проиллюстрировать следующей характерной песней, записанной от 54-летнего колхозника Касьянова Сергея из колхоза им. Сталина, М. Яльчиковского района.

КОЛХОЗНИК ЮРРИ.

Пурсан тутар вѣстертѣм хуратса,
Эп юрларам сире юратса,
Сат явйрать саркайк сассипе,
Чун савйнатъ колхоз лайаххипе.

Ыр ут юртассине хам та пѣлеп,
Тилхепине карт-карт туртсассан.
Колхоз лайаххине хам та пѣлеп,
Хамар лайах ёслесе пырсассан.

Тупалха та турта, турй лаша,
Туртмассерен турти аванать.
Хамър тенё колхоз сыннисене
Курмассерен чунъм савйнатъ.

Ыр ут юртать-юртать, ури шавать
Чашлаттарса самар сунаран.
Пире ют патшасем, ай, кураймас
Хайсенченех иртсе кайнаран.

Икѣ хура лаша, ай, пур сѣнче
Мѣн хуйхи пур аслѣ сѣл сѣнче.
Хамѣр таван колхоз, ай, пур сѣнче,
Мѣн хуйхи пур халѣх пу сѣнче.

Совет тенкелѣсем таянчѣклѣ,
Епле ѣсти саварса туна-ши?
Сакѣ колхозпалан ыра курма
Ленин епле асласа кагарна-ши?

Шелковый платок развеял,—стал он
чист,

Я пою эти песни, вас любя.
Сад звенит от песни соловья,
Душа радуется тем, что колхоз хорош.

Я и сам знаю, что добрый конь
Будет резвым, если вожжи натянуть;
Я и сам знаю, что колхоз будет хорош,
Если дружно работать будем сами.

Любопытно, что старая традиционная форма, подвергаясь трансформации, почти что теряет свою первоначальную окраску и приобретает совершенно новый оттенок. Если преобладающим мотивом дореволюционной семейно-бытовой песни было восхваление добродетели хозяина, родни, восхваление обилия его стола (кѣреке), воспевание всех задушевных качеств своих родных и знакомых, то в колхозных песнях эти мотивы выступают уже с совершенно новым значением: здесь восхваляется не богатство хозяйского стола, а обилие и щедрость всего колхозного стола, не задушевные качества только своих родных, а сердечная теплота, задушевность и щедрость всех членов колхоза. Иными словами, индивидуальные, личные мотивы старой семейно-бытовой песни в колхозных песнях приобретают общественно-политический характер. Это с одной стороны. С другой же стороны, создаются совершенно новые формы, совсем не встречающиеся в старом песенном репертуаре чувашского народа. Такова, например, колхозная песня „Туѣа хѣрѣсем“. Здесь уже мы видим образец подчинения песни общественным интересам всего коллектива. В данном случае она использована как призыв к дружной работе, к трудовому подъему.

Многочисленные песни слагает народ о своих великих вождах Ленине и Сталине. Образы вождей занимают большое место в чувашском фольклоре. Эти образы мы видим в многочисленных частушках, песнях, сказках и других произведениях фольклора.

Подавленный нуждой и бесправием чувашский народ веками мечтал о своем грядущем счастье, не раз поднимался против своих поработителей, но будучи каждый раз беспощадно подавленным, лелеял мысль, что когда-нибудь да придут великие богатыри—Улыпы и освободят его от тяжелых цепей векового

Кони воронные, оглобли из таволги,
Кони мчатся, да оглобли гнутся.
Когда увижу я своих колхозников,
Каждый раз радуется душа.

Добрый конь мчится, ноги скользят
Оттого, что прошел дождь как из
ведра.

Нас чужие государства ненавидят,
Оттого, что перегоняем их.

Когда есть пара вороных коней
Зачем тужить-печалиться в пути?
Когда есть у нас родной колхоз
Зачем тужить-печалиться людям?

Кресла советские все со спинками,
Какой мастер сделать их сумел?
Эту счастливую колхозную жизнь
Как только Ленин придумать сумел?

угнетения. Силу и мощь, отвагу и храбрость этих богатырей народ воспевал в сказках. Он твердо верил, что настанет пора, и эти богатыри—Улыпы—предстанут перед угнетенным миром во всей доблести и величии и храбро поведут его в последний и решительный бой против угнетателей. Мечта веков сбылась. Грянул Великий Октябрь. Разлетелись оковы рабства. Освобожденный народ запел во весь голос. И первая его песня была песней, на веки прославившей имена тех Улыпов, которые принесли человечеству счастье и освобождение. Эти богатыри—Ленин и Сталин. И в своем песенном творчестве чувашский народ воссоздал образы этих двух гениев наравне со сказочными богатырями. Образы Ленина и Сталина выступают в чувашском фольклоре как мифические великаны, освободившие человечество от векового порабощения. Образы Ленина и Сталина фольклор не разобщает, они неразрывно связаны друг с другом. Ленин—великий гений, путеводная звезда всего трудового человечества. Сталин—не только его верный и лучший ученик, но и великий вождь всего трудового народа. „Сталин—это Ленин сегодня“, писал Анри Барбюс; эти слова полностью подтверждаются также и образцами чувашского фольклора.

Пурсан тутар пусамра,
 Шура тутар алламра.
 Ленин атте чёремре,
 Сталин атте умамра.

Шелковый платок на голове,
 Белый платок в (моих) руках,
 Отец Ленин в (моем) сердце,
 Отец Сталин передо мной.

Ленин и Сталин в чувашском фольклоре часто сравниваются с могучим царем птиц—горным орлом. Они указывают трудящимся путь победы над своими врагами, придают в борьбе неиссякаемую силу и энергию.

Второе сравнение—это источник жизни—солнце.

Такое сравнение встречается и в сказках, и в частушках, и в других видах устного поэтического творчества. В одной популярной чувашской сказке о Сталине трое братьев отправляются искать солнце. На своем пути они сталкиваются с многочисленными врагами родины и побеждают их. За эти доблестные дела их Сталин вызывает в Кремль и украшает их грудь золотыми звездами. Прославленные герои, возвращаясь на родину, рассказывают отцу, что они видели солнце. Это солнце—Сталин. И отец дает им свое родительское благословение.

Сравнение Ленина и Сталина с солнцем больше всего встречается в песнях и частушках. Весь мир освещает солнце с недосыгаемой высоты. Точно так же и гениальные умы Ленина и Сталина освещают весь мир. Солнце обогревает всю землю; точно так же Ленин и Сталин обогревают все человечество.

Слова-учения своих великих вождей народ свято хранит в своем сердце. Каждое слово вождя—золото.

Сыр хёрринче сёр сырли,
 Пёр сүпкәмё пёр ывăс.

Сталин атте самаххи,
Пёр самаххи сёр ылттан.

На берегу ручейка земляника,
Каждая гроздь—одна горсть.
Сталина отпа слова-учения
Каждое слово—сто золотых,—

поет народ в своих песнях. Чувство безграничной любви и преданности к своему вождю выражает народ в песне:

Сулё тусем синче ахах пёрчи,
Ахах пёрчи тавра хурйн сырли.
Хурйн сырли тути, ах, мён тути?
Сталин сймахёсем, ай, пыл тути.

Ахахсемех хакла, мерчен хакла,
Вёсенчен те хаклй, ай, мён хакла?
Сталин самахёсем—вёреннисем
Сунни сунса таращё—сав хаклй.

На горах высоких светит жемчуг.
Вокруг жемчужины земляника.
Земляника сладка, ягода сладка,
А Сталина слова слаще меда.

Дорог жемчуг, алмаз также дорог,
Но и их дороже что дороже?
Сталина отца слова-учения
Неугасимо горят,—то дороже.

Многочисленные частушки созданы за годы советской власти чувашской молодежью о великом Ленине и Сталине. В этих частушках воспевается также счастливая радостная жизнь сталинской эпохи, храбрость и отвага славных защитников родины, любовь к социалистическому отечеству.

Отличительная особенность фольклора советской эпохи—это реальность. Волшебнo-фантастические элементы, ранее имевшие в нем место, все более и более вытесняются отображением реальных событий жизни, реальных фактов и в этом реализме, в их глубокой внутренней правдивости заключается их сила.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СИНТЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

„Язык,—говорит Маркс,—так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми“.¹⁾

Возникая из практической потребности общения с другими людьми, язык в наши дни является составной частью национальной по форме и социалистической по содержанию культуры и орудием в деле строительства бесклассового социалистического общества.

Язык и мышление составляют единство. Язык есть мышление, выраженное в словах или знаках. Чем точнее мы желаем передавать наши мысли, тем совершеннее должны знать законы языка.

Академик Марр говорит: „Нет не только слова, но и ни одного языкового явления, хотя бы из строя речи или из ее материального выявления в графике, кинетической линии и звучании, фонетике, нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением“.²⁾

Мы должны теоретически обосновать каждое значительное явление в языке, теорией проверять практику работы в области языка. Настоящая работа ставит целью изложить основы аналитической и синтетической структуры чувашского языка и на этой основе в качестве практических выводов научно обосновать словосложение и правописание сложных слов в чувашском языке.

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. „Немецкая идеология“. Партиздат. 1935 г. Сс. 20—21.

²⁾ Язык и мышление, стр. 43—44.

II. АНАЛИЗ И СИНТЕЗ НА ОБЩЕМ ФОНЕ АГГЛЮТИНАЦИИ.

Чувашский язык—язык агглютинативный (от латинск. *agglutinare*—склеивать, *gluten*—клей). В нем все формальные грамматические изменения происходят путем „нанизывания“, „приклеивания“ различных аффиксов к основе.

В отношении аффиксов в агглютинативных языках академик И. И. Мещанинов говорит так: „Можно даже предположить, с достаточным мне кажется весом, что агглютинативные прилепы, каждая со своим специальным значением, получив новое содержание по обслуживанию целой грамматической категории, взорвались в своей форме, перейдя в ту разновидность приставок, каковой присваивается имя внешней флексии“.¹⁾ Далее: „Действительно, при анализе строя отдельных языков мы наблюдаем то полные прилепы агглютинации, то усечение их с функциональной перестройкою на выражение определенной грамматической категории (внешняя флексия) при наличии фонетического изменения внутри основы самого слова (внутренняя флексия“.²⁾

В чувашском языке по морфологическому составу следует различать: основу (корень) и аффикс. Основа функционирует самостоятельно как обозначение предмета, признака предмета, действия или грамматического отношения.

В чувашском языке изменений внутри основы от „приклеивания“ аффиксов не бывает, что свидетельствует об отсутствии внутренней флексии в этом языке. Более того, литературный язык не допускает в этих случаях простой перегласовки, основанной на фонетических законах, напр.: от уйăх (месяц) в местном падеже произносится *уйăх-ĕн-че* (в месяце), в литературном языке и произносится и пишется: *уйăх-ĕн-че*; от *кер* (войди) в прошедшем времени употребляется в некоторых диалектах *курт-ре* (впустил), но в литературном языке произносится и пишется *кĕрт-рĕ* (так как форма образована от основы *кĕр* (войди), а не *кур* (дай, перевези) и др.

Неизменяемость корня нарушается лишь чередованием и движением звуков. Довольно последовательно проходит чередование *т* || *ч* (турат || турачĕ (сучок + его), склад || склачĕ (но: площад-ĕн-че, склад-ĕн-че) и *у* || *ав* (сыру || сырав-а (письму), ту (делай) || тав-ас (делать).

Движение звуков мы наблюдаем во многих случаях. Для более удобного наблюдения ниже дается ряд примеров, где основной звук дан на первом месте, а затем производный; далее дана литературная форма употребления слова и диалектальные разновидности его:

¹⁾ Академик И. И. Мещанинов. Проблема классификации языков в свете нового учения о языке. Ленинград. 1935 г., стр. 33.

²⁾ Там же, стр. 33.

а → у: вула (читай) ← вала
 а → а: аяк (бок) → аййк
 у → а: нумай (много) → намай
 ы → а: йываҥ (дерево) → йаваҥ
 и → ё: эсир (вы) → эсёр
 к → х: шухӑш (мысль) ← шукаш
 ч → ҫ → ш: кашкар (кричи) ← каҫкар ← качкар
 и → м: ылтӑн (золото) → ылтӑм
 м → в: вакар (бык) ← макар
 малта (впереди) → валта

В чувашском языке каждый аффикс довольно легко выделяется от основы и от других аффиксов и является носителем довольно легко улавливаемого специального значения. Но аффикс самостоятельно не функционирует, семантическое единство приобретает только в соединении с основой. Аффиксы с трудно улавливаемым значением в литературном языке малоупотребительны. Так, аффикс *ай* в словах с гласными заднего ряда и *ей* в словах с гласными переднего ряда в отрицательной форме глаголов означает желание и невозможность выполнения, напр.: *кай-ай-ма-р-ё* (не смог идти), *кил-ей-ме-р-ё* (не смог прийти). В положительной форме при употреблении этих аффиксов мы получим: *кай-ай-р-ё* (ушел), *кил-ей-р-ё* (пришел). Аффиксы *ай*, *ей* выражают здесь простое утверждение быстро законченного действия, причем последнее можно передать и интонацией, а потому формы *кайайрё*, *килейрё*, малоупотребительны и относятся к диалектальным особенностям языка.

В основах с конечными гласными *а*, *ё* бывает столкновение гласного основы и гласного аффикса и происходит элизия (лат. *elisiо* — опущение гласной).

В иных случаях при стыке гласных или согласных „приклеивание“ аффикса происходит через протетические звуки, в качестве каковых между гласными чаще употребляется *й*, напр.: *колхоз канцеляри-й-ё* (канцелярия колхоза), *председатель резолюци-й-ё* (резолюция председателя). В обоих случаях конечное *ё* является притяжательным аффиксом 3-го лица. В качестве „вставки“ употребляется также *н*, напр. *ку-н-ан* (у него). В качестве „вставки“ между согласными употребляются *а*, *ё*, напр.: *х(ё)ресчен* (крестьянин), *х(а)ваттер* (квартира), *пиллӑк(ё)мӑш*, *саккар(а)мӑш*, *таххар(а)мӑш*, *ватӑр(а)мӑш* и др. В этих случаях протетические гласные *а*, *ё*, как краткие звуки, в современном литературном языке неупотребительны.

„Нанизывание“ аффиксов строго подчиняется закону сингармонизма, а именно: основы с гласными переднего ряда в чувашских словах в литературном языке никогда не принимают аффиксов с гласными заднего ряда, например: *тинӑс-ре* (в море), *вӑрен-ӗ-рен* (от ученья), *вӑрен-е-т-пӑр* (учимся), *хӑрлӑ-рех* (краснее) и т. д. Основы с гласными заднего ряда преимущественно принимают аффиксы с гласными заднего ряда, например: *лаша-па* (с лошадей), *шурӑрах* (белее), *пӑх-а-т-т-ам-ар* (смот-

рели когда-то). Сравнить в татарском языке: *кызылрак* (краснее), *кечкенарак* (меньше), *зурырак* (более).

Исключением являются заимствованные слова с гласными переднего ряда, с конечным твердым согласным (*съезд*, *трест*), которые принимают падежные аффиксы с гласными заднего ряда (*съезд+ра*, *трест+на*).

Слова с гласными заднего ряда в виде исключения принимают следующие аффиксы с гласными переднего ряда: *сем* (показатель множ. числа), *ё*, *и* (притяж. аффиксы 3-го лица), *чё* (аффикс прошедшего времени 3-го лица), *иччен* (аффикс деепричастия, показывающего период времени до другого действия), *мёш* (аффикс порядкового числительного), *скер* (аффикс самостоятельного прилагательного и причастия), *ссерен* (аффикс деепричастия, показывающего многократность действия), *ри*, *ти*, *чи* (аффиксы прилагательных, показывающих место), *хив* (аффикс прилагательного, показыв. время) и др. Кроме того, основы с мягкими согласными *ль*, *нь*, *ть*, *дь* принимают падежные аффиксы с гласными переднего ряда: *тополь-вен*, *супань-не* (с мылом), *тетрадь-рен*, *ртуть-не*.

„Нанизывание“ различных аффиксов носит четкий характер и проходит в довольно стройном порядке, причем через агглютинативные „прилепы“ можно передавать всевозможного рода сложнейшие оттенки мысли. Это относится как к аффиксам словоизменения, так и к аффиксам словообразования: 1. *сит-ей-ме-р-ём-ёр* (не смогли дойти), *кёнек-и-сен-чен* (из его книг); 2. *вар-ман-ти-сем-не* (с находящимися в лесу), *пулă-ĕ-сем-не* (с рыбаками), *пёртан-лăх* (равенство). Сравнить: в современном турецком языке: *baba-lar-im-iz-dan* (от наших отцов).

Но изучение слова нельзя ограничить изучением морфологического строя слова, необходимо учитывать всю систему грамматических форм слова, как-то: морфологический строй, функцию слов в речи, употребление его в предложении, лексическую форму слова и т. д. Детальный анализ строя чувашского языка показывает, что на общем фоне агглютинативных „прилеп“ явно выступает аналитическая, синтетическая и аналитико-синтетическая структура. В деле изучения слова изучение аналитической и синтетической структуры помогает вскрывать многие стороны языка, которые изучением агглютинативных „прилеп“ не могут быть вскрыты.

Анализ — (от греч. *analysis* — развязывание, разрешение) — разделение объекта на его составные части, в противоположность синтезу — (от греческ. — *synthesis* — сочетание, составление) соединению составных частей в одно целое. При *аналитическом строе* синтаксические отношения выражаются особыми формальными словами, артиклями, предлогами (в тюркских языках послелогами), личными местоимениями и вспомогательными глаголами при глаголах. Затем аналитический строй выражается прочным порядком слов. При *синтетической структуре* замечается стремление в строе языка развить

и использовать одну основу при разных окончаниях. В данном случае функционирование грамматической категории как бы замыкается в форме одного слова.

При *аналитико-синтетической структуре* аналитически функционирующие слова проявляют стремление к синтаксическому объединению на новой основе.

Наряду с синтетическими формами падежного словоизменения и синтетической структуры форм глагола и некоторых других частей речи в этих же частях речи можно наблюдать аналитическую структуру и процесс развития аналитических тенденций. Вот несколько предложений с синтетическими формами.

Юлташа (дательный пад.) *сыру ятӑм*. Товарищу послал письмо. Колхозра *машинӑсемпе* (твор. п. сущ.) *ёсӑсӑсӑ*. В колхозе машинами работают. *Мускавӑн* (родительный пад.) *урамӑсем таса*. Улицы Москвы чисты. *Эпӗ кӑнеке вуларӑм* (глагол прошедшего очевидного времени). Я читал книгу. *Шкапра* (местный п.) *кӑнекесем ыртасӑсӑ*. В шкафу лежат книги.

Эти же формы можно передать аналитически.

Юлташ патне (сущ. и послелог) *сыру ятӑм*.

Колхозра *кунӑне* (твор. п. сущ. в смысле наречия) *авӑн ҫапӑмар*.

Эпӗ ку кӑнекене вулана (глагол прошедш. неочевидн. времени).

РСФСР—*чи пысӑк* (прилаг. превосходной степени) *союзла республика*.

Шкап ашӑнче (сущ. с послелогом) *кӑнекесем ыртасӑсӑ*.

(К) товарищу послал письмо.

В колхозе целый день молотили.

Эта книга мною прочитана.

РСФСР—самая большая союзная республика.

В шкафу лежат книги.

Далее следует перейти к более подробному рассмотрению аналитической тенденции в чувашском языке.

I. Употребление послелогов

Из явлений аналитизма послелогам принадлежит, пожалуй, по распространенности первое место. Отношение имен к другим словам в процессе речи мы выражаем через их формы, называемые падежами. Падежи являются формой словоизменения, довольно гибкой по значению и объединяющей часто множество грамматических категорий, выражающих пространственные, временные, притяжательные, причинные, целевые и другие отвлеченные отношения в языке. Для выражения сложных отношений между предметами и понятиями послелогои пришли к именам в падежных формах как бы на помощь. Падежная форма, преобремененная значениями, получает разгрузку, перекладывая грамматическое выражение на послелогои.

Профессор Н. И. Ашмарин говорит: „Нужно иметь в виду, что, по причине сильно разившегося употребления послелогов, многие идеи, передающиеся в других тюркских наречиях одним дательным падежом имени, у чуваш выражаются не простым дательным падежом, но дательным послелога. Так, например: идея движения на верх или на поверхность предмета (в собственном смысле) редко выражается одним дательным, но почти всегда послелогом *си*“.¹⁾

То же самое надо отметить в отношении местного и исходного падежей. Одним словом, везде, где надо точнее передавать движение, направленное назад, вперед, вверх, вниз, по поверхности, сзади, спереди, сверху, снизу, с поверхности и т. д., а не просто указать предмет, к которому направлено действие, или от которого отправляется действие, или у которого совершается действие, в чувашском языке пользуются именем в основной форме и послелогом бесформенным или в склоняемой форме.

Примеры:

Сётел сине, на стол; *сётел айне*, под стол; *сётел айне*, в стол; *сётел умне*, „кпереди стола“; *сётел хысне*, за стол; *сётел патне*, к столу; *сётел сумне*, рядом к столу; *сётел сывахне*, близ стола. *Сётел сине журнал хутӓм*. На стол положил журнал. *Сётел синче кёнеке выртать*. На столе лежит книга. *Сётел синчен кёнеке илтём*. Со стола взял книгу. *Сётел тавра ачасем ларассё*. Вокруг стола сидят дети.

Анилитизм в приведенных примерах выражается в том, что предметное значение слова *сётел* во всех случаях совершенно отделяется от синтаксических связей и отношений, последние выражены формальными элементами—послелогом.

В некоторых случаях мы можем ставить во фразах и конструкцию с послелогом и падежное оформление имени в дательном, местном и исходном падежах, т. е. употребить и аналитическую и синтетическую структуру, например:

Сёре, на землю; *сёр сине*, на землю; *вырана*, на место; *выран сине*, на кровать; *сётеле*, в стол; *сётел айне*, в стол; *сётелрен*, из стола, от стола; *сётел айёнчен*, из стола.

Иногда между анализом и синтезом замечается противоборство: один из них как бы исключает другой.

Фронтра тайшман разведчикне тытрёс. Пушӓ пурт айне хупса, часовой тайратрёс. Унтан, пуртрэн каларса, штаба илсе кайрёс. На фронте разведчика неприятеля поймали. Заперев в пустую избу, часового приставили. Потом, выводя из избы, в штаб повели.

Во втором предложении вместо *пурт айне* нельзя ставить *пурте*, так как тогда получилось бы *пурте* в аккумулятивном значении, что дало бы двусмыслие. В третьем примере излишне ставить *пурт айёнчен*, так как выход из избы вполне точно передает исходный падеж. В приведенном здесь во втором предложении мысль в аналитической форме

¹⁾ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань. 1903 г. стр. 153.

передается точнее, однако можно привести примеры обратного порядка.

1. *Ха с а т с и н ч е м а н а н с т а т ь я т у х р ё .*

2. *Ха с а т р а м а н а н с т а т ь я т у х р ё .*

Смысловый перевод одинаков: В газете появилась моя статья.

1. *М а н п а т а к о л х о з р а н с ы р у к и л ч ё .*

2. *М а н а к о л х о з р а н с ы р у к и л ч ё .*

Смысловый перевод одинаков: Мне из колхоза поступило письмо. Здесь, наоборот, мысль передается точнее в синтетической форме, а потому литературный язык в подобных случаях предпочитает падежное оформление имени без предлога.

В Казанско-татарском языке употребление послелогов аналогично чувашскому.

Сравнить:

Чув. *Чўрече витёр урам куранать.*

Татар. *Тәрәзә утәли урам куренә.*

Рус. Сквозь окно виднеется улица.

Чув. *Атӓл тӓрӓх пароход килет.*

Татар. *Идәл буйлап пароход килә.*

Русск. По Волге идет пароход.

Чув. *Эпӓ юлташ патне каятӓп.*

Тат. *Мин иптәш янына барам.*

Рус. Я иду к товарищу.

Чув. *Эпӓ юлташ патӓнчен килетӓп.*

Тат. *Мин иптәш яныннан килем.*

Рус. Я возвращаюсь от товарища.

Чув. *Шкап умӓнче пукан ларать.*

Тат. *Шкаф алдында урындык тора.*

Рус. Перед шкафом стоит стул.

Рассмотрим употребление послелогов по отдельным группам.

а) Послелог *си, ай, ум, хыс, пат, сум*, передающие идею движения по поверхности, под поверхностью предмета; впереди, позади предмета; движение, направленное к и от предмета; движение, происходящее рядом с предметом,—находятся в довольно близком родстве с существительными. Как и существительные, они могут принимать падежные окончания, но употребляются преимущественно в дательном, местном и исходном падежах, в настоящее время в именительном падеже не употребляются. Подобно существительным они принимают притяжательный аффикс 3-го лица *ё*. Но имя существительное с притяжательным аффиксом 3-го лица всегда входит в сочетание с другим существительным, стоящим впереди него в родительном падеже с аффиксом или в неопределенном (родит. неформленном) падеже: *сака сётелён ури хуҗӓлна*. У этого стола

сломалась ножка. *Сётелён ури хуṣālnā*. У стола сломалась ножка. *Сётел ури хуṣālnā*. Ножка стола сломалась.

В некоторых диалектах употребление имен существительных перед послелогоми аналогично сочетанию существительных с существительными с притяжательным аффиксом, например: *Ṣakī Petērēn umēnne чернил пулаканичг*. Перед этим Петром всегда имелись чернила. *Лашасен умённе апат пур-и?* Есть-ли корм перед лошадьми? *Хайсем сунасен хыṣēнчен утса пырассё*. Сами шагают за саями.

В литературном языке имя существительное перед вышеуказанными послелогоми всегда ставится в первоначальной форме (в неопределённом падеже). Отбрасывание окончания, как об этом будет сказано подробнее при рассмотрении окончаний родительного и винительного падежей, объясняется несоответствием содержания и формы. Употребление аффикса родительного падежа при сочетании с послелогом стало ненужным, так как в данном случае имя существительное перестало показывать принадлежность.

Употребление местоимения с послелогоми частично свидетельствует о том же. Местоимения в данном случае ставятся в усеченной форме родительного падежа, например: *ман пата*, ко мне; *сан умра*, перед тобою; *ун синчен*, про него, с него.

б) Употребление послелога *сывах* (близ) полностью совпадает с употреблением вышеуказанных послелогов, но этот послелог, смотря по конструкции предложения, может быть и наречием.

в) Наречные послелогии функционируют и как наречия и как послелогии: *витёр* (сквозь) *урла* (через), *тавра* (вокруг) *хыṣṣан* (вслед, за), *тарāх* (по), *пёрле* (вместе), *юнашар* (рядом). Особо следует отметить послелогии: *таран* (до), *валли* (для), *пирки* (из-за), которые употребляются только как послелогии.

Эти послелогии падежных окончаний не принимают. Другой особенностью их является то, что некоторые из них: *хирёс* (напротив), *валли* (для), *тарāх* (по), *пёрле* (вместе), *юнашар* (рядом) требуют существительного в том или ином падеже. *Хирёс*, *валли*, *тарāх* употребляются с дательным падежом: *вārса хирёс* (против войны), *юлташа валли* (для товарища), *урама тарāх* (по улице). *Пёрле*, *юнашар* употребляются с творительным падежом: *колхозниксемне пёрле* (вместе с колхозниками), *клубна юнашар* (рядом с клубом).

г) Послелогии *варри*, *хуши*, *хёрри*, *сывахёне*, *ен*, *енёне*, *пусне*, *май(не)*, *тёл(не)*, *вырйанне* показывают, что способ образования послелогов слишком разнообразен. В некоторых случаях они образуются от существительных (*хуша*), которые употребляются и в настоящее время почти во всех падежах, в других случаях они образуются от основ, которые могут быть употреблены и как существительные и как наречия.

д) Деепричастные послелогии в речи имеют значительное употребление. Здесь необходимо будет напомнить о послелогох *пула* и *кура*, причем *пула* совершенно утратило признаки

деепричастия, а *кура* может быть употреблено и в смысле деепричастия.

Йываҫа пула (посл.) пұрт куранмасть.

Из-за деревьев не видно избы.

Џулне кура (посл.) мар пысак.

Велик (телом) не по годам. (Ашмарин)

Аналитическая структура с послелогами восходит к далекому историческому прошлому. Если аморфно-синтетическая стадия развития языка дает состав равноправных во фразе слов, то дальнейшее изменение социальных условий обуславливает усиление роли вспомогательных слов—послелогов. Последние в некоторых тюркских и финских языках, утрачивая ударение, прикрепляются к характеризваемым ими словам и трансформируются в аффиксы. Из таких послелогов в чувашском языке можно указать послелог *шӑн-шӗн*, который прибавляется ко всем именам, ко многим местоимениям и причастиям, например:

Пурте тасалахшӑн кӗрешер. Все будем бороться за чистоту. *Эпӗ юлташшан дежурный пултам.* Я был дежурным за товарища. *Манӑн пичче вӗренме хулана каяшӑн.* Мой старший брат хочет ехать учиться в город.

В чувашском языке послелогии сохранили самостоятельное употребление. Категория послелогов так же, как в русском языке категория предлогов, растет за счет имен существительных, наречий, деепричастий и является в сравнении с этими категориями более поздним образованием.

2. Аналитичность некоторых глагольных форм

В прошедшем неочевидном времени (по терминологии Н. И. Ашмарина „прошедшее состояния“) форма глагола для всех лиц в единственном, а также во множественном числе, одинакова, т. е. формы лица в этом времени выражаются аналитически, присоединением личного местоимения субъекта.

Един. ч.

Эпӗ пулна (я был)

Эсӗ пулна (ты был)

Вал пулна (он был)

Множеств. число

Эпир пулна (мы были)

Эсир пулна (вы были)

Вӗсем пулна (они были)

Иванна Петер хулара пулна. Иван и Петр были в городе. *Енер театрта пулна.* Вчера был в театре. В последнем примере употребление личного местоимения субъекта обязательно, иначе не ясно, кто же из них был в театре, или они были там оба.

В других временах глагольные формы заключают в себе в большинстве случаев трансформированные элементы личных местоимений, слившихся с подчинением закону сингармонизма в

одно слово с глаголами, причем в 1-ом лице настоящего и будущего времени трансформированное местоимение выступает особенно рельефно: *кил-ён-ёр* (мы придем) основа *кил* плюс трансформированное местоимение *ёнёр* (мы), *ёсле-т-(ё)н-ёр* (мы работаем) основа *ёсле* плюс аффикс *т*, показывающий настоящее время, плюс аффикс *нёр*, представляющий трансформированное *ёнёр* (мы), причем *ё* выпало.

При общем агглютинативном строе, глагольные формы в большинстве случаев *синтетичны*. Отпечаток *анализма* имеют следующие случаи: 1. употребление вспомогательного глагола *пул* (становиться), 2. других вспомогательных глаголов, 3. глаглов недостаточности (*ичё*), 4. модальных глаголов (*пулё, пулать, пулас, пулмалла*). 5. Модальных слов: *паллах, чанах та, иккен, тен, мён, тār-тёр*.

1. Эпё *бригадир пултām*. Я стал бригадиром.
Ёне *сётлё пулчё*. Корова была молочная.
2. Колхоз председателё отчет *тāва пусларё*.
Председатель колхоза начал делать отчет.
Колхоз председателё отчет *туса пёттерчё*.
Председатель колхоза закончил делать отчет.
3. Манан кёнеке *пурччё*. У меня была книга.
Вāl кёнеке *сёнёччё*. Эта книга была новая.
Кунта шкаф *иккёччё*. Здесь было шкафов два.
4. Утāsене *пустарас пулё: сумār савать пулмалла*.
Нужно собрать сено: дождик, вероятно, будет.
Бригадир хире *каинā пулас*. Бригадир, видимо, отправился в поле.
5. Ку кёнеке *интереслā иккен*.
Оказывается, эта книга интересна.
Тен, эпё сире *пулāшма пултарāп*.
Быть может, я смогу вам помочь.
Паян пасара вутā нумай *тухнā-мён*.
Сегодня, видать, на базар дров много вывезли.
Сире камзол пит килёшет, арки вёсне хāнтār ай *тытнā-тār*.
(Халāх юрри)
Вам камзол очень идет, полы его, видимо, обшиты тесьмой.
(Народная песня)

Нужно заметить, что модальные слова *тār-тёр, мён, иккен* и некоторые другие как элементы аналитической структуры встречаются не только для предположительного указания действий, но и предметов и качеств предметов. Например: Пасара *вылāх-мён* *тухнā-и?* Выведен ли на базар скот (нечто из породы скота). Ку кёнеке *интереслā иккен*. Эта книга, оказывается, интересная.

Аналитичность других грамматических категорий.

Вкратце необходимо будет остановиться на случаях *анализма* других грамматических категорий. Прилагательные, числительные, местоимения, причастия, употребляемые в качестве определения, являются примыканиями к существительным.

Ешёл курак хушинче сап-
сарә чечек усет. (К. Ив.)

Меж зеленой травкой в поле
золотой (досл. желтый-прежел-
тый) растет цветок.

Кәсал колхоз икё молотилка
илчә.

В нынешнем году колхоз купил
две молотилки.

Амәшпә сак пүртре Сетнер
ача пуранать. (К. Ив.)

В этой избе вместе с матерью
молодой Сетнер живет.

Магазиита шулта вёрен-
мелли кёнекесем илтём.

В магазине купил учебные кни-
ги.

В указанных примерах прилагательное *ыра*, числительное *икё*, местоимение *сак(а)*, причастие *вёренмелли* являются при-
мыканиями к существительным, ими определяемым. В подоб-
ных случаях указанные категории передают качество предмета
всегда „аналитически“. Следует отметить, что термин „ана-
литически“ здесь берется условно для противопоставления
синтетических употреблений этих же категорий, а потому взят
в кавычки. Чтобы не вызвать лишних замечаний, вполне мож-
но было бы здесь обойтись и без этого термина, рассмотрев
отдельно безаффиксные формы прилагательных, числительных,
местоимений и причастий и употребление тех же категорий
при сочетании их с существительными или глаголами через аф-
фиксы. Но как увидим далее, указанные категории входят в
синтез с другими словами на тех же основаниях, что и ранее
рассмотренные случаи анализа, а это дает право сделать кое-
какие обобщения в этом вопросе.

Далее рассмотрим примеры на *синтетическое* употребление
прилагательных, числительных, местоимений и причастий, при-
чем они в предложении выступают самостоятельно без своих
определяемых слов и являются дополнениями.

Ҷака сәтеле хёрләне (вместо „хёрлә сәрәпа“) сәрланә. Этот
стол выкрашен красным. Манән шәлләм саккара кайрә. Моему
меньшому брату пошел 8-ой год. Мана колхозран сыру кил-
чә. Мне из колхоза поступило письмо. Ҷакна ан ман. Этого не
забудь. Юрлакана ала сүпрамәр. Поющему (певцу) мы аплоди-
ровали.

Прилагательные и причастия в сравнении с числительными
и местоимениями в меньшей степени употребляются в падеж-
ных оформлениях. Этот „пробел“ они как бы дополняют спо-
собностью прибавлять аффиксы *и*, *скер*, например:

аван (прилагательное)—хороший;

аванни (самостоятельное прилагательное)—то, что хорошо;

аванскер (самостоятельное прилагательное)—тот, который
хорош;

юрлакан (причастие настоящего времени)—поющий;

юрлаканни (самостоятельное прич. наст. вр.)—то, что поется (употребляется также в смысле „тот, кто поет“);

юрлаканскер (самостоятельное прич. наст. вр.)—тот, кто поет.

Прилагательные и причастия с аффиксами *и* или *скер* в предложении выступают самостоятельно от определяемых ими имен, по значению приближаются к существительным. В этом случае они, подобно существительным, склоняются и в предложении употребляются синтетически.

Каşал виçе шӑлламран кӗçӗнни (именит. пад.) те шула кайрӗ. В нынешнем году из трех братьев и самый младший пошел в школу. Пирӗн колхоз председателӗнче Хӗрлӗ Çартан таварӑннаскер (именит. пад.) ёшет. Председателем нашего колхоза работает (человек), вернувшийся из Красной Армии. Савни (именит. пад.) савнине (винит. пад.) илет те, савманнине (винит. пад.) кам илет. (Народная песня) Любимый любимую берет, а нелюбимую кто возьмет.

Из других форм этих же грамматических категорий значительный интерес в связи с нашей темой представляет образование превосходной степени прилагательных.

Превосходная степень прилагательных образуется посредством аналитических форм, представляющих из себя усилительные слова.

В качестве усилительных слов здесь употребляются: *чи*, *питӗ*, *ытла*, *калама çук*, *майсӑр*, *çав тери*, *темӗн тӗрлӗ* и др. прилагательное положительной степени в исходном падеже; частицы *хӗп*, *хуп*, *шап* и др., образованные из первого слога прилагательного путем изменения конечного согласного звука на *п*, *н*, *м* (*хуп-хура*, *кан-кавак*, *ем-ешӗл*); *вӗр*, *сӗм*, (*вӗр-сӗнӗ*, *сӗм-тӗттӗм*). Все эти усилительные слова и частицы ставятся впереди качественных прилагательных.

Чи пысӑк хула (самый большой город), *питӗ* аван ёç (самая хорошая работа), *ытла* йӗслӗ çын (очень умный человек), *калама çук* савӑнӑçлӗ кун (невыразимо (небывало) радостный день), *хуп-хура* хут (самая черная бумага), *тип-тикӗс* çул (самая ровная дорога), *вӗр-сӗнӗ* машина (самая новая машина) и т. д.

Выше нами отмечено аналитическое употребление числительных, являющихся определениями. Отметим еще один характерный случай. Числительное *пӗр* может быть поставлено перед другим числительным для предположительного указания количества.

Пӗр-ик(ӗ) çавра юрӑ юрларӗ. Он спел один или два куплета песни. Ку çурта лартма *пӗр* тӑватӑ платник çӗнес. Чтобы поставить эту избу, надо пригласить около 4 плотников. Кӑçал ёçкунне *пӗр* вуншар кило тӗштырӑ илетпӗр. В нынешнем году на трудовень получим около 10 килограммов зерна.

Следует отметить, что во всех этих примерах числительное *пӗр* имеет одинаковую аналитическую форму словосочетания, а потому образование *пӗр-ик(е)* казалось бы нельзя отождествлять с образованием парных числительных: *ик-виç*, *виç-тӑват*,

сирём-ватар, иксьёр-вицсьёр и др. Но поскольку парное слово образуют числительные из рядом стоящих единиц, десятков, сотен, здесь вполне допустимо исключение: *пёр-икё, пёр-ик;* наряду с образованием: *пёр тавата, пёр вуншар.*

Далее вкратце остановимся на употреблении наречий. Морфологическая система наречий определяется отношением к глаголам и частично к именам. Категория наречий „аналитические“ выражает специальные оттенки глагола и, сравнительно редко, прилагательного.

Ряд слов в предложении может быть и прилагательными и наречиями:

Прилагательные.

Юман—*хыта* йыва́с.
Дуб—твердое дерево.
Ударла брига́дара ёслетёп.
Я работаю в ударной бригаде.

Наречия.

Автобус *хыта* пырать.
Автобус быстро идет.
Бригада *ударла* ёслет.
Бригада работает ударно.

Образование другой группы наречий показывает, как *синтетические* формы имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глаголов перешли в „аналитические“ формы наречий. Впрочем переход этот не во всех случаях доходит до полной потери прежнего значения, прежних функций. Так имена с падежным оформлением, теряя основные значения падежей, получают адвербиальное употребление, но эти же формы в отдельных случаях могут употребляться и со значением падежа.

Например, творительный падеж показывает категорию орудийности и совместности: *машинана* ёслетёп (машиной работаю), *кёнекепе* тетрадь (книга с тетрадью).

Имя существительное в данной падежной форме может употребляться в основном значении падежа и в смысле наречия.

Например: *Су кунёпе* (имя сущ.) кёрхи куна танлаштарай-мән: въл нумай вёрәм. (Летний день не сравнишь с осенним: он значительно длиннее). Бригада *кунёпе* (нар.) хирте ёслерё. (Бригада целый день работала в поле. *Суркунне* (имя сущ.) ситрё. Весна наступила. *Суркунне* (нар.) кайаксем ййва тавасёсё. (Весною птички вьют гнезда).

Далее следует привести примеры, свидетельствующие об образовании наречий из различных падежных оформлений склоняемых слов. Эти же примеры свидетельствуют, что принадлежность слова к той или иной грамматической категории в чувашском языке выражается весьма диффузно.

Эпё а́на пасарта *кусан* куртәм. Здесь *кусан* наречие образовалось из существ. *кус+афф.* родит. пад. *ан.* Я его на базаре видел воочию. Пограничником *кунён-сёрён* границасене сыхласёсё. Здесь *кунён-сёрён* образовалось из сущ. *кун* и *сёр+афф.* род. п. *ён.* Пограничники и днем и ночью охраняют границы. *Керкунне* пулчё. Здесь *кёркунне* (существительное) обра-

зовалось из существительного *кёр*+сущ. *кун*+афф. дат. п. *не*. Осень наступила. *Кёркунне* (нар.) пахча^{шмё} пу^старатп^ар. Осенью собираем овощи. *Кёр кунне* (сущ. в вин. п.) *суллахи* кунпа танлаштарайм^ан. Осенний день не сравнишь с летним днем. Ку кёнекесене *йёркине* (нар.) вулар^ам. Наречие *йёркине* образовалось из существ. *йёрке*+прит. афф. *и*+афф. род. пад. *не*. Эти книги подряд прочитал. Кун *йёркине* (сущ. в твор. п.) килёшрё^с. С порядком дня согласились. *Хаярр^ан* улать кёрхи *шил*. Серdito воеет осенний ветер. Здесь наречие *хаярр^ан* образовалось из прилагательного *хаяр*+афф. род. п. *ан*, причем удлинение *р* связано с изменением значения слова. *Хаяр^ан* яланах к^ашкарас йала пур. У сердитого имеется привычка постоянно кричать. Здесь *хаяр^ан* прилагательное, употребленное в значении существительного. Хуралта *иккён* т^атамар. Охрану вдвоем несли. Здесь наречие *иккён* образовалось из числительного *икке*+афф. род. пад. *н*. *Кунта* туртма юрамасть. Здесь курить нельзя. Наречие *кунта* образовалось из местоимения *ку*+афф. род. п. *н*+афф. местн. п. *та*.

Особенно рельефно диффузность грамматических категорий выступает в следующих примерах.

Тула тухр^ам (наружу вышел), *тул* *сут^алать* (светает). *Шала* кётём (внутри зашел), *сылтама* тыт (держит вправо). *Сылт^ам-ра* илтёнч^е (вправо послышалось), *сылт^амна сулахая* уй^ар^ать (правое от левого отличается), *самракранпа* (образов. из прилаг. *самрак*+афф. исх. п. *ран*+афф. твор. п. *па*) вёренет (с малых лет учится), *симеллине* *сиет* (поедом ест). В последнем примере *симеллинех* образовалось из причастия долженствования *симелли*+афф. тв. п. *не*+усилительная частица *х*.

Способы образования наречий многообразны и различны, но во всех случаях система наречий „аналитически“ передает различные оттенки глагола или прилагательного. Наречия так же, как многие другие аналитически выраженные формы, получают точное осмысление при точном порядке слов, о чем будет изложено несколько ниже.

4. Употребление родительного и винительного падежей

Безаффиксные формы родительного и винительного падежей, называемые в научной грамматике турецких языков, так же как и другие случаи употребления первоначальной формы имен, неопределенным падежом, вызывают большой интерес в том отношении, что они, как увидим из следующего раздела, наряду с аналитическими формами входят в синтез с другими словами.

Профессор Ашмарин в своем труде: „Опыт исследования чувашского синтаксиса“. Казань, 1903 г. подробно излагает употребление родительного падежа (24—49 стр.). Он говорит: „Употребление родительного падежа в чувашском предложении можно наблюдать в следующих четырех главнейших случаях.

1. Родительный падеж сохраняет свое окончание и сообщает одному или нескольким именам в предложении притяжательные суффиксы.

2. Родительный падеж сохраняет свое окончание, но не сообщает другим именам в предложении притяжательных суффиксов.

3. Родительный падеж теряет свое окончание, но сообщает именам притяжательные суффиксы.

4. Родительный падеж теряет как свое окончание, так и способность сообщать притяжательные суффиксы другим именам в предложении“ (стр. 28).

Второй и третий случаи употребления родительного падежа показывают, что прогресс в общем ходе исторического процесса признает излишним двойной показ принадлежности и аффиксом родительного падежа и притяжательным аффиксом.

Например: 1. *Мускавāн* урам-ё-сем таса.

Срав. в татар. яз. Москванын урамнары чиста.

Улицы Москвы чисты.

2. Урам-сем *Мускавāн* таса.

Срав. в татар. яз. Урамнары Москванын чиста.

Улицы у Москвы чисты.

3. *Мускав* урам-ё-сем таса.

Срав. в татар. яз. Москва урамнары чиста.

Московские улицы чисты.

При употреблении имени в родительном падеже с аффиксом это слово логически подчеркивается. Так, в первом и втором примерах логическое ударение делаем на слове *Мускавāн*, во втором примере логическое ударение часто бывает связано с инверсией, что еще более выделяет значение аффикса *āн*. В третьем примере слово *Мускав* логически не подчеркивается, имеет второстепенное значение, более видное место в речи принадлежит управляющему имени. Тот факт, что здесь имеем дело с безаффиксным родительным падежом, выражается порядком слов в предложении, ибо только родительный падеж имени придает управляющему им имени, стоящему непосредственно за ним или через несколько связанных с последним именем слов, притяжательные аффиксы 3 лица *ё, и*.

Разбирая примеры 3-го случая употребления родительного падежа: *сура̄х тирё*, овечья шкура; *Сёрпү ча̄вашё*, цивильский чувашин; *хура̄н хулли*, березовый прут; *тутар хёрё*, татарская девушка и др. проф. Н. И. Ашмарин говорит, что в этих примерах „родительный падеж имеет значение имени прилагательного“ (стр. 40).

Затем мы имеем переходные случаи в современном литературном языке. Связь родительного падежа с интернациональным или заимствованным именем с конечным „и“ дают словосочетание: *Октябрь революцийё* и *Октябрь революции*, *колхоз канцелярийё* и *колхоз канцеляри*.

Как *Октябрь революцийё*, так и *Октябрь революции* означают одно и то же—Октябрьская революция, но в сочетании *Октябрь*

революци слово *октябрь* воспринимается как прилагательное, ибо и отвечает на вопрос *мёнке?* (какой?) и напоминает следующие словосочетания: *чул сурт*, камень-дом; *тимёр витре*, железо-ведро и т. д.

Таким образом, здесь имеем налицо несовпадение грамматических категорий с формально-логическими. Взаимодействие и борьба аналитической и синтетической тенденции здесь также сказывается сильно. Аналитический строй лишает род. п. аффикса, синтез со строгим порядком слов в предложении делает излишним аффикс, но при этом заметна тенденция к переходу этого слова в совершенно другую грамматическую категорию.

О 4-м случае употребления родительного падежа будет сказано в связи с изложением синтетической тенденции в языке, так как здесь наиболее ярко проявляется аналитико-синтетическая тенденция в языке.

Профессор Н. И. Ашмарин в том же труде подробно излагает также употребление винительного падежа (стр. 211—282).

В турецких языках замечается следующее явление. Когда речь идет о конкретном предмете, то винительный падеж употребляется с аффиксом, а когда речь идет о предмете „вообще“ (неопределенном), то аффикс опускается. Например:

Чув. *Иван кёнеке илчё. Ыака кёнекене въл Петёре пачё.*

Тат. *Иван китап сатып алды. Ул китапны ул Петрга бирде.*

Рус. *Иван купил (взял) книгу. Эту (упомянутую) книгу он Петру отдал.*

Чув. *Колхозник ёне илнё. Ыава ёнене въл аван ситерет.*

Тат. *Колхозник сыер сатып алды. Ул бу сыерны яхшы карый.*

Русск. *Колхозник корову купил. Эту корову он хорошо кормит.*

Во многих случаях употребление винительного падежа с аффиксом в турецких языках связано с инверсией, когда винительный падеж логически выделяется из групп других слов.

В отношении чувашского языка это явление отмечено проф. Н. И. Ашмариным на следующем примере.

„*Сыснана ашёшён усрасё.* Свинью (свиней) держат из-за ее (их) мяса. Здесь рассматривается вообще значение всей породы свиней для хозяйства“. (Там же, стр. 252). Немного выше он отмечает, что „данное имя (*сыснана*) составляет главную тему суждения“.

Это же предложение без инверсии приняло бы такой оборот: *Ашшан (аш валли) сысна усрасё.* Из-за мяса (на, для мяса) свинью держат. Без инверсии слово *сысна* занимает „нормальное“ место в порядке слов; причем отпадает логическое выделение слова *сысна* и вместе с тем, как внешнее выражение изменения смысла, отпадает аффикс винительного падежа.

Во всех этих случаях безаффиксный винительный падеж при всяком строе предложения в чувашском языке придает предмету абстрактный „аналитический“ характер. Таким образом,

отпадение окончаний родительного и винительного падежей свидетельствует о прогрессе в языке в связи с прогрессом мысли на известной исторической ступени развития.

На разборе синтетической структуры мы остановились кратко. Перечислим основные случаи этой структуры. Сюда относятся формы падежей склоняемых слов, за исключением безаффиксных форм родительного и винительного падежей; формы сравнительной степени прилагательных, наречий; спрягаемые глагольные формы, за исключением формы прошедшего очевидного времени и некоторые другие.

III. Аналитико-синтетическая тенденция в чувашском языке

Во второй главе мы видели, как аналитическая форма в чувашском языке существует одновременно с синтетической формой. В некоторых морфологических образованиях, напр., в образовании наречий, заметно значительное противоборство между ними. В вопросе словосложения аналитическая и синтетическая тенденции находятся в постоянном взаимодействии, „анализмизм“ и „синтетизм“ неразрывно связаны между собою. Борьба этих противоположных тенденций создает много новых сложных слов, причем „аналитические“ слова входят в синтез с другими словами и образуют новую основу с видоизмененным или новым значением.

1. Словосложение в разных языках

Словосложение в немецком языке довольно подробно изложено проф. В. М. Жирмунским в книге под названием: „Развитие строя немецкого языка“. (С с. 68—77).

Проф. В. М. Жирмунский отметил в области словосложения следующие явления:

„Словосложение в его наиболее примитивной форме находим в языках аморфных, напр. в китайском, где оно служит основным способом образования новых слов—понятий. Ср. Pek-kin „Nordhauptstadt“ (Пекин, северный главный город); Nan-kin „Sudhauptstadt“ (Нанкин, южный главный город)... Определяющее слово ставится в неизменном виде перед определяемым, как в обычной синтаксической связи.¹⁾

Более сложное объединение дают языки инкорпорирующие, напр. мексиканский, в котором слово, обычно оформленное с помощью суффикса, теряет этот суффикс, вступая в соединение с другим словом. Ср. tetl „камень“ — te-kalli: „каменный дом“ („Steinhaus“)²⁾ и т. п.

В немецком языке отмечены следующие типы словосложения:

1. „Полносложные“ („*eigentliche Komposition*“). Напр. „Fussbrett“ со значением „скамейка для ног“; „Schuchriemen“ буквально: „башмак + ремень“, „Dampfschiff“ — „пароход“.

¹⁾ (Franz Mistell, Charakteristik der Typen des Sprachbaues, Berl. 1893, стр. 173—179).

²⁾ Там же, 112—114.

„Полносложные“ соединения такого типа производят впечатление простого объединения существительных без каких бы то ни было признаков флексии, как формального выражения синтаксической связи“.

2. „Неполносложные“ („*uneigentliche Komposition*“) Arbeitstag, рабочий день. Nannenfeder пегушиное перо и др.

„С развитием флексии первый элемент сложного слова нередко начинает осмысляться и оформляться как родительный (определятельный) падеж... В современном языке падежная флексия в неполносложных соединениях имеет тенденцию превратиться в простую „соединительную согласную“, в формальный признак сложного слова“.

3. „Полносложные“ соединения прилагательного с существительным, напр., Jungfrau молодая женщина; Einhorn („*единорог*“); Rotkehlchen („красногрудка“).

4. „Полносложные“ соединения с первым глагольным элементом, напр., schreibfeder („перо для письма“), schlafkammer („спальная комната“).

При этом неоформленная глагольная основа, поставленная перед существительным, превращается в диффузное именное определение, так что глагол функционирует как имя, точнее—снимается различие между именем и глаголом, как в языках дофлективного строя.

5. „Полносложные“ соединения винительного падежа с отглагольным существительным, напр. Weintrinker пьяница; Wasser-träger носильщик воды.

6. „Сращение“ синтаксической группы в сложное слово с помощью словосложения и словообразования одновременно (*Zusammenbildung*). Напр. Danksagung, принесение благодарности; der Hungerleider терпящий голод.

7. Словосложение в научной и технической терминологии, например, Dampfschiffsgesellschaft, компания пароходства, Wolkwirtschaftsrat,— Совнархоз и т. д.

Словосложение в русском языке стабильным учебником проф. С. Г. Бархударова и доц. Е. И. Досычевой изложено так:

„Слово, образованное от двух или более корней, называется сложным. Например: водовоз, паровоз, буревестник, землетрясение, паровозостроение.

Сложные слова обычно образуются посредством соединительных гласных *о* или *е*: водокачка, самолет, огнетушитель.

Иногда сложные слова образуются без соединительной гласной. Например: Ленинград, Сталинград, пятилетка, четырехэтажный. В последних двух словах первая часть *пяти, четырех* является родительным падежом от слова *пять, четыре*“.¹⁾

Далее о сложных сокращенных словах говорится так:

„Сложные сокращенные слова образуются различными способами.

¹⁾ Проф. С. Г. Бархударов и доц. Е. И. Досычева. Грамматика русского языка. Часть I. фонетика и морфология, ст. 48).

1. Сложное сокращенное слово состоит из начальных звуков слов: вуз (высшее учебное заведение), КИМ (Коммунистический интернационал молодежи).

Особым случаем этого способа образования сложных сокращенных слов является такой, когда каждая буква определенного слова произносится так, как она произносится в азбуке: СССР (эсэсэсэр)—Союз Советских Социалистических Республик, ВКП(б)—векапбе—Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

2. Сложное сокращенное слово состоит из начальных частей слов: комсомол (коммунистический союз молодежи), Совнарком (Совет народных комиссаров).

3. Сложное сокращенное слово состоит из начальной части одного слова и другого целого слова: сберкасса, зарплата¹⁾

К сказанному об образованиях сложных слов надо добавить еще замечание В. М. Жирмунского:

„Между сложными словами и корневыми сокращениями имеется ряд переходных случаев. Ср. Днепрострой (Днепровское строительство), Свирьстрой, Волго-Дон-канал, Молоко-союз и т. д.“²⁾

На основании приведенных цитат можно сделать некоторые обобщения в отношении образования сложных слов в русском языке. При слиянии в одно слово двух или нескольких слов в русском языке заметны случаи: 1) сохранения грамматического оформления; 2) синтез в одиночку разбитых слов; 3) синтез сокращенного одного или нескольких слов. Это дает богатую возможность образования сложного слова от любого сочетания слов, что очень важно в деле создания терминов науки и техники.

На первый взгляд кажется, что словосложение в чувашском языке происходит без всякого формального выражения. Детальное рассмотрение всех типов словосложения в чувашском языке показывает, что признаки сложного слова в основном сводятся к следующему:

1. Слова, входящие в состав сложного слова, теряют свои отдельные значения и получают новое значение.

2. Слова, входящие в состав сложного слова, теряют свои ударения и приобретают одно новое ударение, подчиненное общим правилам об ударениях. В некоторых сложных словах нового образования, например, заметны два ударения: главное ударение в последнем слове и побочное ударение в первом слове.

3. Вступая в соединение, часто оба слова сокращают форму. Иногда аффикс теряет только 1-ое слово, иногда его теряет 2-ое слово.

Например: *Ършыв* (страна) образовалось из *ѷр* (земля) *шыв* (вода). Словосложение здесь не имеет формального выражения. Признаками сложного слова является получение им нового

¹⁾ Там же, стр. 51.

²⁾ В. М. Жирмунский. „Развитие строя немецкого языка“, стр. 76.

значения, отличного от значения слов *сёр* и *шив*. Затем наблюдается одно ударение на последнем слоге.

Тымарсимёр (корнеплод) образовалось из *тымар* (корень) + *симёр* (плод). Признаком сложного слова является здесь исключительно новое значение. Единства ударения и формального выражения словосложения нет. Главное ударение слышно на слоге *си*, побочное ударение на слоге *мар*.

Итак, из числа признаков сложного слова ведущая роль остается за содержанием. Изменение или потеря словом значения сопровождается видоизменением формы: стяжением основы, редукцией окончания, потерей аффикса. Такие слова больше всего входят в синтез с соединением на новой основе, причем новая основа получает новое содержание. Ударение при образовании сложных слов играет организующую роль. Оно падает на первый слог с „долгим гласным“ с конца слова (*вула* (читай), *вуларам* (читал), *ёслерёмёр* (работали) или на I-ый слог слова с краткими гласными *а* или *е* (*хёрёх* (сорок), *тёрёслёх* (правота). Ударение является одним из отличий сложного слова от сочетаний двух или нескольких слов, сохраняющих самостоятельность.

Сложные слова: *хёрача*, *усламсү*, *уламури*.

Сочетания простых слов: *арсын ача*, *шаратна су*, *пукан ури*.

Но все же ударение является признаком сложного слова формального порядка, а потому термины могут быть образованы без соблюдения единства ударения.

Таковы общие признаки сложных слов в чувашском языке. Теперь перейдем к детальному рассмотрению этого вопроса по группам слов.

2. Синтетические тенденции разных категорий в чувашском языке

Для большей ясности словосложение разных категорий слов рассмотрим по возможности полнее и убедимся, что синтезу подвергаются те же категории, которым свойственна „аналитичность“. Слова, теряя значения тех категорий, к которым они относились, перестают морфологически осмысливаться в числе данной категории и вступают в синтез с определяемыми ими дополняемыми словами или же в синтез вступают два слова на равных правах. Особенно сильное стремление к синтезу проявляют односложные слова, при синтезе которых единство ударения имеется всегда налицо, а это, как выше было отмечено, является формальным признаком сложного слова.

а) Словосложение с послелогоми

Послелоги, как отмечено выше, являются формальными словами, стоящими в предложении после имен для выражения отношения между предметами. Имя, стоящее впереди послелога.

не получает падежного оформления, за исключением сочетаний местоимений с послелогоми и имен с послелогоми *валли, хирёс, тарāх, пёрле, юнашар*. Не имея падежного оформления, они стоят вне падежных значений в первоначальной форме. Кажется бы, потеря такими словами падежного значения должна давать большую возможность образования сложных слов из сочетаний имен с послелогоми, но фактически таких образований мало.

Послелог *шāн-шён* вступает в синтез со многими категориями.

Революцишён (за революцию), *тасашāн* (за чистоту), *тасаскершён* (за чистого), *вуннāшāн* (за десять), *вуннамёшшён* (за десятого), *маншāн* (за меня), *уншāн* (за него), *вулакانشан* (за читающего), *вуланишён* (за читанное), *вуласшāн* (за то, что будет читанным), *вуламаллишён* (за то, что должно быть читанным).

Послелог *шāн-шён* прибавляется непосредственно к первоначальной форме слова. Сравнить: в татарском языке послелогу *шāн-шён* соответствует послелог *вчен*, который не входит в синтез с именем: *революция вчен* (за революцию), *чисталык вчен* (за чистоту), *анын-вчен* (за него), *кеше-вчен* (за человека).

Послелог *шāн-шён* прибавляется непосредственно к основе (большой частью) односложных слов. Круг употребления односложных послелогов с односложными именами ограничен, этим и объясняются сравнительно редкие случаи синтеза с послелогоми.

Примеры: *пұртум* (сени), *алакум* (крыльцо, сени), *хёрсум* (дружка невесты), *карташ*, *карта + āшё* (двор, огород), *пұртси* (крыша), *сакай* (место под лавкой), *аласи* (высевки), *урай* (пол).

То же самое видим и при новых образованиях сложных слов (терминах), с той лишь разницей, что послелог ставится здесь спереди.

Умсāмах (предисловие) образовалось из *ум* (перед) + *сāмах* (слово); *хыссāмах* (послелог) образовалось из *хыс* (после) + *сāмах* (слово);

б) Словосложение с существительными.

Словосложение с существительными имеет большое распространение. Особо здесь следует остановиться на 4-ом случае употребления родительного падежа, приводимом профессором Н. И. Ашмаринным (см. выше стр. 83-ая). Ввиду важности этого случая употребления родительного падежа для выводов по развитию синтеза в чувашском языке приводим весь абзац по Ашмарину дословно.

„*Сарā пусё* и *сар пус*, начальник войска; *сил арманё* и *сил арман*, ветряная мельница; верх. *качака сёчё* и *качака сёт*, козье молоко; *хур мамакё* и *хур мамак*, гусиный пух. *Варман-касси* и *Варман-кас* (лесная деревня); *Ту-кас* (горная деревня)—

названия чувашских селений. В косвенных падежах суфф. 3-го лица в наречьи анатри обыкновенно не отпадает; *сара пусийён, сара пусне; сил арманне, сил арманёнче*; но у верховых чуваш отбрасывание этого суффикса иногда может проходить через все склонение. (См. „Материалы“, стр. 380.) Как особенность, следует отметить отпадение суффикса притяжения в некоторых технических выражениях, напр. *ача ят хур*, нарекать имя младенцу; *ача чакат пула*, починать ребячий сыр (особый обряд при рождении ребенка) и т. п. Во всех приведенных случаях отпадение притяжательного суффикса объясняется стремлением некоторых давно установившихся именных сочетаний к взаимному слиянию и образованию сложных слов¹⁾

Профессор Н. И. Ашмарин отмечает здесь тенденцию к взаимному слиянию и образованию сложных слов из родительного падежа с редуцированным окончанием и определяемого им имени.

4-ый случай употребления родительного падежа Н. И. Ашмарина практика языкового строительства переделывает с первых же дней после Октября не по капризу, а исходя из настоящей нужды образования новых терминов, учитывая при этом общую тенденцию подобных слов к слиянию. Довольно рано возникает слово *сулпус* (вождь), образ. из *сул+пус(ё)* (дорога+начало+ее); *ёсхалах* (трудящиеся), из *ёс+халах(ё)* (труд+народ+его); *ялхусалах* (сельское хозяйство), из *ял+хусалах(е)* (деревня+хозяйство+ее); *ёссынни* (трудящиеся), из *ёс+сын+(ни)* (труд+человек+ее); *сураки* (весенний сев), из *сур+ак(а)+и* (весна+пашня+ее).

Однако для большей точности выводов рассмотрим примеры на сложные слова подобного типа отдельно с определяемыми именами с притяжательным аффиксом *ё*, а затем с притяжательным аффиксом *и*.

Вутчул (кремень), из *вут+чул* (огонь+камень), *куссуль* (слеза), из *кус+шу→суль* (глаз+вода), *пуспаяв* (головная веревка у телеги), из *пус+паяв* (голова+веревка), *сухапус* (соха), из *суха+пус* (соха+голова), *хёвеланаç* (заход), из *хёвел+анаç* (солнце+заход), *хёвелтухаç* (восход), из *хёвел+тухаç* (солнце+восход), *хёвелсаваранаш* (подсолнечник), из *хёвел+савранаш* (солнце+вертеться; *посолонь* вертеться), *шурампус* (заря), из *шурам+пус* (заря+голова, начало), *ялйыш* (односельчанин), из *ял+йыш* (селение+семья), *сáлкус* (ключ), из *сáл+кус* (колодец+глаз), *ялхусалах* (сельское хозяйство), из *ял+хусалах* (селение+хозяйство), *ёсхалах* (трудящийся), из *ёс+халах* (труд+народ), *шупус* (исток), из *шу+пус* (вода+голова, начало), *сёркамрак* (каменный уголь), из *сёр+камрак* (земля+уголь), *ялсовет* (сельсовет) из *ял+совет* (селение+совет), *силарманё*, *силармань* (ветрянная мельница), из *сил+арман+ё* (ветер+мельница+его).

Сравнить в татарском языке: *кузьаш* (слеза) из *куз+аш+е*

¹⁾ „Опыт исследования чувашского синтаксиса“. Часть 1-ая. Стр. 42—43).

(глаз+вода+его), *сукабаш* (соха) из *сука+баш+ы* (соха+голова+ее), *алмагач* (яблоня) из *алма+агач* (яблоко+дерево), *оекбаш* (носки) из *оек+баш+ы* (чулок+голова+его).

Образование терминов происходит в таком же порядке: *амахуранё*, *амахурань* (маточник), из *ама+хуран+ё* (*матка+хуран+притяжательный* аффикс 3 л. ё), *алтымарё* (пульс), из *ал+тымар+ё* (*рука+корень+ее*), *сёрулпучё* (помещик), из *сёр+улпуч+притяжательный* аффикс 3 л. ё с чередованием конечного т || ч (*земля+барин+ее*).

Таким образом, имена существительные с безаффиксной формой родительного падежа входят в синтез с другими именами существительными, причем новая основа получает новое значение, новое слово получает одно ударение. Сочетание родительного пад. существительного с другим именем обязательно придает определяемому имени притяжательный аффикс 3 л. ё. При словосложении мы видим, что этот аффикс в большинстве случаев отбрасывается. Аффикс ё сохраняется в образованиях позднейшего происхождения, в том числе и в терминах. Трудность образования и закрепления употребления сложных слов здесь в том, что означенный тип сложных слов произносится по-разному у верховых и низовых чуваш, что отмечено еще Н. И. Ашмариним. Чуваша „низовые“ подобные сложные слова в именительном падеже употребляют с аффиксом ё, в других падежах склоняют с отступлениями, характерными для слов с притяжательным аффиксом: *ялхусала̌хё*, *ялхусала̌хён*, *ялхусала̌хне*, *ялхусала̌хёне*, *ялхусала̌хёнче*, *ялхусала̌хёнчен*. Чуваша „верховые“ склоняют иначе; *ялхусала̌х*, *ялхусала̌хан*, *ялхусала̌ха*, *ялхусала̌хна*, *ялхусала̌хра*, *ялхусала̌хран*. В литературном языке заметной довольно сильное влияние говора „верховых“. Слова этой группы в большом количестве входят в синтез. Этому обстоятельству частично помогает односложность одного из слов, вступающих в соединение: *ёсхала̌х*, трудящихся; *ялхусала̌х*, сельское хозяйство; *куссуль*, слеза; *силарман*, ветряная мельница, и форма этих слов в дальнейшем синтезе *ёсхала̌х пурăна̌сё*, жизнь трудящихся; *ялхусала̌х банкё*, сельскохозяйственный банк; *куссуль такни*, проливание слез; *силарман сунатти*, крыло мельницы и др. В этом сочетании *силарман* и другие подобные соединения всегда употребляются без притяжательного аффикса ё, тогда как в подобных же случаях двусложные слова не образуют сложного слова и при дальнейшем синтезе с этими словами всегда выступают аффикс род. пад. и притяж. аффикс 3-го лица следующего имени, напр.: *кёрне арманён алакё*, дверь мельницы круподерки: *хула хусала̌хён планё*, план городского хозяйства и др.

Особенности склонения этих соединений в других падежах по типу слов с притяжательным аффиксом ё не должны смущать, так как в языке мы имеем немало примеров, когда новообразование в языке не укладывается в старую форму. Так, например, склонение и спряжение заимствованных слов в чувашском языке (а иногда и некоторых чувашских слов)

отходит от нормы: *супанье*, с мылом; *топольрен*, от тополя; *февраль-те*, в феврале; *тетрадь-не*, с тетрадью. В этих примерах прибавляются аффиксы с гласными переднего ряда вместо аффиксов с гласными заднего ряда по закону гармонии гласных. *Социалист-на*, с социалистом; *коммунист-ран*, от коммуниста; *анализ-на*, с анализом; *уезд-ра*, в уезде; *съезд-ра*, на съезде; *Париж-ра*, в Париже; *Давид-ран*, от Давида; *комитет-ан*, у комитета; *анализ-ла-т-ан*, анализирую; *Андрей-ан*, у Андрея; *Галилей-ран*, от Галилея. В этих примерах прибавляются аффиксы с гласными заднего ряда, тогда как по гармонии гласных должны бы прибавляться аффиксы с гласными переднего ряда. Даже при склонении слов типа „сарай, навес“ и сложных соединений старого образования (урай, пол) мы имеем, как исключение, в местном и исходном пад. формы: сарай-ра, сарайран (у верховых) сарай-ён-че, сарай-ён-чен (у низовых), т. е. формы по типу слов с притяжательными аффиксами.

Далее перейдем к примерам с притяжательным аффиксом *и*. *Алтуи* (посох), из *ал+ту(я)+и* (рука+палка+ее), *килкарти* (двор), из *кил+карт(а)+и* (дом+ограда+его), *саспалли* (буква), из *саса+палл(а)+и* (звук+знак+его), *сёрулми* (картофель), из *сёр+улм(а)+и* (земля+яблоко+ее), *хирчӕххи* (куропатка), из *хир+чах+(х)и* (степь+кураца+ее), *алхушии* (обсевок), из *ал+хуш+(ш)и* (рука+промежуток+ее)*), *анкарти* (гумно) из *аван+карти* (овин+ограда), *сараџси* (ключ), из, *сара+уџа* (замок+ключ), *амаџури* (мачеха), *арџури* (леший), *варвитти* (понос), *вутпуџси* (головешки), *куџкески* (зеркало), *Сѣнтѣрварри* (Марпосад, устье Сѣнтѣр), *сивитти* (скатерть), *суртри*, *суртырри* (яровое), *уламури* (омет соломы), *хулпуџси* (плечо), *хуранџыри* (клубника), *сѣрџыри* (земляника), *чѣрситти* (подол), *чѣркуџси* (колени), *шывџикки* (водопад), *вайнитти* (тот, кто в полном цвете сил), *алџемми* (то, что послышно), *кукаџи* (дедушка по матери), *куками* (бабушка по матери).

Особенностью подобного типа образований является то, что синтез и здесь связан с утратой отдельными элементами сложного слова их значений и получением словом нового значения. Образование новой основы сопровождается единством ударения. При словосложении отбрасывания притяжательного аффикса 3 л. *и* не бывает, но отдельные элементы сложного слова могут идти на сокращение.

Особо следует отметить синтез безаффиксной формы родительного падежа имен существительных с определяемым именем, имеющим морфологическое оформление дательного падежа, но утратившим падежное значение. Таких слов не так много, остановимся на двух характерных словах: *суркунне* (весна) образовалось из *сур+кун+(е)+не* (весна+день+афф.

*) Образование слова *алхушии* нельзя отождествлять с сочетаниями: *ял хушии*, *кил хушии*, *ял хушинне*, *ял хушинче* и т. д. В этих сочетаниях части сложного слова во всех падежах сохраняют самостоятельное значение

дат. п. *не*, притяж. афр. 3 л. *ё* выпал. *Кёркунне* (осень) образовалось таким же образом.

При словосложении из равноправных элементов имен существительных последние входят в синтез без всякого изменения форм. Признаком сложного слова в данном случае является утеря элементами сложного слова значений, приобретение сложным словом нового значения и единого ударения. Следует отметить, что единое ударение не всегда имеет место, так в слове *йёкехуре* главное ударение падает на слог *ре*, побочное на слог *ке*, *а́схака́л* (умственные способности), *ту́мтир* (одежда), *хе́рарам* (женщина), *хурка́йа́к* (дикие утки), *имса́м* (лекарство), *арсы́н* (мужчина), *алсы́ру* (рукопись), *сурча́мар* (полushарие), *йёкехуре* (крыса), *каю́ра* (крот, землеройка), *сурсе́р* (север). Сравнить в татар. яз.: кулъязма (рукопись), тэньяк (север).

К этой группе сложных составных слов очень близко стоят парные слова:

аш-кака́й (разного рода мясо), *а́с-та́н* (разум), *ва́й-ха́л* (сила), *ва́й-ха́ват* (мощь), *вут-хе́м* (огненное пламя), *вут-кава́р* (огонь), *ку́с-пу́с* (глаза и голова), *пи́т-ку́с* (облик), *сан-са́пат* (образ), *се́т-су́* (молочные продукты), *се́п-са́п* (сор всякого рода), *ут-пу́* (телосложение), *хе́н-ху́р* (всякого рода несчастье), *хе́с-па́шал* (оружие), *а́с-пу́с* (умственные способности), *си́л-та́ман* (буран), *си́л-тава́л* (бура). Сравнить в татарск. яз.: баш-куз (голова—глаз), сэт-май (молоко-масло).

Слова указанного типа отличаются от сложных составных (слов по следующим признакам:

1) элементы парного слова не теряют своих значений; 2) парные слова подобного типа являются собирательными названиями (*се́т-су́*) или же являются синонимическими выражениями (*аш-кака́й*); 3) большинство из них имеет два ударения; 4) единство ударения в подобных сочетаниях также встречается, но он, как фактор более формального порядка, не имеет решающего значения для восприятия подобных сочетаний как сложных составных слов.

в) Синтез винительного падежа существительных с глаголами.

Из этого типа словосложения „Основными правилами орфографии чувашского языка“ подмечен случай:

„г) Сложный глагол, состоящий из глагола *ту* и предшествующего ему односложного имени существительного в винительном падеже: *асту*, *астив*.

д) Стечение сокращенной формы причастия настоящего времени с предшествующим ему односложным именем существительным: *сулсу́рен*, *шайе́рен*“.¹⁾

Приведенные в этих пунктах примеры: *асту*, *астив*, *сулсу́рен*, *шайе́рен* как сложные составные слова бесспорны. Так же бесспорными являются, видимо, сложные слова: *чупту* (поцелуй),

¹ Чувашский Научно-Исследовательский Институт „Основные правила орфографии чувашского языка“ ст. 18.

тавту (благодари), *сутту* (торгуй), *тупату* (клянись) и слово *кёлтун* (молился), которое приходится еще употреблять при описании прошлой жизни и бытовых пережитков. Но пункт „г“ нельзя понимать так, что все односложные имена существительные входят в синтез с глаголом *ту* и образуют сложные слова. Следующие сочетания слов нельзя рассматривать как сложные слова: *сурт ту* (жилище построй), *пурт ту* (избу построй), *сул ту* (дорогу делай) и т. д.

Следовательно, в словосложениях подобного типа слов так же, как и в других типах слов, надо учесть то обстоятельство, что при словосложении большую роль играет изменение значения элементов сложных слов и приобретение новой основой единого ударения. В приведенных примерах слова *чуп*, *тав*, *кёл* и др. потеряли аккузативное значение настолько, что не осмысливаются как объекты действия, не отрываются от действия. В отношении ударения здесь дело обстоит таким образом. В сочетаниях: *тавтавас* (благодарить), *аставай марам* (не смог вспомнить) и др. имеется одно ударение, падающее на соответствующую гласную строго по законам об ударениях. В сочетаниях *сурт ту*, *сул ту* довольно внятно улавливаются оба ударения.

Если настоящие рассуждения правильны, то пункт „г“ правил орфографии следовало бы добавить другими примерами из односложных существительных и односложных глаголов.

Пункты „г“ и „д“ основных правил орфографии чувашского языка следовало бы еще добавить примерами *тыркас* (суслик) и *алшайлли* (полотенце) и др.

г) Синтез глагольных форм с существительными.

Из глагольных форм в синтез входят большею частью трансформированные причастия *утма*, *сурма*, *кара* и др.

Утмасул (тропа из *утма(лли)* + *сул* (дорога для хождения)), *сурматискер* (полудикий) из *сурма(лла)* + *тискер* (полу + дикий), *карасавар* (крикун) из *кара(кан)* + *савар* (разинутый рот), открывающий + рот, *саврасил* (вихрь) из *сав(а)ра(кан + сил)*, кружащий ветер.

Причастия настоящего времени в краткой форме полностью не осознаются в качестве элемента сложного слова, так как они носят характер эпитетов с довольно ярко выраженным значением. Эпитеты же вообще туго подвергаются синтезу. Формальные моменты: сокращение окончания, единство ударения сами по себе и здесь не играют первостепенной роли.

Вуртан каска (лежачее бревно), *вёсен кайак* (летающая птица), *юхан шыв* (текучая вода).

д) Синтез с прилагательными.

Синтез с прилагательными следует рассмотреть по следующим 3 группам: 1) словосложение прилагательных с существительными; 2) словосложение прилагательных с существительными с одновременным образованием нового прилагательного, 3) словосложение прилагательных с прилагательными.

1) Первая группа дает довольно большое количество примеров, которые, в свою очередь, следует разделить на подгруп-

пы. В некоторых старых образованиях прилагательные входят в синтез с существительными с изменением и сокращением элементов сложного слова. *Асатте* (дедушка) из *асла+атте* (старший отец), *асанне* (бабушка) из *асла+анне* (старшая мать), *шур-ут* (пырей) из *шура+ута* (белое сено). Другую подгруппу составляет словосложение прилагательных с существительными без всякого морфологического оформления. В некоторых случаях в сложном слове не имеется даже единства ударения. Признаком сложного слова является тот факт, что прилагательное (а иногда и существительное), теряя свое значение, входит в синтез для обозначения одного предмета, понятия. *Варамтуна* (комар), *сутсан-талак* (природа), *тёштыра* (зерновой хлеб), *улакурак* (ворона), *усламсу* (сливочное масло), *юланут* (всадник), *харампыр* (дармоед), *хуткупас* (гармония), *сёрпурт* (землянка), *кукармай* (цапля), *кукарсамса* (клест), *улакайак* (дятел), *шурут* (пырей), *сурутрав* (полуостров), *типвар* (овраг). Один из этих образований (напр., *хуратул*) характерны тем, что очень ясно осознаются как сложные слова. Сложное слово *хуратул* склоняется иначе в сравнении со словом *тула*: *хуратул*, *хуратулан*, *хуратула*, *хуратулна*, *хуратулта*, *хуратултан*; *тула*, *туллан*, *тулла*, *тулана*, *тулара*, *туларан*. Другие образования (напр., *сурутрав*, *типвар*) характерны тем, что сложное слово как таковое легко осознается в терминах, но могут быть случаи разложения сложного слова на составные элементы. *Типварсем ялхусалах ёсне кансёрлессё*. Овраги мешают сельскому хозяйству. *Пирён ял сумёнче пёр типе вар пур*. *Халё унта сад пахчи ёрчетессё*. Рядом с нашей деревней расположен сухой (безводный) овраг. Теперь там разводят сад. Третью подгруппу составляет сочетание прилагательных с существительными, когда прилагательные играют роль эпитетов при существительных: *сёнё сул*, *сён сул* (новый год) никак не может быть воспринят как сложное слово вот по каким соображениям. *Сёнё* здесь не теряет своего значения, не теряет также это слово значения в сокращенном виде *сён сул*, и это сочетание также не воспринимается как сложное слово. Затем словосочетанию *сёнё сул* можно противопоставить *кивё сул*, *кив сул* (старый год). *Кив сул иртрё*, *сён сул пусланчё*. Кончился старый год, и начался новый год. В словосочетании *сесен хир* (степь) и *пуша хир* (пустыня) известным тормозом в восприятии их в качестве сложных слов является традиционное раздельное написание этих слов. В художественной литературе эти слова вплоть до последнего времени употребляются как раздельные сочетания. *Сесен хир те ешёрет илемёне мухтанать*. (К. Ив.) *Кёркунне*. *Хир пуш*. *Пуш* *хирён санлахё кичем*. Осень. Поле (степь) пусто. Скучен вид пустого поля.¹⁾

2. Словосложение прилагательных с существительными с одновременным образованием нового прилагательного посредством прибавления словообразовательного аффикса *ла*, *лё* дает сравнительно малое количество примеров.

¹⁾ В терминах *сесенхир*, *пушхир*, *юханшив* осознаются как сложные слова.

Манкама́лла (гордый), из *ман+камал+ла* (большое+настроение, характер+словообразовательный аффикс прилагательных *ла*, показывающий наличие этого качества у субъекта или объекта; *хуратутла́* (веснушчатый) из *хура+тут+ла́* (черный+пятно веснушка+афф. *ла́*).

3. Словосложение прилагательных с прилагательными (так же, как в русском языке) дает парные слова: *тимёр-ка́вак* (серый в яблочках), *хура-тур* (темно-гнедой), *сара-хёрлэ́* (желто-красный), *шупка-кёрен* (бледно-малиновый), *ка́вак-чакар* (сине-голубой, васильковый), *ка́вак-чапар* (пестро-синий), *симёс-ка́вак* (зелено-голубой, сизый), *симёс-сенкер* (зелено-голубой).

Словосложение прилагательных с прилагательными происходит без морфологического оформления, лишь в некоторых случаях у второго элемента образования происходит выпадение конечных кратких гласных *а*, *ё*. Образование слов *хура-шур* (черно-белый), черное и белое в смысле хорошего и плохого на жизненном пути, а в иных диалектах просто в смысле несчастья, *хура-тур* (темно-гнедой), *тимёр-ка́вак* (серый в яблочках, и досл. железно-сивый) проявляют некоторую тенденцию к образованию сложного составного слова. Наряду с этим целый ряд парных прилагательных имеет собирательное значение, причем каждое прилагательное ни в коей мере не теряет своего значения.

Сара-шурá чечексем пахчара илемлён курáнассё. В саду красуются желтые и белые цветы. *Симёс-ка́вак витресем йатса, шыв хёррине чупра́мар*. Захватив зеленые и синие ведра, побежали к воде.

В целом словосложение прилагательных с прилагательными не образует одного сложного составного слова, а потому вся эта группа образований рассматривается как парные слова.

По вопросу словообразования прилагательных путем словосложения имен с частицей *мар* и *пек* в основных правилах орфографии чувашского языка сказано:

„§ 60. Частицы *пек*, *чух*, *мар* во всех случаях пишутся раздельно от предшествующих слов: *лаша пек*, *ун пек*, *лайах пек*, *ун пекки*, *ун чух*, *апла мар*, *кун пек мар*.

ПРИМЕЧАНИЕ: В терминах частица *мар* пишется слитно: *туллимар* *вáтам шу́л*, *ятмар* *падежсем*, *паллáмар хисеп*“.

Нужно заметить, что словообразование прилагательных путем словосложения имен с частицами *мар* и *пек* имеет большую тенденцию к синтезу. В этом нетрудно убедиться посредством анализа примеров. Частица *мар* не только в терминах, но и обычных прилагательных и существительных часто является одним из элементов сложного составного слова. *Сыв(а)мар* (я выпадает) *сы́ннáй вáй сук*. У больного человека нет силы. *Ку кирлёмар я́палапа мён тавас?* Что делать мне с этой ненужной вещью. *Мён кирлёмара кала́сатáн?* Что говоришь о ненужном? *Таса-марла́хпа* (*таса+мар+словообразовательный аффикс ла́х+афф.* творительного падежа *па*) *пурин те кёре́шмелле*. С нечистотой надо бороться всем. Термины *туллимар* (вáтам шу́л), *ятмар*

(падеж) воспринимаются как сложные составные слова, а потому слитное их письмо никаких споров не вызывает. Что касается частицы *пек*, то она также проявляет тенденцию к синтезу с односложными словами: *пёрпек* япала (одинаковая вещь); *унпек* япала (подобная вещь); *пёрпекскер* (тот, который одинаков); *пёрпеккисем* (одинаковые), *унпеккисем* (подобные). Кстати заметим, что графика раздельного письма отрицания *мар* и *пек* в прилагательных определениях отстала от развития языка в части синтеза высказываемой мысли. „Основными правилами орфографии чувашского языка“ только лишь в целях простоты и легкости запоминания установлено раздельное письмо частиц *мар* и *пек*, допустив слитное письмо для частицы *мар* в терминах.

е) Словосложение с числительными.

Довольно сильную тенденцию к синтезу проявляет числительное *пёр*. Это тем более характерно, что мы выше рассмотрели аналитические формы употребления числительного *пёр*. Теперь мы можем проследить, как числительное *пёр*, теряя свое основное значение, входит в синтез с одно или двухсложными словами разных категорий и входит в состав сложного слова. При этом следует заметить, что многие из приводимых ниже примеров вполне осознаются как сложные слова в тех случаях, когда они имеют частоту практического употребления и в меньшей степени осознаются как сложные слова, если они употребляются редко.

1) *Пёр*+существительное. *Пёр+кун* (букв. один день, однажды); *пёрмай* (букв. одна сторона, постоянно); *пёрйышши* (однородный) из *пёр+йыш+(ш)* и (одна+семья+притяжательный аффикс 3 л. и с удлинением предыдущего согласного *ш*); *пёрёвёрлэх* (подобие) из *пёр+евёр+лэх* (один+подобный+словообразовательный афф. *лэх*); *пёрканаш* (уговор из *пёр+канаш* (один+совет). *Эпир ларса пёрканаш турамар*. Мы сели и уговорились). *Пёртан* (равный) из *пёр+тан* (один+равный).

2. *Пёр*+глагол. *Пёрпул* (сговорись) из *пёр+пул* (один+сделайся).

3. *Пёр*+местоимение. *Пёрпетём* (цельный) из *пёр+пётём* (один+весь).

ж) Синтез местоимений с числительным *пёр*.

Словосложение по этой подгруппе имеет незначительное количество примеров. Остановимся на разборе общеупотребительных примеров: *хашпёр*, *пурпёр(ех)*. Сочетание местоимения *хаш* и числительного *пёр* дает неопределенное местоимение *хашпёр* со всеми характерными признаками сложного составного слова, а именно: 1) приобретение словом нового значения, 2) единство ударения. Между тем в практической работе это слово часто фигурирует как парное слово, свидетельством чего является написание этого слова через дефис. Сторонники рассматривания *хашпёр* в качестве парного слова рассуждают примерно так: „*хаш-пёр* и *пёр-пёр* одинакового происхождения.

От *хаш-пёр* можно образовать формы: *хашё-пёри*, *хашне-пёрне* и т. д. *Пёр-пёр*, *хашё-пёри* рассматриваются как парные слова, следовательно, *хаш-пёр*—парное слово. Такие рассуждения свидетельствуют лишь о силе традиции в вопросах языка. Образование сложного слова *хашпёр* нельзя отождествлять с образованием парных слов: *пёр-пёр* и *хашё-пёри*, потому что *хаш-пёр* по форме образования тяготеет к целому ряду подобных слов: *пёр-пёр*, *кам-кам*, *мён-мён*, *хаш-хаш* и т. д., по значению требует перечисления. Затем склонение *хашпёр* во многом отличается от склонения *хашё-пёри* и имеет своих представителей из других частей речи: *хашпёр*, *хашпёрин*, *хашпёрне*, *хашпёринне* и т. д. Сравнить: *тырпул* (*тыра-пула*), *тырпулән*, *тырпула*, *тырпулна* *тырпулта*, *тырпултан*.

Пурпёр(ех) образуется из местоимения *пур*+числительного *пёр*+частицы усиления *ех*. Сложное слово употребляется как наречие. *Эпё пурпёр(ех) летчик пулатән*. Я все равно буду летчиком.

Неопределенное местоимение *темтепёр* (что-то, всякая всячина; *тем*+союз *те*+числительное *пёр*) является сложным составным словом, которое следует отнести к неопределенным местоимениям.

Личное местоимение *мён* (что) и определительное местоимение *пур* (весь) вступают в синтез и образуют сложное составное слово *мёнпур*, которое является определительным местоимением. Употребление определительного местоимения *мёнпур* не следует смешивать с употреблением вопросительного местоимения *мён* (что) и *пур* (есть, имеется).

Ку класра мён пур? Что есть в этом классе? *Мёнпур тён-чери ёсхалах Лениппа Сталин ятне хисеплет*. Трудящиеся всего мира почитают имя Ленина и Сталина.

3) Образование наречий посредством словосложения.

Сравнительно небольшое количество примеров мы имеем на словосложение наречий. Сложные составные наречия старого образования в настоящее время трудно разлагаются на свои составные элементы, представляющие из себя трансформированные местоимения и существительные.

Кёсёр (в эту ночь), из местоимения *ку*+существ. *сёр* (эта ночь); *касал* (в этот год), из местоимения *ку*+существ. *сул* (в этот год). Оба примера имеют все 3 признака сложного слова. Сравнить в тат. яз.: *бүкен* (сегодня) из *бў*+*күн* (этот день).

Сложные составные наречия нового образования в меньшей степени осознаются в качестве составного слова.

Мёнчул, *мён чухлэ* (сколько) из *мён*+*чухлэ*,+*чул*; *пүсхёрлэ* (вниз головой, навзничь) из *пүс*+*хёр*+*лэ*; *пустёлёшшён* (своим умом) из *пүс*+*тёлёш*+(ш)*ён* (голова+отношение+афф. р. п. *ён* с удвоен. предыдущим согл. *ш*; *сёрхута* (всю ночь); *пурпёр(ех)* (все равно) из *пур*+*пёр*+(ех) все+одно+частица усиления *ех*.

и) Словосложение в терминах.

При образовании терминов словосложение, наряду с другими

приемами, применяется в самых широких размерах. Здесь мы встречаем почти все типы словосложения, приведенные выше. Для иллюстрации необходимо будет привести ряд примеров из разных печатных изданий Чивашгиза.

Особый вид „сращения“ синтаксической группы в сложное слово с помощью словосложения и словообразования одновременно представляют примеры: *туремсартлах*, возвышенность, из *турем+сарт+лах* буквально: ровная+возвышенность и афф. „лах“ (придает значение большого распространения этого предмета или явления); *тикёсмарлах*, неровность; из *тикёс+мар*, ровный+не и *лах* с предыдущим значением; *пёрнеклёх*, сходство, из *пёр+нек*, один+как и *лех* с пред. значением; *танмарлах*, неравенство, из *тан+мар+лах*, равный+не+лах; *пёртанлах*, равенство, из *пёр+тан+лах*, один+равный+лах; *пёръевёрлёх*, подобие, из *пёр+евёр+лёх*, один+подобный+лёх; *хутпёлменлёх*, неграмотность, из *хут+пёлмен+лёх*, бумага+не знающий+афф. *лёх* с предыдущим значением; *сурамшамаллисем*, позвоночные, из *сурам+шам+лли+сем*, спина+кость+афф. *лли* с оттенком „имеющий“+афф. *сем*, показатель множественного ч.; *розачечеклисем*, розоцветные, из *роза+чечек+ли+сем* (роза+цветок+афф. *ли* с оттенком „имеющий“+афф. *сем*, показатель мн. ч.

„Полносложные“ соединения: *типвар*, овраг, из *типё+вар*, сухой овраг; *сурутрав*, полуостров, из *сур+утрав* (половина+остров), *сутсанталак*, природа, из *сут+санталак*, ясная погода.

Случаи образования терминов через „неполносложные соединения“: *хёвеланаṣ*, запад, из *хёвел+анаṣ+ё*, солнце+заход+его; *хёвелтухаṣ*, восток, из *хёвел+тухаṣ*, солнце+восход+его; *сурчамар*, полушарие, из *сур+чамар*, половина+круглый; *саспалли*, буква, из *сас+пал+(л)и*, звук+обозначение+его; *тымарсимёс*, корнеплод, из *тымар+симёс*, корень+плод; *пахчасимёс*, фрукты, из *пахча+симёс*, бахча+плод, *шывчаххи* (кулик), из *шыв+чах+(х)и* (вода+кураца+ее), *шыввакри* (выпь), из *шыв+вакар+ё* (вода+бык+ее), *шывсик+(к)и* (водопад), из *шыв+сикки* (вода+прыжок+ее), *шывчикки* (водораздел), из *шыв+чик+(к)и* (вода+граница+ее), *хирчяххи*, из *хир+чях+(х)и* (степь+кураца+ее), *хиркаркки*, из *хир+карк+(к)и* (степь+индейка+ее), *сёркамракё* (каменный уголь), из *сёр+камрак+ё* (земля+уголь+ее), *сёрмамакё* (хлопок), из *сёр+мамак+ё* (земля+пух+ее), *хурасырла* (черника), из *хура+сырла* (черная ягода), *хуратахлан* (свинец), из *хура+тахлан* (черное олово), *шуркётмел* (брусника), из *шур(а)+кётмел* (белая клюква), *шурчараш* (пихта), из *шур(а)+чараш* (белая ель), *саркайак* (иволга), из *сар(а)+кайак* (желтая птица), *сарасерси* (летучая мышь), из *сара+серси* (голый воробей), *саврасил* (вихрь), из *савра+сил* (крутящийся ветер), *кукарсамса* (клест), из *кукар+самса* (горбатый) кривой нос и др. характерны тем, что при образовании терминов имеем значительное количество случаев синтеза двухсложных слов, и в сложном слове такого образования довольно явственно выступают оба ударения.

Надо еще отметить, что при образовании терминов часто употребляются *кальки*. Срав. примеры скалькированных терминов: нем-рус.: *Ibermensch*, сверхчеловек, русско-чув.: корнеплод—*тымарсимёс*, *пусуҫаварнаш* (севооборот), *пёрсаслаң* (единогласно). Этим объясняется, что некоторые новообразования не укладываются в старые нормы языка.

IV.

Порядок слов в предложении

О порядке слов в предложении проф. Н. И. Ашмарин пишет: „Основной закон чувашского словосочетания,—закон, который можно проследить и в других тюркских наречиях,—формулируется следующим образом: управляющее слово ставится после слова управляемого. Отсюда следует, что 1) имя в родительном падеже предшествует тому имени, которое им определяется; 2) европейские предлоги заменяются в чувашском языке послелогами, так как они управляют именами; 3) прилагательное или причастие предшествует имени, к которому они относятся; 4) наречие предшествует глаголу; 5) имя существительное предшествует глаголу, которым оно управляется. Таким образом, обычная форма чувашского предложения бывает такова: а) подлежащее, которому предшествуют все его определения; б) косвенное дополнение в требуемом падеже, также имеющее перед собой свои определения; в) прямое дополнение, которому предшествует все то, что к нему относится, г) глагол, перед которым ставятся наречия и пр. и который обыкновенно оканчивает собой предложение“¹⁾. Сказанное здесь остается правильным и в настоящее время, и лишь нужно добавить, что такой порядок слов всегда точно соблюдается при „нормальном“ повествовательном строе предложения. Второе добавление касается строя сложного предложения, а именно: в сложном предложении подчиненное предложение стоит преимущественно перед главным предложением.

В чувашском языке простое распространенное предложение „нормального“ повествовательного строя легко разбивается на 2 группы: группа слов подлежащего и группа слов сказуемого. Подлежащее и сказуемое, как бы замыкая в синтезе группу разобщенных слов, стоят последними в группах. Между этими двумя основными группами часто наблюдаем значительную паузу. Анализируя далее эти две группы слов, мы увидим, что слова с редуцированными или безаффиксными падежными окончаниями, слова с различными значениями, но имеющие одну основу, и слова разных грамматических категорий, но одинаковые по форме, получают в контексте, в зависимости от местонахождения в предложении, свое точное значение.

Употребление родительного падежа можно проследить и в группе подлежащего и в группе сказуемого, так как этот падеж встречается и тут и там.

¹⁾ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. „Казань 1903 г. стр. 1.

Например: *Пирён колхозан жнейки хирте ёслет*. Жнейка нашего колхоза работает в поле. *Эпир колхоз жнейкине юсат-тартамар*. Мы отремонтировали жнейку колхоза. Кроме этого, родительный падеж употребляется еще в качестве сказуемого, например: *Сака кёнеке—Петёрён*. Эта книга—Петра. *Ку бригада—пирён*. Эта бригада—наша. *Мёнпур государство пурлахё ёс-халахан пулчё*. Смысловой перевод: все богатства государства стали достоянием трудящихся. В качестве сказуемого род. п. употребляется всегда без определяемого им имени и всегда с аффиксом, так как в качестве главного члена предложения выражает понятие в полном объеме.

За исключением последнего случая, после род. п., будь он с аффиксом или без аффикса, будь он в группе подлежащего или сказуемого, будь он с определяемым именем или без такого, независимо от инверсии—всегда стоит именное слово, так что, отрывая род. п. без аффикса от группы слов, мы имеем несовпадение формы с содержанием. Родительному падежу без аффикса придает „положенное по штату“ значение порядок слов в предложении. В некоторых случаях родительный падеж без аффикса до того теряет свое значение, что вместе с определяемым именем образует одно сложное слово с одним значением, с одним ударением и с отбрасыванием притяжательного аффикса имени. Ни в одном случае употребление родительного падежа без аффикса не создает двусмыслия или недостаточной ясности выражения мысли. Сказанное достаточно подтверждено выше примерами.

С винительным падежом мы встречаемся и в группе подлежащего и в группе сказуемого. И там и здесь вин. падеж выражает объект действия (определенный или неопределенный), причем в группе подлежащего винит. п. управляется причастной или деепричастной формой глагола, а в группе сказуемого—глаголом, а также причастной и деепричастной формой глагола, например: *Студент кёнеке вулать*. Студент читает книгу. *Эпё кёнеке вулакан студента куртам*. Я видел студента, читавшего книгу. *Эпё кёнеке вуласа ларакан студента куртам*. Я видел студента, сидевшего и читавшего книгу. В этих примерах „кёнеке“ управляется или глаголом или причастием, или деепричастием, входящими в группу сказуемого. В следующих примерах кёнеке находится в группе подлежащего: *Кёнеке вулакан студент библиотекана кёчё*. Студент, читавший книгу, вошел в библиотеку. *Кёнеке вуласа ларакан студент библиотекана кёчё*. Студент, сидевший и читавший книгу, вошел в библиотеку.

Винительный падеж употребляется с аффиксом, когда имя, стоящее в винительном падеже, конкретизируется местоимениями: *манан*, мой; *сака*, этот и др., собственным именем (*Ивана куртам*. Ивана видел), выделяется логическим ударением, инверсией и т. д. Примеров для подтверждения сказанного выше приведено достаточно. Здесь необходимо отметить еще одну характерную особенность. Винительный падеж без аффикса, как мы уже отметили выше, придает предмету абстрактный харак-

тер, и, как носитель определенного своего значения и не теряющий его никогда, он мало входит в словосложение. Примеры даны выше.

Сочетания с послелогом так же, как и все косвенные дополнения, располагаются дальше от сказуемого, чем прямое дополнение, например: *Эпё юлташа кёнеке патам*. Я отдал товарищу книгу. *Эпё сётел сине хутам*. Я положил книгу на стол.

Имя с послелогом входит и в группу сказуемого и в группу подлежащего, в последнем случае они грамматически зависят от причастия или деепричастия. Правда, и в группе сказуемого они могут зависеть от причастия и деепричастия.

Как указано выше, именное слово и местоимение перед послелогом всегда употребляются в литературном языке без аффикса родительного п., но отсутствие окончаний не затрудняет правильное понимание текста, так как тут же вслед за именным словом или местоимением всегда стоит послелог, который и передает отношение предмета, выраженного именем или местоимением, к действию, например: *кёнеке сётел синче выртать*, книга лежит на столе; *кёнекене сётел сине хуратап*, книгу кладу на стол; *манан кёнеке сан патра выртать*, моя книга лежит у тебя; *ман валли кёнеке ил*, для меня купи книгу.

В случае разного рода инверсий остальные слова до известного предела переставляются местами, но во всех случаях сочетания: *сётел синче*, *сётел сине*, *сан патра*, *ман валли* остаются без изменения. Слова одной основы, но с различными значениями, также в контексте получают точное значение и никогда не вызывают двусмыслия, так как порядок слов в предложении подсказывает, с каким значением они здесь даны. Возьмем слово *сёр*, где полисемантизм проявляется наиболее сильно. *Сёр синче тёрлэ наци пуранать*. На земле живут разные нации. *Ёнер милиционер хуралта сёр касрё*. Вчера милиционер провел ночь на дежурстве. *Пирён колхозра сёр хусалэх*. В нашем колхозе сто хозяйств. *Хале сёр сахал таханассе*. Теперь кольца (кольцо) мало надевают. И в случаях инверсии порядок и связь слов всегда подскажут, что надо понимать под словом *сёр*.

Затем мы видим, что слово, в зависимости от того, входит ли оно в группу подлежащего или в группу сказуемого, относится к различной грамматической категории, и здесь порядок слов в смысле получения словом точного значения имеет исключительно важное значение. Рассмотрим эти случаи. *Аван машина ёсре те аван пырать*. Хорошая машина и в работе хорошо идет. *Иван чавашла хасат вулать*. Иван чувашскую газету читает. Иван по-чувашски говорит. Слова *аван* и *чавашла*, когда находятся в группе подлежащего или дополнения, показывают признаки предмета и являются прилагательными, а когда находятся в группе глагола-сказуемого, причастия и деепричастия и показывают признаки действия, являются наречиями. Слова типа аван имеют все 3 формы:

положительной, сравнительной и превосходной степени и в группе подлежащего, и в группе дополнения, и в группе сказуемого. От типа слов: *ча́вашла*, по-чувашки; *кашка́рла*, по-волчьи, как волк, сравнительная форма почти не употребляется, т. к. сами эти формы в предложениях часто имеют оттенок сравнения, а превосходная форма никогда не употребляется.

Ряд слов употребляется только в качестве прилагательного или в качестве наречия, например: *хёллехи* (прилаг.) *кун кёске*, зимний день короток; *халё* (наречие) *пирён йыва́р индустри пур*, теперь у нас есть тяжелая индустрия; *пионер ялан* (наречие) *хатёр*, пионер всегда готов. И здесь порядок слов имеет решающее значение.

Порядок слов в предложении имеет решающее значение и в том случае, когда именное слово имеет при себе несколько определений, каждое со своим строгим местом в предложении, и при иной расстановке их получается неточность высказываемой мысли. Так, при наличии определений, выраженных причастием, числительным и прилагательным мы расставляем их именно в данном здесь порядке, например:

Колхозра ёсле́кен (прич.) *икё* (числ.) *хастарла́* (прил.) *бригадир вёре́нме кайрёс*. Смысловой перевод на русский язык: два энергичных бригадира, работающих в колхозе, были на учебу.

Ознакомившись вкратце с порядком слов в предложении в чувашском языке, нужно отметить следующее.

Идеологические категории в чувашском языке выражаются и аналитически и синтетически. При выражении мысли „нормальными“ повествовательными предложениями более выпукло выступает синтаксический синтез, со своим строгим порядком слов, собирающий воедино аналитические и безформенные элементы. Выражение мысли стильным языком, а особенно логическое оттенение отдельных слов, вызывает инверсию, т. е. порядок слов в предложении до известного предела нарушается (изменяется); но при этом выступает грамматический ряд, напр., в чувашском языке обязательно ставятся афф. род. и вин. п., вместо „аналитических“ форм прилагательных, числительных, местоимений, причастий употребляются синтетические формы тех же категорий, обязательно употребляются конечные звуки *а*, *ё* в прилагательных и числительных и т. д.

Редукция окончаний некоторых форм, их полное отсутствие, наличие значительного количества одинаковых форм, диффузность грамматических категорий—все это имеет место в чувашском языке, но ни в коей мере это не говорит о полном отсутствии той или иной грамматической категории, а тем более о бедности чувашского языка.

Разбор этих случаев без учета аналитической и синтетической тенденции держит исследователя в узкоформалистических рамках и приводит к отрицанию в чувашском языке многих частей речи и некоторых падежей, что часто подчеркивали формалисты-языковеды.

Вместо одностороннего исследования языковых явлений с

озиции формализма необходимо вести исследовательскую работу как в области лексики, морфологии, так и в области синтаксиса, с полным учетом взаимодействия формы и содержания.

У. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо отметить, что в данной работе нами не ставилась задача разрешить полностью затронутые здесь вопросы. Тема эта обширна и требует дополнительного исследования. Наша задача—достаточно полнее осветить вопросы анализа и синтеза в чувашском языке с тем, чтобы теоретические изыскания использовать для научного обоснования словосложения и правописания сложных слов.

Аналитической структуре в языке нами уделено большое внимание, а синтетической структуре отведено сравнительно незначительное место. Это ни в коей мере не свидетельствует о том, что синтетическая структура в языке играет меньшую роль. Это вызвано тем, что после разбора аналитической структуры становится ясным, что именно остается на долю синтетической структуры, а потому мы обошлись простым перечислением случаев этой структуры. Синтетической структуре в языке отведено большое внимание в связи с вопросом о словосложении.

По выполняемой нами работе вполне уместен вопрос: какая из указанных в теме тенденций имеет склонность к дальнейшему развитию? На этот вопрос решительного и твердого ответа нами не дано. Мы подчеркнули лишь, что аналитическая структура с послелогоми на известной исторической ступени развития языка идет за счет синтетической структуры падежных форм. Это развитие идет и в наши дни.

Далее нами подчеркивается, что аналитичность наречий растет за счет синтетической структуры падежных форм. Что касается вспомогательных глаголов при глаголах, образования превосходной степени прилагательных, этого рода аналитическая структура является общетюркским образованием и вошла в язык с древних времен.

Таким образом, тенденция развития аналитической структуры почти исчерпывается указанными здесь примерами. Развитие это происходит и в наши дни. Синтетическая тенденция в части словосложения является в основном тенденцией послеоктябрьского периода. Правда, образование сложных понятий из двух или трех понятий мы встречаем и в дооктябрьский период, напр.: *сак+ай* (подпол), из *сак* (лавка)+*ай* (послелог), *ас+ту* (вспомни), из *ас* (память)+*ту* (делай), *кёсёр* (в эту ночь), из *кё-ку* (этот)+*сёр* (ночь), *саварни* (масляница), из *су* (масло)+*арни зрни* (неделя). Следует отметить, что подобного рода старые образования сложных слов в настоящее время не разложимы на свои составные части и осознаются как единые основы. В сложных словах нового образования мы в иных случаях не видим органической спайки отдельных элементов сложного слова.

Когда сложные понятия в чувашском и русском языках совпадают, когда сложные чувашские слова образованы путем скалькирования с русского языка, практика языкового строительства идет довольно твердо. В чувашских образованиях сложных слов мы этой твердости не видим. Недостаточно твердое теоретическое осознание образования сложных слов сильно отражается на практике правописания сложных слов. Вплоть до последнего времени мы видим довольно сильный разноречивый в письме.

Теоретическими выводами словосложения в чувашском языке мы пытались научно обосновать правописание сложных слов. Само собой понятно, что между теорией словосложения и правописанием сложных слов всегда имеются некоторые неувязки.

Так, А. А. Реформатский в журнале „Русский язык в школе“, № 6 за 1937 г., касаясь вопроса о правописании сложных слов в русском языке, отметил:

„Если перед нами сочинение двух или более равноправных элементов, слитность противопоказана; если, наоборот, мы имеем дело с подчинением, когда соединяемые элементы образуют группу „определение+определяемое“ или „дополняемое+дополнение“, должно иметь место слитное написание“.

Сказанное здесь проследим на примерах, взятых из статьи А. А. Реформатского и из словаря Ушакова:

1) Синтез равноправных элементов:

человекодень, трудодень, северо-восток, киловатт-час, машинно-тракторная ст., научно-исследовательский институт и др.

По этому разделу правописание *человекодень* и *трудодень* идет с отступлением от нормы. Подобное отступление, как увидим дальше, имеется и в чувашском языке при правописании сложных слов с синтезом односложных слов.

2) Синтез определения с определяемым:

белорыбица, благоразумный, великодушный, верхоглядство, взимопомощь, взаимодействие, дальневосточный, дальнобойный, каменноугольный, кругосветный, пятиэтажный, разнокалиберный, сельскохозяйственный, народнохозяйственный и т. д.

Отступления здесь видим в правописании сложных слов, образованных из „длинных слов“ *народно-хозяйственный* и *сельско-хозяйственный*, которые часто пишут через дефис.

3) Синтез дополняемого с дополнимым:

водобоязнь, древонасаждение, казнокрадство, письмоносец, полеводство, радиоприемник, садоводство.

На основании теоретических выводов словосложения в чувашском языке вытекает следующее правописание сложных слов:

а) Словосложение с послелогоми.

Пуртум, алакум, хёрсум, карташ, пуртси, сакай, алаши, урай, умсамах, хыссамах, сумкурак.

б) Словосложение с существительными.

Вутчул, куьсуль, пуспаяв, суханус, хёвеланаф, хёвелтухаф, хёвелсаваранаш, шурампус, ялийш, салкус, ялхусалах, ёсхалах,

шупуҥ, сёрка́мра̋к, ялсовет, сѝларманё̋, сѝлармань, амахуранё̋, амахурань, алтымарё̋, сёрулпучё̋.

Алтуйи, килкарти, саспалли, сёрулми, хирчāххи, алхушиши, анкарти, сара́сси, ама́сури, арсури, варвитти, вутпу́сси, ку́с-кёски, сивитти, суртри, суртырри, ула́мури, хулпу́сси, ху-ра́нсырли, сёрсырли, чёрситти, чёрку́сси, шывсикки, вайпитти, алсемми, кукаси, куками.

Суркунне, кёркунне.

Асхака́л, тумтир, хё́рарāм, хё́рача, хурка́йāк, имсам, ар-сын, алсыру, сурча́мар, йё́кехуре, каюра, сурсёр.

в) Синтез винительного падежа существительных с глаго-лами.

Асту, астив, пу́сҥап, чупту, тавту, кёлту, но: сурт ту, пурт ту, сул ту.

Алшāлли, тырка́с (суслик).

г) Синтез глагольных форм с существительными.

Утма́сул, сурматискер, кара́са́вар, савра́сил, но: вы́ртан-ка́ска.

д) Синтез с прилагательными.

Асатте, асанне, шурут, ка́вакарча́н, ва́рāмтуна, сутса́н-тала́к, те́штыра́, улакурак, усламсу, юланут, харампыр, хут-купāс, сёрпурт, хуратул, кука́рмай (цапля), кука́рсāмса, (клест), улака́йāк, шурут, суру́трав (полуостров), типвар (овраг), но: сёне́ сул, сён сул, ют сёршив.

Ма́нкамāлла́ (гордый), ма́насла́ (надменный), хура́тутла́ (веснушчатый).

Тимёр-ка́вак, хура-тур, сара́-хе́рлё̋, шупка-ке́рен, ка́вак-чака́р, ка́вак-ча́пар, симёс-ка́вак.

Я́тмар, туллимар, сы́вмар, кирле́мара.

е) Словосложение с числительными.

Пе́ркун, пе́рмай, пе́рйишиши, пе́рьевёрле́х, пе́рманерле́.

Утмалту́рат, сёрхут (назв. 3-го желудка жвачных живот-ных), пе́рпул (сговорились).

ж) Синтез местоимений с местоимениями и с числительным пе́р.

Ме́нпур, ха́шпёр, пурпёр, пурпё́рех.

з) Наречия, образованные посредством словосложения.

Кё́сёр, ка́сал, ме́нчул, пу́схе́рлё̋, пу́стёлё́шиён, пурпёр, пурпё́рех.

и) Словосложение в названиях селений.

Ва́рманкас, Тукас, Та́ра́нвар, Типсы́рма, Хура́нсур, Па-та́рвел, Сё́ньял, Сё́нтёрварри, Па́шьел, Аксу, Шу́ршу, Та́ванъ-ел, Ка́йаксар, Са́рьел, Ча́ткас, Ара́пуҥ.

к) Словосложение в терминологии.

Ту́ремса́ртла́х, тикё́смарла́х, пе́рпекле́х, та́нмарла́х, пе́ртан-ла́х, пе́рьевёрле́х, хутпё́лменле́х, су́ра́мша́маллисем, розаче-чеклисем, типвар, суру́трав, хё́велана́с, хё́велтуха́с, сурча́мар, саспалли, тыма́рси́меҥ, шывча́ххи, шывва́кри, шывсикки, шывчик-ки, хирчāххи, хирка́ркки, сёрка́мра̋к, сёрма́ма̋к, хура́сырла,

хуратахлан, шуркётмел, шурчараш, саркайак, сарасерси, саврашил.

Заканчивая настоящую работу, мы подчеркиваем, что вопросы аналитической и синтетической тенденции имеют большое значение в развитии синтаксического строя в чувашском языке. Разбором аналитической и синтетической тенденций мы попытались научно обосновать словосложение в чувашском языке и сделать практические выводы для правописания сложных слов.

ЛИТЕРАТУРА:

- И. И. МЕЩАНИНОВ. Проблема классификации языков в свете нового учения о языке. Ленинград—Москва. 1935 г.
- В. М. ЖИРМУНСКИЙ. Развитие строя немецкого языка. Москва—Ленинград. 1936 г.
- Н. И. АШМАРИН. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. I. Казань. 1903 г.
- Н. И. АШМАРИН. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. II. Симбирск. 1923 г.
- Н. И. АШМАРИН. Словарь. 1—14 выпуски. Чувашский НИИ.
- А. К. БОРОВКОВ. Учебник уйгурского языка. Ленинград. 1935 г.
- В. В. ВИНОГРАДОВ. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск I. Учпедгиз. Москва. 1938 г.
- В. В. ВИНОГРАДОВ. Современный русский язык. Выпуск II-й. Грамматическое учение о слове. Москва. 1938 г.
- Н. К. ДМИТРИЕВ. Строй турецкого языка. Изд. Ленинградского Государственного Университета. Ленинград. 1939 г.

О ПЕРЕВОДЕ „КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)“ НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

І. ВВЕДЕНИЕ

Энциклопедия основ марксистско-ленинской науки, „Краткий курс истории ВКП(б)“, обобщая гигантский опыт Коммунистической партии за многие десятки лет и развивая революционное учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, призвана обогатить опытом борьбы за социализм многие миллионы трудящихся всего мира, призвана помочь им овладевать большевизмом, вооружать их знанием законов общественного развития и политической борьбы, знанием движущих сил революции, укрепить их уверенность в окончательной победе великого дела Ленина—Сталина, в победе коммунизма во всем мире. К настоящему времени эта книга издана на многих десятках иностранных языков и на языках почти всех народностей СССР. В 1939 г. она переведена и издана и на чувашском языке.

При переводе „Краткого курса истории ВКП(б)“ на чувашский язык перед переводчиками стояла задача, во-первых, предельно точно передать средствами чувашского языка все богатство содержания оригинала и, во-вторых, сделать перевод максимально доступным для читателей.

Как же выполнены эти задачи при переводе „Краткого курса истории ВКП(б)“ на чувашский язык?

ІІ. О ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОВ

Отсутствие в чувашском языке слов, необходимых для выражения новых для данного языка понятий, представляет одну из значительных трудностей в переводческой работе. Сказанное, в первую очередь, относится к переводу терминов, которые представляют из себя слова, выражающие строго определенное научное понятие.

Известно, что в переводе терминов, как и во всей переводческой работе в целом, в течение долгого ряда лет господствовала неправильная практика, заключавшаяся в том, что все термины и выражения, даже неподдающиеся переводу, обязательно пытались передавать средствами чувашского языка. Именно вследствие этой установки появились такие дикие выражения, выдававшиеся за термины, как йу́самăш, ёсхелтеш

и т. п. Буржуазные националисты, как известно, всемерно боролись против допущения в язык интернациональных, в том числе русских, терминов и слов и занимались *выдумыванием* терминов, чем явно игнорировали живой язык трудящихся масс. Вследствие этого в переводах бывали крупнейшие искажения, часто приводившие к политическим ошибкам.

Как справились переводчики „Краткого курса истории ВКП(б)“ со своими задачами?

1. Термины, которые в разговорной речи народа бытуют на родном языке, переводчики вполне правильно передают адекватными выражениями народа. Сюда относятся такие термины, как *народ—халăх, армия—сар, Красная армия—Хёрлĕ сар, борьба—кĕрешÿ, война—варса, свобода—ирĕклĕх, век—ĕмĕр, период—тапхар, обычай—йăла, взаимная помощь—пĕр-пĕрне пулăшни, доход—тупăш, заработная плата—ĕс укшĕ и т. п.*

2. Термины, для перевода которых в чувашском языке нет адекватных выражений, но которые уже внедряются в живую речь народа, переводчики, как правило, использовали без перевода, что необходимо всемерно приветствовать, так как это вполне закономерное явление. Не говоря уже о таких интернациональных терминах, как *совет, революция, авангард, депутат, пролетари, класс, феодал, синдикат, экспорт* и т. д., сюда относятся, например, такие термины, как *власть, правительство, закон, право, договор, область, орден, активист, промышленность, переворот, заем, паспорт, ревизи, сигнал, содержани, надстройка* и т. д.

Эти заимствования интернациональных терминов, в первую очередь терминов, созданных и создающихся в русском языке, в подавляющем большинстве случаев вполне обоснованы, т. к. большая часть их давно уже бытует в языке народа и лишь вследствие противодействия со стороны врагов народа тормозилось их своевременное внедрение в литературную речь.

Однако даже в переводе „Краткого курса“ еще встречаются, случаи, правда, единичные, когда перевод отдельных терминов ничем не может быть оправдан. Так, напр., термин *братание* переведен словом *тăванлашни* (стр. 211), что значит установление родственных отношений, тогда как термин „братание“ означает прекращение военных действий и взаимный обмен знаками дружбы революционных солдат царской армии с войсками противника. Причем, этот термин без всякого изменения вошел в живую речь народа еще с 1917 г., т. е. сразу по возникновении явления, обозначаемого этим термином. То же следует сказать о термине *обрез*, вошедшем в разговорную речь еще много лет тому назад. Но переводчики почему то не заимствуют его, а предпочитают переводить *кĕске пашал* (*короткое ружье*; стр. 386). Неправильно передается значение термина *дезертир* словом *таркан* (стр. 257).

3. Термины же и слова, для перевода которых в чувашском языке нет адекватных выражений и которые в разговорную речь

народа еще не вошли, переводчики во многих случаях стремятся выразить средствами чувашского языка. Эту цель они пытаются осуществить следующими способами:

а) Путем использования терминов, уже употребляющихся в языке переводов, например: *аплодисменты—ала сунни, большинство—нумайрахашё, тенденция—туртам, общее руководство—пётёмшлё руководство, единый фронт—пёрлэх фрончё, непрерывная революция—татти-сылписёр революции* и пр.

б) Путем сочинения новых терминов, в частности, используя те слова, которые уже имеются в чувашском языке, но которые вплоть до настоящего времени употребляются в несколько ином значении, например: выражение *круглые невежды* переводится словами *сём-тамсайсем*, что в разговорной речи употребляется в значении совершенно тупого, глупого человека; *сподручные* переводится *алыйттисем* (в смысле: *послушные собаки*); *простаки—айвансем* (выражение более мягкое, чем *глупый*), *подонки—каяшсем* (последки, остатки), *дух рабочих—рабочисен камӓлӓ, благо—ырлах* (что значит *добро, имущество, достояние*).

Нужно признать, что приведенные примеры в конкретном контексте довольно удачны, если и передаются не вполне адекватными по значению словами. Да в ряде случаев едва ли они и относятся к терминам. Но встречаются и случаи, когда значение термина при подобном переводе безусловно портится. Напр. *движение материи* в ряде случаев переведено как *матери кушни*, чем движение диалектическое сводится к простому механическому движению; *преобразование—улаштарса урахлатни*, что значит *изменение путем смены* и т. д.

К сожалению, в рецензируемом переводе „Краткого курса“ на чувашский язык в передаче терминов и иных слов допущены и другие, более значительные ошибки, которые необходимо исправить при следующем переиздании. Вот некоторые из них:

1. Термин *окончательная победа* в книге переводится выражением *татакклӓн сӓнтерни*, что по смыслу значит *решительная победа*. Вследствие этого в чувашском переводе „Краткого курса“ получается путаница, и именно по основной проблеме—о победе социализма, к разъяснению которой товарищ Сталин возвращался не раз.

Путаница заключается в следующем: предложение оригинала „Пролетариат заинтересован в лучшем исходе (революции.—*Рецензент*), т. е. в решительной победе над царизмом“ (стр. 63) переводчиками передается так: „Пролетариат революции лайӓх вӓсленессишӓн, урахла каласан, царизма татакклӓ сӓнтерессишӓн интересленет“ (стр. 80). Но этим же термином *татакклӓн сӓнтерни* переводится и то предложение, где разъясняется вопрос об окончательной победе социализма. На стр. 262 сказано: „Но из этого следует, что победа социализма в СССР, выражающаяся в ликвидации капиталистической системы хозяйства и в построении социалистической системы хозяйства, все же не

может считаться *окончательной* победой, поскольку опасность вооруженной иностранной интервенции и попыток реставрации капитализма остается неустраненной, поскольку страна социализма остается не гарантированной от такой опасности". В чувашском переводе это предложение получило следующий вид: „Анчах кунтан акӑ мӑн тухса тӑратӑ: ССР Союзӑнче социализм ҫентерни, хуҫалӑхӑн капитализмлӑ системине пӑтерсе хуҫалӑхӑн социализмлӑ системине туса хуниче паларса тӑракан ҫентерӗ, ҫапах та *татакля* ҫентеру тесе шутланма пултараймасть, мӑншӑн тесен ют ҫӑршывсем хӑҫпӑшалӑ интервенци тӑвас тата капитализма каялла тавӑрма хатланса пӑхас харушлах ҫаплах юлат, мӑншӑн тесен социализм ҫӑршывӗ ҫавӑн пек харушлах-ран гарантиленмен" (334 стр.).

По аналогии с переводом первого предложения, где говорилось о решительной победе над царизмом, из формы перевода второго предложения вытекает тот смысл, что победа социализма в СССР не может будто бы считаться даже решительной победой, что является прямым абсурдом и приводит к политической ошибке.

Что это выражение не описка, подтверждает пример перевода другого предложения на стр. 4, где предложение „Изучение истории ВКП(б) укрепляет уверенность в окончательной победе великого дела партии Ленина—Сталина, победе коммунизма во всем мире“ переводится так: „ВКП(б) историне вӑренни Ленин—Сталин партийӑн аслӑ ӗсӗ татаклянах ҫентерес, коммунизм пӑтӑм тӑнчипех ҫентерес шанчӑка ҫирӗплетет“.

Попутно следует отметить, что и в переводе письма товарища Сталина товарищу Иванову, которое специально разъясняет вопрос об окончательной победе социализма, термин *окончательная победа* редакцией газеты „Чӑваш Коммунӑ“ в феврале 1938 г. был с искажением переведен словами *татакля ҫентеру*. Этот же термин, употребленный тов. Молотовым в речи на юбилейном заседании в XXI годовщину Октябрьской социалистической революции, редакцией газеты „Чӑваш Коммунӑ“ переведен правильно. Тов. Молотов там говорил: „Это тот путь, который ведет нас к окончательной победе Советской власти“. В газете „Чӑваш Коммунӑ“ напечатано так: „Ҫак ҫул вӑл—Совет влаҫӗ пӑтӑмпех ҫентересси патне илсе пыракан ҫул“.

2. Термин *тождественно* в чувашском переводе „Краткого курса“ передан словом *пӑрешкел*, что значит одинаково. Поэтому выражение „Это, однако, не означает, что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля“ (100 стр.) в чувашском переводе так же явно искажается и приводит к теоретической ошибке. Здесь можно бы сказать так: „Анчах та, ку Маркспа Энгельс диалектики Гегель диалектикиех пулнине пӑлтермест-ха“ (125 стр.). Там же, где нужно сохранить этот термин, его так же нужно использовать без перевода.

3. Задев вопрос перевода философской терминологии, следует вернуться к термину *движение*. В рецензии тов. В. Долгова, напечатанной в № 101 газеты „Красная Чувашия“ за 1939 г.,

сказано, что „в чувашском переводе термины *поражение* и *движение* оставлены без перевода“. На деле же в чувашском издании „Краткого курса“ встречается ряд предложений, где термин *движение* переведен выражениями *кусса пыни* и *кусса тани*.

Например, предложение:

а) „В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век“ (стр. 101).

б) „Если мир находится в непрерывном движении и развитии...“ и т. д. (стр. 105)

в) „Картина мира есть картина того, как материя движется и как *„материя мыслит“*“ (стр. 107).

Переведено так:

а) „Метафизикана хире-хирёсле пулса, диалектика при-рода shine тӱлекӗн тараканни тата тапранманни, чарӑнса тӑни тата улшанманни shine пахнӑ лек пӑхмасть, йӑлтах урӑхла, татти-сыпписӗр куска тата улшӑнса пыраканни, татти-сыпписӗр ҫӗнелсе тата аталанса пыраканни shine пӑхнӑ лек пахӑть, кунта яланах мӗн те пулин ҫӗнӗрен пусланса тухӑть те аталанӑть, мӗн те пулин ишӗлсе пырӑть те хӑйӗн ӗмӗрне ирттерет“ (стр. 127).

б) „Тӗнче татти-сыпписӗр куҫса аталанса пырӑть пулсан...“ и т. д. (стр. 132).

в) „Тӗнче картинӗ вӑл матери мӗнле куҫса тӑнине, *„матери“* мӗнле *„шухашланине“* катар-такан картина пулса тӑрӑть“ (стр. 135).

Совершенно очевидно, что выражения *матери куҫса пыни*, *матери куҫса тани* ни в коем случае не передают богатое содержание понятия диалектического *движения материи*, так как они выражают лишь идею пространственного, механического движения. И, во-вторых, происходит путаница термина *движение* с переводом термина *переход* (*куҫни*; сравни с предложением: „В физике... каждое изменение есть переход количества в качество...“ (стр. 102)—„Физикара... кашни улшӑну количеству качествана куҫни пулса тӑрӑть...“—стр. 129). По аналогии с последним переводом выражение *куҫса тӑракан матери* может пониматься не как движущаяся материя, а как *„переходящая“* материя, хотя этого термина и нет в диалектическом материализме. Например, если предварительно не ознакомиться с русским оригиналом, как понять выражение *куҫса пырасҫӗ* в следующем предложении: „Метафизикана хире-хирёсле пулса, диалектика аталану процесне уҫемӗн ахаль процесӗ лек мар,—кунта количествалла улшӑнусем качестваллӑ улшӑнусем патне илсе пымасҫӗ,—йӑлтах урӑхла, пысӑках мар тата пытанчак количестваллӑ улшӑнусенчен уҫҫӑн курӑнакан улшӑнусем патне, тӗпрен пулса пыракан улшӑнусем патне, качестваллӑ улшӑнусем патне куҫакан аталану лек илсе пӑхӑть,—кунта качествалла улшӑнусем ерипен

мар, хаварт, сасартак, пёр тёрлэ состоянирен тепёр тёрлэ состояни патне сикём евёрлэ кусса пырассё, айсартран мар, закономерна пулса пырассё, асърхамалла мар тата ерипен пулнй количестваллй улшйанусем пуханнипе пулса пырассё“ (стр. 128)? А ведь речь здесь идет именно о скачкообразном переходе процесса развития от одного состояния к другому состоянию, а именно: „В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, —а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений“ (стр 102).

Нужно согласиться с мыслью тов. В. Долгова о том, что термин *движение* действительно следует использовать без перевода. Это вполне возможно было сделать и в приведенных нами примерах. Напр., выражение: „Если мир находится в непрерывном движении и развитии...“ можно, видимо, перевести так: „Тёнце татти-сыпписёр движенире (или: движениллё) аталанса пырать пулсан...“ и т. д. Точный обратный перевод этого выражения будет означать: „Если мир развивается в непрерывном движении...“ и т. д., т. е. подличный смысл оригинала не искажается.

Другое из приведенных примеров: „Картина мира есть картина того, как материя движется и как „материя мыслит“ можно перевести так: „Тёнце картинё вйл матери движенире мёнле аталанса пынине, „матери“ мёнле „шухайшланине“ кйартартакам картина пулса тйрать“.

4. В том же разделе, где разъясняется диалектический метод, имеется следующее предложение: „Вся природа, говорит Энгельс, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста (первичная живая клеточка.—*Ред.*) и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении“ (стр. 101). В этом предложении слово *песчинка* переведено по-чувашски выражением *чи пёчёк пёрчё* (*мельчайшее зернышко, крупица*), хотя в оригинале это слово и употреблено в прямом значении песчинки, т. к. именно песчинка сравнивается здесь с солнцем.

5. В разделе, где излагается история Пражской партийной конференции 1912 года, допущено искажение при переводе следующего предложения: „Необходимо было поэтому фактический разрыв с меньшевиками довести до конца, довести до формально-организационного разрыва с ними и изгнать из партии „меньшевиков“ (стр. 134). Здесь переводчики, видимо, не

разобрались в значениях фактического разрыва и формально-организационного разрыва большевиков с меньшевиками. В чувашском переводе сказано: „Џавӑнна та меньшевиксенчен фактически уйӑралассине вёсне җитичченех пурӑҫа кӑртмелле пулӑ, вёсенчен формальнӑ-организацилӑ уйӑралассине вёсне җитичченех туса җитерсе, меньшевиксене партирен хӑваласа кӑлармалла пулӑ“ (стр. 170). По смыслу перевода выходит, что будто „необходимо было поэтому *предстоящий* фактический разрыв с меньшевиками довести до конца, предстоящий формально-организационный разрыв с ними довести до конца и изгнать из партии меньшевиков“. Между тем дело явно обстояло так, что большевики до Пражской конференции, находясь в *фактическом* разрыве с меньшевиками, *формально-организационно* состояли с ними в одной партии. Поэтому задача большевиков заключалась в том, чтобы фактический разрыв с меньшевиками довести до формально-организационного разрыва, т. е. до конца разорвать с ними всякую, даже формальную связь и изгнать их из партии.

Следовательно, для того, чтобы действительный ход событий изложить правильно, это предложение по-чувашски следовало бы перевести так: „Џавӑнна та меньшевиксенчен фактически уйӑралассине вёсне җитичченех, вёсенчен формальнӑ-организацилӑ уйӑраласси таранах пуранӑҫа кӑртсе җитерсе, меньшевиксене партирен хӑваласа кӑлармалла пулӑ“.

6. В разделе, где излагается история июльской демонстрации 1917 года, неправильно переведено следующее выражение: „...сотни тысяч демонстрантов направились к Петроградскому Совету и к ВЦИК Советов, где требовали от Советов взять власть в свои руки, порвать с империалистической буржуазией и провести активную политику мира“ (стр. 186). Чувашский перевод этого выражения „...җӑршер пин демонстрантсем Петроград Советӑ тата Советсен ВЦИК-ӗ патне пыӑ, унта Советсенчен влаҫа хӑйсен аллине илме, империализмлӑ буржуазипе ҫыхӑнса тӑрассине пӑтерсе хума тата мирӑн активлӑ политикине тытса пыма требовани лартна“ (стр. 237) означает то, что будто демонстранты направились к Петроградскому Совету и к ВЦИК Советов и потребовали, чтобы они „взяли *от* Советов власть в свои руки“ и т. д. Это уже—явно абсурдное утверждение, но чтобы в переводе не было двусмысленности, приведенное выражение следовало бы перевести так: „...җӑршер пин демонстрантсем Петроград Советӑ тата Советсен ВЦИК-ӗ патне пыӑ, унта Советсен умне влаҫа хӑйсен аллине илме, империализмлӑ буржуазипе ҫыхӑнса тӑрассине пӑтерсе хума тата мирӑн активлӑ политикине тытса пыма требовани лартӑ“.

7. В предложении „В связи с уставом партии съезду пришлось заняться Бундом“ (стр. 42) допущено искажение вследствие замены термина *съезд* термином *партия*. „Парти уставне сутсе-явӑн май партин Бунд ӗсне пахса тухмалла пулна“— (стр. 52.) Получилось: „В связи с уставом партии партии пришлось заняться Бундом“.

8. Понятие *бедствия* искаженно переводится в следующем предложении: „Экономический кризис 1900—1903 г. г. усилил бедствия трудящихся масс, война их еще более обострила“ (стр. 54). В чувашском тексте оно передано словом *чуханлах*, что означает *бедность* („1900—1903 çулсенчи экономикалла кризис ёссынни массисен чуханлахне вайлатнă, вăрçă яна тата та ытларах çивĕçлетнĕ“—стр. 67).

9. В цитате из отчетного доклада товарища Сталина на XVII съезде партии, а именно в следующем отрывке его речи: „...она (буржуазия.—*Рецензент*) вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления...“ (289 стр.) слово *метод* почему то совершенно без нужды переводится словом *политика*. И получается несуразица: „...унăн хайĕн шалти политикаке террора тытăм политики çине ирĕк-сĕрех куçма“ тивнĕ (369 стр.).

10. В предложении „Но это были по преимуществу члены хулиганского „Союза русского народа“ и часть эсеровско-меньшевицки настроенных рабочих“ (стр. 157) слово *часть* переведено словом *чылайĕшĕ* (что значит *значительное количество*;—стр. 200). Чтобы не исказить смысл, это слово с успехом можно было перевести при помощи выражения *пĕр пайĕ*.

11. Но при переводе предложения „Восстание на броненосце „Потемкин“ явилось первым массовым революционным выступлением в армии и флоте, первым переходом крупной части царских войск на сторону революции“ (стр. 58) допущена ошибка обратного порядка. Здесь слово *часть*, употребленное в смысле войскового подразделения (полк, бригада, рота и т. п.), переведено словом *пай* в смысле доли целого. („Потемкин“ броненосец çинчи восстани сарпа флотри пĕрремĕш массалла революцилле выступлени пулса тăнă, патша войкисен пысăк пайĕ пирвайхи хут революци ене куçни пулнă“;—73 стр.).

Согласно переводу получается, что восстание на броненосце „Потемкин“ явилось... первым переходом крупной *доли* царских войск на сторону революции. Но такое понимание этого отрывка искажает истину и противоречит тому, что сказано в „Кратком курсе“ при анализе причин поражения первой русской революции. Там сказано: „Нежелание значительной части крестьян идти вместе с рабочими на свержение царизма сказывалось и на поведении армии, большинство которой составляли сыновья крестьян, одетые в солдатские шинели. В отдельных частях царской армии были волнения и восстания, но большинство солдат еще помогало царю подавлять забастовки и восстания рабочих“ (стр. 88).

Следовательно, чтобы не допускать искажения, и в приведенном отрывке о восстании на броненосце „Потемкин“ выражение *крупная часть царских войск* нужно было перевести выражением *патша войкисен пысăк чаçĕ*, а не *пайĕ*.

12. В разделе, освещающем первые шаги рабочего движения в России, ошибочно переведено следующее предложение: „Условия работы с каждым днем ухудшались: с 1882 по 1884

год заработная плата сбавлялась пять раз, причем в 1884 году расценки были сразу понижены на одну четверть, то-есть на 25 процентов" (стр. 9). В чувашском переводе сказано: „Еҫ условисем кунран кунах начарланса пына: 1882 ҫултан пуҫласа 1884 ҫула ҫитиччен еҫ укҫине пилёк хут чакарнӑ, кунсӑр пуҫне 1884 ҫулта еҫ хакне тӳрех пӗр чӑрӑк чухлӗ, урӑхла каласан, 25 процент чухлӗ чакарнӑ“ (стр. 11). Таким образом, по смыслу чувашского перевода получается, что с 1882 по 1884 год зарплата была сбавлена в 5 раз и *кроме того* в 1884 году (значит в шестой раз!) расценки были сразу понижены на одну четверть.

13. В том же разделе, в предложении „Первые забастовки в 70-х и 80-х годах обыкновенно возникали из-за непомерных штрафов, надувательства, обмана при расплате с рабочими, сбавки расценок“ (стр.8—9), наречие *обыкновенно* переведено словом *яланах*, что значит *всегда*. („70-мӗш тата 80-мӗш ҫулсенчи малтанхи забастовкасем яланах ытла пысӑк штрафсем хунӑ пирки, рабочисене еҫ укҫи панӑ чухне улталаса ҫаратнӑ пирки, еҫ хакне чакарнӑ пирки пулса пынӑ“;—стр. 9—10). В интересах точности, следовало бы сказать *яланах тенӗ пек*.

14. В первом разделе I главы книги нечетко выражено по-чувашски следующее предложение: „Тара илнӗ ҫӑршӑн укҫан илнисӑр пуҫне, помещик час-часах хресченсене хайсен хатӑрӑсемпе тата лашисемпе помещик ҫӑрӑн пӗр-паллӑ хисепне тӱлевсӑрех ӗҫлеттернӗ“ (стр. 5). Прочитав это предложение в чувашском переводе, можно подумать, что арендовал землю помещик, т. к. в предложении речь идет о нем, хотя в предыдущем предложении прямо утверждается, что „после отмены крепостного права крестьяне вынуждены были на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю“. Возникает недоуменный вопрос: как же помещик мог брать деньги за арендуемую им землю? Если же землю арендовали крестьяне, то как они могут получать деньги?

Эта путаница произошла вследствие того, что переводчики не сумели правильно перевести термин *аренда*. Слово *аренда* означает не только получение, но и сдачу в аренду. Поэтому в приведенном предложении, поскольку речь идет о помещиках, переводчикам следовало бы сказать не о получении в аренду, а о сдаче, и не о получении ими денег за аренду, а о том, что они заставляли крестьян платить за аренду, тем более, что наличие морфологически своеобразной, понудительной формы чувашского глагола легко позволяет уточнить эту мысль оригинала. И тогда предложение имело бы следующий очень четко выраженный вид: „Тара *панӑ* ҫӑршӑн укҫан тӱллеттернисӑр пуҫне, помещик час-часах хресченсене хайсен хатӑрӑсемпе тата машинасемпе помещик ҫӑрӑн пӗр-паллӑ хисепне тӱлевсӑрех ӗҫлеттернӗ“.

15. В следующем разделе, где излагается история борьбы с народничеством и освещается роль книги Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, в предло-

жении: „Ленин указывал, что на этой книге „воспиталось целое поколение русских марксистов“ (стр. 14), выражение *целое поколение марксистов* едва ли можно переводить выражением *марксистсен пётём аравё*, т. к. *ару* означает в основном не поколение, а род, племя, потомство. Поэтому не целесообразнее ли термин *поколение* в приведенном предложении использовать без перевода? Кроме того и перевод слова *целое* словом *пётём* искажает смысл подлинника, т. к. оно означает *все* (получается *все потомство марксистов*). Приведенное предложение следовало, очевидно, перевести так: „Ленин: сак кёнеке тарах *вырас марксистёсем поколенийёпех воспитани илнё* тесе катарта паня“ (стр. 16).

16. В разделе, где излагается процесс развития производительных сил и производственных отношений (стр. 125), в предложении: „После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители—господствующие классы, превращаются в ту „непреодолимую“ преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции“, в этом предложении термин *носители производственных отношений* так же неудачно переведен выражением *производствалла отношенисене кюрекенсем* (стр. 158), что означает *приносители производственных отношений*.

Понятие *носители* в данном случае лучше было бы выразить словом *представительсем*. „Носитель—тот, поясняет словарь под. ред. Ушакова,—кто вмещает в себе что-нибудь, обладает, наделен чем-нибудь, может служить представителем чего-нибудь“. И тогда приведенное предложение по-чувашски будет переведено так: „Сёнё производительнай вайсем ситёнсе ситсен вара, халиччен тытáнса тáнá производствáлла отношенисем тата вёсен представитёлёсем—пуспулса таракан классем, „сёнсе илме сук“ чáрмав пулса тáрассё, вёсене сул синчен сёнё классен áс-тáнлá ёсёпе сес, сáв классен ирёксёрлекен ёсёпе, революципе сес сирсе ывáтма пулать“.

17. В предложении „Развиваясь в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя“ (стр. 117) существительное *в зависимости* переведено словом *май* (стр. 148), что означает *в направлении*. Вместо этого здесь следовало бы употребить чувашское деепричастие *пáхáнса* и предложение приняло бы следующую форму: „Производительнай вайсем аталаннине пáхáнса аталанса пырса, производствáлла отношенисем хайсен черечёпе производительнай вайсен аталанáвне, áна хавáртлатса е вáрахлатса, улшáнтáрассё“.

18. Едва-ли удачны и переводы выражения *отвечать отрицательно* выражением *хирёсле ответ парать*, так как слово *хирёсле* означает *напротив*. Адэкватного же оборота в чувашском языке не имеется. Поэтому, уж если наречие *отрицатель-*

но обязательно нужно перевести, то, например, предложение „Исторический материализм отвечает на этот вопрос отрицательно“ (стр. 113) следовало бы перевести исходя из значения предыдущего предложения, где ставится самый вопрос. В данном случае в предшествующих предложениях ставятся следующие вопросы: „Какова роль географической среды в развитии общества? Не является ли географическая среда той главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя людей, переход от одного строя к другому?“ (Географиллэ среда обществӑн сӑн-сӑпатне, ҫынсен обществӑллӑ стройӑн характерне, пӑр стройран тепӑр строя куҫнине палӑртса тӑракан теп вӑй пулса тамасть-и?—стр. 142). И ответ, сформулированный в предложении, который был приведен выше в качестве примера, можно бы тогда передать следующим образом: „Историллэ материализм ку ыйту ҫине: ҫук, пулса тамасть, тесе ответ парать“.

19. Ошибка встречается и при переводе оборота „обойти все и всякие подводные камни на пути к цели“ (стр. 204) выражением: „тӑллев патне ҫитес ҫул ҫинче шыв айӑнчи *пур йышши* тата *пур тӑрлӑ* чулсенчен те пӑрӑнса иртме...“ и т. д. (стр. 260), т. к. при переводе оказалось *пропущенным* количественное определение препятствий на пути к цели—местоимение *все*—по причине перевода его прилагательным *пур йышши*, что значит *всякие*. И в обратном переводе получается фраза: „обойти всякие и всяческие подводные камни...“ Во избежание ошибки этот оборот следовало бы перевести фразой: „шыв айӑнчи тӑрлӑрен чулсенчен пуринчен те...“ и т. д.

20. Слова *систематический, систематически* обычно переводятся в чувашской литературе наречием *тӑтӑшах* (часто). И этим почти всегда значение выражений подлинника передается неточно. То же явление встречается и при переводе „Краткого курса“. Например, следующее предложение, взятое из статьи Ленина „С чего начать?“, „Без нее (т. е. без общерусской боевой политической газеты.—*Рецензент*) невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения“ (стр. 32), это предложение в „Кратком курсе“ переведено так: „Унсӑрӑн принцип тӑлӑшӑнчен ҫирӗп тата пур енлӗ пропагандапа агитаци ӗҫне *тӑтӑшах* туса пыма май ҫук...“ и т. д. Совершенно ясно, что при таком переводе наречие *часто* ни в коей мере не передает идеи *систематичности* в ведении политической агитации, на котором Ленин и акцентировал внимание читателей, как на особенно насущной задаче момента. Поэтому нам кажется, что в интересах точности слова *систематический, систематически* нужно как правило использовать без перевода.

21. То же относится к понятию *сложный*. В чувашском

переводе „Краткого курса“ это прилагательное передается по-разному: то посредством прилагательного *пысăк* (напр., *сложная задача—пысăк задача*;—стр. 394 чув. текста), то через прилагательное *йывар* (сложная обстановка—*йывар обстановка*; стр. 49), то посредством прилагательного *каткас* (*сложное условие—каткас услови*; стр. 432). Как видно из приведенных примеров, смысл понятия сложного ни в одном из этих переводов не передается точно. В последнем же случае, вдобавок, прилагательное *каткас* лишь затемняет смысл подлинника, так как это слово в живой речи почти не употребляется и его значение почти забыто. Нам кажется, что и понятие сложного, как и простого, как правило нужно давать без перевода термина.

* *

Кроме приведенных прямых ошибок, искажающих или неточно передающих значение подлинника, в чувашском переводе „Краткого курса“ встречается ряд выражений, допускающих двусмысленное понимание. Например:

1. Двусмысленно переводятся предложения с глаголом *сумели*. Так, предложение: „И большевики сумели выполнить эту задачу“ (стр. 128) переводится следующим образом: „Большевиксем ёнтё вăлзадачăна пурнăçа кĕртме пултарнă“ (стр. 163). Но в такой форме, кроме подлинного смысла, этот перевод выражает и ту мысль, что большевики могли выполнить эту задачу. Наличие разницы между этими двумя значениями очевидно. Поэтому, во избежание двусмысленности, предложение оригинала следовало бы перевести хотя бы так: „Большевиксем вăлзадачăна пурнăçа кĕртсе сĕтернĕ те вара“. Также необходимо перевести аналогичное предложение на стр. 153, где говорится, что „Партия сумела осуществить соединение нелегальной работы с легальной“.

2. Двусмысленно же переводится предложение с глаголом *добиться*. Например, предложение: „В своем выступлении тов. Сталин показал, чего добилось на деле крестьянство, встав на колхозный путь“ (стр. 303) переводится так: „Сталин юлташ хай тухса каланинче хресченсем, колхозлă сул сине тăрса, чăннипе мĕн тума пултарнине кăтартса панă“ (стр. 387). Перевод этого предложения, кроме основного значения совершенности действия, указывающего на то, чего крестьянство уже добилось на колхозном пути, совмещает в себе значение только возможности совершения действия, а именно то, чего могло добиться крестьянство, встав на колхозный путь. И второе значение, пожалуй, даже преобладает в этом переводе. Поэтому, здесь следовало бы сказать так: „Сталин юлташ хай тухса каланинче хресченсем, колхозлă сул сине тăрса, чăннипе мĕн сĕнтерсе илнине кăтартса панă“.

3. С целью избежания двусмысленности, вместо выражения „Сирĕп те тĕрĕс тытса пыракан коммунистла линирен мĕнле те пулин пăрăннисемпе пролетариат тăшманĕсем усă курни Кронштадтри пăлхав примерĕнчен уйрамах усăн курăнчĕ“ (стр. 310)

следовало бы сказать: „Ѕирёп те тёрёс тытса пыракан коммунистла линирен *хать* те мёнле пӓраннисемпе те пролетариат ташманёсем усӓ курни...“ и т. д. Иначе, вместо подлинного выражения в оригинале: „Использование врагами пролетариата *всяких* уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадского мятежа...“ (стр. 243) получается следующее выражение: Использование врагами пролетариата *каких-либо* уклонений от строго выраженной коммунистической линии... и т. д.

Наконец, в ряде предложений имеются пропуски слов и выражений.

1. В предложении, разъясняющем систему выборов в Государственную думу: „Сначала на собраниях рабочих выбирали уполномоченных, потом уполномоченные выбирали выборщиков, а уж выборщики участвовали в выборах рабочего депутата в думу“ (стр. 145) после первых четырех слов пропущен отрывок „выбирали уполномоченных, потом...“ и получилась следующая явно искаженная фраза: „Сначала на собраниях рабочих уполномоченные выбирали выборщиков, а уж выборщики участвовали в выборах рабочего депутата в думу“. („Малтан рабочисен пухӓвёсенче уполномоченнайсем выборщиксене суйланӓ, выборщиксем вара думӓна рабочи депутата суйлана сёре хутшӓнӓ“ стр. 185). Вместо этого следовало бы сказать: „Малтан рабочисен пухӓвёсенче уполномоченнайсене суйланӓ, унтан уполномоченнайсем выборщиксене суйланӓ, выборщиксем вара думӓна рабочи депутата суйланӓ сёре хутшӓнӓ“.

2. В предложении: „Вышло так, как предвидел и предупредил Ленин: только большевики подчинились решению пленума ЦК, закрыли свой орган „Пролетарий“, меньшевики же продолжали издавать свой фракционный ликвидаторский „Голос социал-демократа“ (стр. 132) пропущено слово *свой* (во втором случае). Кроме того, тут же прилагательное качественное *ликвидаторский* неудачно переведено родительным падежом существительного: *ликвидаторсен*. („Ленин малтанах курса тӓрса асӓрхаттарӓ пекех килсе тухӓ: ЦК пленумӓн решениӓсене большевиксем кӓна пӓхӓнӓ, вёсем хӓйсен органне—„Пролетарий“ хаҗата—хупӓ; меньшевиксем ликвидаторсен фракциллӓ „Голос социал-демократа“ ятӓ органне кӓларса тӓма чарӓнман“—стр. 167). Вследствие такого перевода получилось, что будто меньшевики продолжали издавать не свой ликвидаторский „Голос социал-демократа“, а фракционный орган ликвидаторов, которые якобы представляли какую-то особую от меньшевиков группу. Поэтому вторую часть предложения с целью уточнения нужно было перевести так: „...анчах меньшевиксем *хӓйсен* ликвидаторла фракциллӓ „Голос социал-демократа“ ятӓ органне кӓларса тӓма чарӓнман“.

3. В предложении „Съезд единогласно осудил платформу троцкистской оппозиции, определив ее, как мелкобуржуазный

уклон от марксизма, как ревизию ленинизма, и подтвердил резолюции XIII партийной конференции „О партийном строительстве“ и „Об итогах дискуссии“ (стр. 257) пропущены при переводе слова *определив ее*. Вследствие этого, а также вследствие неудачной формулировки предложения, перевод можно понять так, что съезд будто утвердил осужденную платформу троцкистской оппозиции. („Съезд троцкистла оппозиции платформине пёрсаслән сивленё, яна марксизмран вакбуржуалля суләнни пулать, ленинизма ревизи туни пулать, тата партии XIII-мёш конференцийё „Парти строительству синчен“ тата „Дискуссии итогёсем синчен“ йышәннй резолюцисене тёрёс тесе сирёплетнё“;—стр. 328). Вместо этого данное предложение следовало перевести так: „Съезд троцкистла оппозиции платформине, въл—марксизмран вакбуржуалла суләнни пулать, ленинизма ревизи туни пулать, тесе палартса, пёрсаслән айяпласа сивленё те, партии XIII-мёш конференцийё „Парти строительству синчен“ тата „Дискуссии итогёсем синчен“ йышәннй резолюцисене тёрёс тесе сирёплетнё“.

4. В разделе, где разоблачается политическое двурушничество и мошенничество „активных деятелей“ троцкистско-зиновьевского блока (стр. 277-8), в трех предложениях пропущено слово *оказалось*, и при переводе, например, предложения: „Троцкистско-зиновьевские „активные деятели“ оказались политическими мошенниками, политическими двурушниками“ тот смысл, что лживость их заявлений обнаружилась с течением времени после подачи заявлений, т. е. что их заявления были именно двурушническими, этот смысл при пропуске глагола *оказалось* пропадает.

Это предложение следовало бы перевести так: „троцкистла-зиновьевла „активля деятельсем“ политикялла мошенниксем, политикялла двурушниксем пулни куянна“ (стр. 355).

5. В том же разделе книги, в следующем предложении, взятом из речи тов. Сталина: „Люди, болтающие о необходимости *снижения* темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов“ (стр. 297) пропущено слово *необходимости*. С целью точной передачи мысли тов. Сталина нужно было сказать так: „...Пирён промышленность аталанявён хавартлахне *чакарма* кирли синчен сүпёлтетекен сынсем—социализмән ташманёсем, пирён класс ташманёсен агенчёсем пулса таращё“ (стр. 379).

6. В предложении, взятом из речи тов. Сталина на первой конференции работников промышленности в феврале 1931 года, где сказано: „Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...“ (стр. 300) пропущен первый разделительный союз „либо“, вследствие чего противопоставление двух действий, о которых говорит тов. Сталин, намного ослабляется. Поэтому, приведенное предложение следовало бы перевести так: „Е эфир тавяпяр сакна, е пире лучаркаса тэкёс...“ (стр. 383).

* * *

Наряду с пропусками слов изредка встречается и обратное явление, когда в предложениях без всякой необходимости до-

бавляются лишние слова, приводящие к искажению мысли подлинника. Так, на стр. 122 приведена цитата из I тома „Капитала“, где К. Маркс говорит, что „Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека, как животное, делающее орудия“. Это предложение переведено следующим образом: „Япаласемпе уса курни тата ёс хатёрёсене туни, сакă вăл пуçламăш форминче хăшпĕр чĕрчунсен те пур пулин те, сын ёс процесĕн специфически характерлă енĕ пулса тăрать, савăнча ёнтĕ Франклин сынна ёс хатёрёсем тăвакан чĕрчун тесе палăртать“ (стр. 155).

Вследствие такого перевода получается, будто К. Маркс говорит здесь не об употреблении и создании средств труда, а об использовании каких то предметов и создании средств труда. Поэтому, безусловно лишнее слово *япаласемпе* из этого предложения нужно выкинуть и сказать так: „Ёс *хатёрёсеме* уса курни тата вёсене туни, сакă вăл пуçламăш форминче хăшпĕр чĕрчунсен те пур пулин те, сын ёс процесĕн специфически характерлă енĕ пулса тăрать...“ и т. д.

*
* *

Анализ перевода „Краткого курса“ на чувашский язык дает право утверждать, что переводчики и редакторы стремились преодолеть и разноречивостью в употреблении терминов. Так, термин *сознание* и производное — *сознательный* на протяжении всей книги передают словами *ăс-тăн*, *ăс-тăнлă*, термин *метод* — словом *метод*, *безработица* — *ёсĕрлĕх* и т. д. Но, к сожалению, немногочисленные случаи невыдержанности все еще встречаются. Кроме приведенных примеров с понятиями *движение*, *разоблачение*, наблюдаются случаи разноречивости при переводе понятия *уровень жизни* и *соотношение сил* — выражениями *пурнаç шайĕ*, *вайсен шайĕ* и т. д.

Таким образом, в терминологической работе переводчики „Краткого курса“ сделали крупный шаг вперед по сравнению с прошлыми годами. Видна в основном правильная линия и теоретически вполне осмысленное отношение к работе. Несомненно, что переводом „Краткого курса истории ВКП(б)“ на чувашский язык политическая терминология чувашского языка еще более обогащается и стабилизируется.

Но в переводе терминов „Краткого курса“ имеются и крупные недостатки, отмеченные выше, которые необходимо изжить в дальнейшей работе. Серьезнейшая из них, имеющая методологический характер, заключается в практике перевода тех терминов, в значительной части философских, которые, не успев войти в разговорную речь народа, тем не менее не поддаются адекватному переводу.

Подобные термины (именно те термины, которые не поддаются адекватному переводу) нужно использовать без перевода, помня об этом прямые указания классиков марксизма-лени-

низма. Как известно, Ф. Энгельс в предисловии к первому немецкому изданию своей книги „Развитие социализма от утопии к науке“ (1882 г.), касаясь перевода безусловно необходимых иностранных слов, в большинстве случаев представляющих научно-технические термины, прямо указывает на то, что сплошь и рядом их „перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы объяснить, он вносит путаницу“.*)

Этими принципиальными указаниями Энгельса необходимо неуклонно руководствоваться в переводческой работе.

III. О ПЕРЕВОДЕ СЛОВ, СЕМАНТИЧЕСКИ НЕ ВПОЛНЕ СОВПАДАЮЩИХ СО СВОИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Другой задачей при переводе является точная передача значений тех слов подлинника, которые семантически не вполне совпадают с соответствующими словами языка перевода.

При переводе на чувашский язык несовпадение значений таких слов, пожалуй, идет главным образом по линии неодинакового выражения ими степени отвлеченности и конкретности понятий.

Примером неполного совпадения значений является перевод слова *падение* в разделе книги, где критикуется идеализм утопистов, в том числе идеализм народников, анархистов и эсеров (стр. 110), а также вульгарный материализм „экономистов“ и меньшевиков (стр. 112). Там выражения *падение утопистов*, *падение „экономистов“* и *меньшевиков* неудачно переводятся выражениями *утопистсем укни*, „*экономистсем*“ *тата меньшевиксем укни*“ (стр. 139 и 141). Неудачны эти скальпированные переводы потому, что в чувашском языке слово *укни* выражает более конкретное понятие, идею пространственного падения, и едва ли оно в данном случае сразу воспримет новое значение регрессивного развития и уничтожения. Поэтому здесь, в первом случае, лучше было бы сказать так: „утопистсем, вӑл шутра, народниксем, анархистсем, эсерсем *тӗп пулни...*“ (или: *путланни*) и т. д.

С другими примерами подобного рода встречались при разборе перевода слов *систематический* — *таташах* и *сложный* — *каткас*.

Но наиболее часто встречающимся словом подобного рода при переводе с русского на чувашский язык является союз *и*.

Согласно „Толковому словарю русского языка“ под редакцией проф. Ушакова, союз *и* (не считая междометия *и*) имеет 10 основных значений и ряд дополнительных оттенков. В чувашских книгах и газетах этот союз принято, как правило, переводить союзом *тата*. Но в том или ином контексте, очень часто, значение *тата* совершенно не соответствует значению союза

*) К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в 2-х томах. Партиздат ЦК ВКП(б) 1935, т. 1, стр. 101.

и, вследствие чего и мысль подлинника частенько передается неточно, выхолащивая оттенки содержания.

Переводчики „Краткого курса“ чувствовали и понимали неудобство в отдельных случаях переводить соединительный союз и союзом *тата*. Поэтому там, где это казалось бесспорным, они эту идею связи однородных членов предложения передавали:

а) или творительным падежом существительного. Напр., выражение *Маркс и Энгельс* переводится выражением: *Марксапа Энгельс* (стр. 11, 13); выражение *революционное движение рабочих и крестьян* (стр. 28) передается выражением: *рабочисемпе хресченсен революциллё движенийё*;

б) или частицей „та“, „те“. Напр., предложение „В партию вошла передовая часть рабочего класса, наиболее сознательная и революционная, наиболее смелая и дисциплинированная“ (стр. 256) переводится так: „Партие рабочи класан малта пыракан пайё, чи аялануллэ та революциллё, чи хайуллэ та дисциплиналлэ пайё кёне“ (стр. 326);

в) или просто путем перечисления, отделяя однородные члены предложения запятыми. Напр., предложение „Но страна Советов получила временную передышку и она могла направить больше сил на хозяйственное строительство“ (стр. 229) переводится так: „Анчах Советсен сёршывё вэхятлэха сывлэш савёрса илнё, вэл хайён вайёсене хушлэх строительстви ёсне нумайрах яма пултарнэ (стр. 292);

г) или наречием *вара* (потом). Например, предложение „Кулацкая душа бухаринско-рыковской группы не выдержала, и сторонники этой группы стали выступать уже открыто в защиту кулачества“ (стр. 280) переводится так: „Бухаринла-рыковла группан кулакла чунё чатса тэрайман, вара сав группа майлисем кулаксене хутёлеме уссанах тытанны“ (стр. 357);

д) однородные же члены—глаголы, кроме перечисленных способов, переводятся еще при помощи деепричастий на *са*, *се*. Например, предложение „Большевики вели последовательную революционную линию и звали рабочих к свержению царизма“ (стр. 89) переводится так: „Большевиксем, вёсне ситиех революциллё лини тытса пырса, рабочисене царизма сирпётсе антарма чённё“ (стр. 111).

Но все же в переводе „Краткого курса“ очень часто встречаются предложения, вполне аналогичные с вышеприведенными предложениями, где делаются попытки значение соединительного союза *и* без достаточной необходимости передавать при помощи союза *тата*, что, разрывая мысль на части, делает предложение слишком тяжеловесным и неуклюжим. Например, предложение: „Разбитые на мелкие и мельчайшие единоличные хозяйства, лишенные сколько-нибудь сносных орудий и тягловой силы, лишенные возможности распахать огромные целинные земли, лишенные видов на улучшение хозяйства, забитые нуждой и одинокие, предоставленные самим себе,—крестьяне нашли, наконец, выход, дорогу к лучшей жизни— в объедине-

нии мелких хозяйств в коллективы, в колхозы" и т. д. (стр. 284), путем разбивки на два самостоятельных предложения, переводится следующим образом: „Вак тата пит те вак уйрӑм хушӑлахсем ҫине вакланӑскерсем, мӑн чухлӑ те пулин ӗҫе юрах-ла хатӑрсемсӗр тата туртам вӑйӗсӗр юнӑскерсем, тем пысӑкӑш ҫерем ҫӗрсене сухаласа пӑрахма май тупайманскерсем, хушӑлах малашне мӑнле юсама пултарассине курманскерсем, нуша айне пулнаскерсем, тата пӗчченшерӗн, хӑйсем мӑнле пултарна пек пурӑнӑскерсем,—ҫак хресченсем, тинех, нушалӑхран тухса лайӑх пурнӑҫ патне каймалли ҫул тупнӑ“ (стр. 363). Приведенное нами выше предложение: „В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век“ (стр. 101) переводится следующим образом: „Метафизикӑна хире-хирӗҫле пулса, диалектика природа ҫине тӗлекӗн тараканни тата тапранманни, чарӑнса тӑни тата улшӑнманни ҫине пӑхнӑ пек пӑхмасть, йӑлтах урӑхла, татти-сыпписӗр куҫса тата улшӑнса пыраканни, татти-сыпписӗр ҫенелсе тата аталанса пыраканни ҫине пӑхнӑ пек пӑхатӑ, кунта яланах мӑн те пулин ҫенӗрен пуҫланса тухатӑ те аталанатӑ, мӑн те пулин ишӗлсе пыратӑ те хӑйӗн ӗмӗрне иртерет“ (стр. 127).

В этом последнем примере подобный способ перевода соединительного союза „и“ при помощи союза „тата“ приводит даже к ошибке, так как разывает на части процессы движения и изменения, процессы обновления и развития природы, о непрерывности коих и идет речь в данном предложении.

Более того, союзом *тата* переводчики в некоторых случаях пытаются передать и другие значения союза *и*. Например, переводится следующий отрывок из речи тов. Сталина: „На вопрос о том, какой уклон хуже, тов. Сталин отвечал: „Оба они хуже, и первый и второй уклон. И если разовьются эти уклоны, они способны разложить и загубить партию. К счастью, у нас в партии есть силы, которые могут отсечь и первый и второй уклон“ (стр. 264 - 5). По своему значению здесь союз *и*, употребленный тов. Сталиным в начале второго предложения, развивающего мысль, выраженную в первом предложении, *присоединяет* второе предложение к первому. Чувашское же слово *тата*, употребленное при переводе этого предложения в следующем виде: „Хӑш суланчӑк сиенлӗрех тесе ыйтнине хирӗҫ, Сталин юлташ ответленӗ: „Вӗсем иккӗшӗ те сиенлӗ, пӗрремӗшӗ те, иккӗмӗшӗ те. Тата, ҫав сулӑнчӑксем ӳссе кайсан, вӗсем партие пӑсса яма тата пӗтерсе хума пултарӑҫӗ. Телее пула, пирӗн партире пӗрремӗш тата иккӗмӗш сулӑнчӑксене те касса татма пултаракан вӑйсем пур“ (стр. 337-8), имеет ясно выраженное значение перечислительного союза, которому в русском языке соответствует наречие *еще*, и вместо того, чтобы развивать мысль тов. Сталина, перечисляет неоднородные (I) понятия

сиенӑ и „пӑсса яма тата пётерсе хума пултарасӑӑ“. Поэтому, здесь вместо *тата* лучше бы было употребить союзное слово *вара*, которое точнее передает значение подлинника.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что перевод соединительного союза *и* союзом *тата* абсолютно недопустим. Наоборот, встречаются предложения, где подобный перевод бывает совершенно необходимым. Например, одно из предложений в заголовке 3-го раздела II главы, а именно следующее: „Разногласия на съезде и появление двух течений в партии: большевистского и меньшевистского“ (стр. 38) совершенно правильно переводится так: „Съездра пулӑ разногласисем тата партире икӑ юхӑм: большевикла тата меньшевикла юхӑмсем пулса кайни“ (стр. 48). Так же верно переводится союз *и* и в следующем отрывке: „В борьбе, происходившей на II съезде, за окончательную победу искровского направления внутри РСДРП появляются две группы. Группа большевиков и группа меньшевиков“ (стр. 51)—II-мӑш съездра, „Искра“ ӑульӑрӑ татакӑнах ӑӑнтерес-сишӑн пына кӑрешӑре РСДРП ӑшӑнче икӑ группа пулсанса каять. Большевиксен группы тата меньшевиксен группы (стр. 64).

Из рассмотрения приведенных примеров вытекает следующее:

При переводе с русского на чувашский язык встречаются слова, значения которых соответственно не вполне совпадают. В целях наиболее точной передачи смысла подлинника в подобных случаях, необходимо точнее уяснить, в каком значении употреблено переводимое слово, и к переводу его подходить дифференцированно, в зависимости от того, в каком контексте употреблено это слово. С этой стороны способ перевода подобных слов может несколько отличаться от перевода слов-терминов.

IV. О ПЕРЕВОДЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ ОДНОГО ЯЗЫКА

Не менее трудной задачей, чем перевод терминов, а также слов, не вполне совпадающих по значению, является необходимость правильной передачи значения тех или иных специфических грамматических форм и синтаксических конструкций языка подлинника, которых нет в языке перевода, необходимость изыскивать и находить в языке перевода формы и конструкции, которые соответствовали бы специфическим формам языка оригинала.

Возьмем вопрос о том, какими средствами чувашского языка выражаются значения видовых различий русского глагола?

Известно, что категории вида в русском глаголе обозначают различия в течении глагольного действия. Основных видов два: совершенный и несовершенный. Несовершенный вид выражает продолжительность (или продолженность) течения действия, а совершенный—законченность действия. Многократный вид рас-

считается как разновидность несовершенного, однократный — как разновидность совершенного.

В чувашском же языке видовых различий глагола нет. Выражение *эпĕ кĕне сĕлерĕм* можно понять и как *я шила рубашку*, и как *я сшила рубашку*. Соответственной формой для выражения значений вида в чувашском языке служит, в первую очередь, сильно развитая система вспомогательных глаголов: *ирт, кĕр, каç, тух, кил, кур, тăр, кай* и др. Правда, при переводе отдельных выражений подобрать нужную форму не так-то легко, поэтому некоторые переводчики предпочитают отделяться от разрешения задачи тем, что смешивают в одной форме оба значения глагола. Но это приводит только к ошибкам.

В чувашском переводе „Краткого курса“ виды русских глаголов в большинстве случаев передаются правильно. Так например, несовершенный вид глагола *организовать* переводится чувашским глаголом *организацилеме*, многократный вид того же глагола *организовывать*—*организацилесе пыма*. Несовершенный вид глагола *вести* (дело) переводится глаголом *ĕсе туса пыма*, совершенный же вид *привести* (в движение)—*хускатса яма, отвести* (возражения)—*хирĕслесе каланисене сирсе пăрахма, вывести* (из терпения)—*тарăхтарса ситерме, проводить* (политику)—политика *тытса пыма* и т. д. Несовершенный вид глагола *шло* (развитие) переведено выражением *аталанса пына*, совершенный же вид этого глагола *пошло* (развитие социализма)—выражением *социализм аталанăвĕ малалла кайнă*.

Но встречается много случаев, когда виды глаголов передаются искаженно даже при наличии возможности дифференцировать их значения. Например, тот же глагол *привести* в следующем предложении: „Это (промышленный подъем. — *Рецензент*) привело к развитию металлургии и топливной промышленности“ переводится выражением „Çакă ĕнтĕ металлургипе хутмалли япаласен промышленносĕ вăйланасси патне *илсе пына*“ (стр. 8), что значит не привело, а только вело к развитию металлургий и т. д. Точнее было бы сказать *илсе ситернĕ*.

Неправильно передаются виды глаголов также в следующем предложении, разъясняющем новую установку партии по вопросам тактики в буржуазно-демократической революции, которую (установку) развил Ленин в своей книге „Две тактики социал-демократии в демократической революции“ (в 1905 году): „Теперь, в новой исторической обстановке, дело поворачивалось по установке Ленина таким образом, что пролетариат становился руководящей силой буржуазной революции, буржуазия оттиралась от руководства революцией, а крестьянство превращалось в резерв пролетариата“ (стр. 67). Все действия, выраженные в этом предложении в значении еще не завершившегося, а продолжающегося действия, в чувашском переводе переданы как уже совершившиеся: „Халĕ сĕнĕ историлĕ обстановкăра, Ленин установки тăрах ĕç çапла çаврăнса тана: пролетариат буржуалла революцие ертсе пыракан вăй пулса тăнă, ре-

волющие ертсе пырассинчен буржуазине сирсе янă, хресченсем вара пролетариат резерви пулса тăнă" (стр. 84).

Эта, с виду не столь существенная разница между значениями завершенности и продолжающегося действия в практике переводной работы может также приводить к серьезным искажениям. Так, например, при переводе следующего предложения: „И наоборот, примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил является социалистическое народное хозяйство в СССР, где общественная собственность на средства производства находится в полном соответствии с общественным характером процесса производства и где ввиду этого нет ни экономических кризисов, ни разрушения производительных сил" (стр. 118), в этом предложении оборот речи *примером соответствия* в чувашском тексте переведен при помощи глагола, выражающего незавершенность действия *пулса пынин примере*. („Тата йăлтах урăхла, производствăлла отношенисем производительнай вăйсен характерёпе пётёмпех килёшүүлĕ пулса пынин примерё—ССР Союзёнчи халăх хуçалăхё пулса тăрать, кунта производство средствисем обществăлла харпăрлах пулни производство процесён обществăлла характерёпе пётёмпех килёше тăрать, кунта çакна пула вара экономикăлла кризиссем те, производительнай вăйсем аркани те çук" (стр. 148—149). Вследствие этого предложение оригинала в обратном переводе с чувашского получает следующий вид: „И наоборот, примером того, как производственные отношения идут к полному соответствию с характером производительных сил, является социалистическое народное хозяйство в СССР" и т. д. По смыслу перевода получается, что в СССР производственные отношения еще не находятся в соответствии с характером производительных сил, а только идут к этому, чем смысл подлинника явно искажается, так как на самом деле социалистическое народное хозяйство в СССР уже давным давно является примером, где производственные отношения находятся в полном соответствии с характером производительных сил. Поэтому, во избежание ошибки, приведенное предложение следовало бы перевести так: „Тата йăлтах урăхла, производствăлла отношенисем производительнай вăйсен характерёпе пётёмпех килёшүүлĕ пулнин (или: пулса тăнин) примерё—ССР Союзёнчи халăх хуçалăхё пулса тăрать" и т. д.

Подобных примеров перевода глаголов совершенного вида глаголами, выражающими незавершенность действия, в книге немало.

В чувашском переводе книги имеются также случаи, когда отдельные глаголы переводятся с искажением безотносительно к передаче видового различия. Например, в разделе, освещающем работу II Всероссийского съезда Советов, в предложении: „Съезд заклеил меньшевиков и эсеров, отметив, что не только не жалеет об их уходе, а приветствует его, так как благодаря уходу предателей съезд стал действительно революционным съездом рабочих и солдатских депутатов" (стр. 199) глагол „при-

ветствовать* искаженно переводится глаголом „саламлас“. „Съезд меньшевиксемпе эсерсене питленё, вёсем съездран па-рахса тухса кайнине шеллемест сес мар, пачах урӑхла, вёсем тухса кайнине саламлать, мёншён тесен, предательсем пӑрахса кайнине съезд чӑннипех рабочисемпе салтаксен депутатёсен ре-волюциллё съезчё пулса тӑчё, тесе палӑртнӑ“ (стр. 255). Иска-жение получается вследствие того, что глагол *приветствовать* в русском языке имеет два значения: 1) *обращаться к кому-нибудь с приветствием*. В этом случае для перевода действительно подойдет чувашский глагол *саламлас*; и 2) *сочувственно, благожелательно встречать появления чего-нибудь, одобрять* (см. словарь под редакцией проф. Ушакова). Ясно, что в приведен-ном предложении глагол *приветствовать* употреблен во втором значении, в смысле одобрения ухода меньшевиков и эсеров со II Всероссийского съезда Советов, и здесь этот глагол нужно перевести глаголом *ырлать*. Иначе получается, что II съезд обратился с приветствием к меньшевикам и эсерам, ушедшим со съезда.

В предложении: „Крестьянство, самый многочисленный класс дореволюционной России, распадалось, расслаивалось“ (стр. 7) глагол *распадалось* неправильно переведен выражением *вакланса пына* (стр. 8), что значит *дробилось*. Следовало бы сказать: *класс тӑлӑшӑнчен пайланса пына*.

Приведенные примеры показывают, что на правильный пе-ревод глаголов, в частности на правильную передачу видовых различий русского глагола, в переводческой работе нужно так-же обращать серьезное внимание.

Перейдем к вопросу о том, насколько правильно переданы при переводах значения времен русского глагола, иногда не вполне совпадающие со значениями времен глагола в чуваш-ском языке.

В школьной грамматике чувашского языка установлено шесть времен глагола. Сильным временем является прошедшее время, которых четыре. Но употребление прошедшего времени в двух языках во многих случаях не совпадает по значениям. Например, известно, что значение русских глаголов прошедше-го времени почти всегда можно выразить в чувашском языке двумя формами: прошедшего очевидного (действия) и прошед-шего неопределенного (состояния); *я шел—эпӗ пытӑм, эпӗ пы-нӑ*. Известно также, что одна и та же мысль в разных языках может выражаться формами совершенно разных времен.

Надо сказать, что в переводе „Краткого курса“ на чуваш-ский язык наряду с правильным употреблением глагольных вре-мен имеются, к сожалению, и случаи, когда те или иные формы глагольного времени при переводе употреблены явно непра-вильно. Например, первые два абзаца выводов из III главы „Краткого курса“ в оригинале начинаются с формы настоя-щего времени, затем с третьего предложения изложение пере-ходит на прошедшее время, а потом снова на настоящее вре-мя. В чувашском же переводе уже второе предложение и весь

второй абзац без всякой нужды излагается в прошедшем времени. Кроме того, в дальнейшем прошедшее время так же неоправданно используется то в форме прошедшего определенного (действия), то неопределенного (состояния). Или вот другой пример, где глагол настоящего времени без особой необходимости переводится глаголом прошедшего состояния: „Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем“ (стр. 104)—„Рабовладельческий строй первобытнй-общинялль строй пётсе пынй условисенче пётём-пех анланмалла та закономернй пулса пына явлени пулнй, мён-шён тесен рабовладельческий строй, первобытнй-общинялль стройпа танлаштарсан, малалла утам туinine пёлтерет“ (стр. 131). А вот обратный пример, где глагол прошедшего времени без нужды переводится глаголом настоящего времени: „К 11 часам утра *вышел* „Рабочий путь“ с призывом — свергнуть Временное правительство“ (стр. 198)—„Ирхине 11 сехет тёлне „Рабочий путь“ хаґат: Вахатлӑх правительствана сирпётсе антар-малла тесе чённипе *тухатъ*“ (стр. 253).

Вместе с тем встречаются предложения, где значение глагола прошедшего времени действительно можно бы с успехом передать при переводе посредством употребления формы глагола предварительного состояния 2-го, что возможно, например, сделать в следующем отрывке: „До второй русской революции (февраль 1917 г.) марксисты всех стран исходили из того, что парламентарная демократическая республика является наиболее целесообразной формой политической организации общества в период перехода от капитализма к социализму. Правда, Маркс указывал в 70-х годах, что не парламентарная республика, а политическая организация типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата. Но, к сожалению, это указание Маркса не получило дальнейшего развития в трудах Маркса и было предано забвению“ (стр. 340). Как видно, в этом отрывке глагол *указывал* является в форме многократного, давнопрошедшего времени (типа: *хаживал*). Поэтому перевод этого отрывка в следующей форме: „Вырӑсен иккёмёш революцийёччен (1917 султи февраль) пур ҫёршывсенчи марксистсем те капитализмран социализма куҫнӑ тапхӑрта парламентлӑ демократилӑ республика обществан политикӑлла организации пуринчен те ытларах вырӑнлӑ форми пулатӑ, тесе шутланӑ. Чӑнах та, Маркс 70-мёш ҫулсенчех пролетариат диктатурин пуринчен те ытларах вырӑнлӑ форми парламентлӑ республика мар, Париж коммунӑ евӑрлӑ политикӑллӑ организаци пулатӑ, тесе кӑтартса панӑ пулнӑ“ и т. д. (стр. 434) лишь приблизил бы перевод к значению подлинника.

Встречаются и другие недостатки в отношении употребления глагольного времени. Но неправильное употребление времени глаголов может так же приводить к серьезнейшим ошибкам. Это видно хотя бы из следующего примера: в разделе, где

разъясняется вопрос об окончательной победе социализма, допущена ошибка при переводе следующего предложения: „Поражение первой интервенции не уничтожило опасности новой интервенции, так как источник опасности интервенции—капиталистическое окружение—продолжает существовать“ (262). Здесь глагол настоящего времени „продолжает существовать“ переведен выражением „малалла та юлать“ (стр. 334), что значит „остается и на будущее время“, тогда как в оригинале, в данном предложении, о существовании капиталистического окружения в будущем ни слова не говорится.

Чтобы избежать ошибки, нужно было вместо выражения *малалла та юлать* сказать: *хале те пур*.

Все сказанное, а также приведенные примеры показывают, что правильное выражение при переводах значений тех грамматических форм, которые являются специфической принадлежностью русского языка, как и правильный перевод терминов, имеет очень важное значение. Поэтому, во избежание искажений и ошибок, на преодолении подобных трудностей переводчикам необходимо сосредотачивать серьезное внимание.

V. О ПЕРЕВОДЕ ИДИОМ И ОБРАЗНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

„Краткий курс истории ВКП(б)“ написан весьма живым, образным языком. Поэтому в нем очень много слов, употребленных в переносном смысле. Встречаются так же идиомы, т. е. обороты речи, выражения, свойственные в данном случае только русскому языку. Передача значения этих образных выражений и идиом при переводе представляет так же немалую трудность.

Переводчики „Краткого курса“ в этом случае следуют двумя путями: а) или калькируют их, т. е. посредством дословного перевода используют тот же способ образования оборота речи, каким соответствующее выражение образовано в русском языке, б) или стремятся найти обороты речи с соответствующим значением в чувашском языке.

В ряде случаев и тот и другой метод перевода оказывается удачным. Например, в выражении „Съезд (второй съезд партии. *Рецензент*) оказался не на высоте своего положения в области организационных вопросов“ (стр. 43) идиомный оборот речи *на высоте положения* путем калькирования удачно передан следующей фразой: „Съезд организациллё ыйтусем телёшёнчен *хайне тивёслё сүлё выранта* пулайман“ (стр. 53). Примером удачного перевода идиомы посредством передачи значения, а не калькирования, является перевод выражения *свести к нулю* (стр. 289) выражением *нине таме туса хуни* (стр. 368) и др.

К сожалению, и здесь встречаются случаи не вполне доброкачественного перевода. Например, идиома *на деле*, что означает *в действительности*, в одних случаях переводится соответствующим чувашским выражением *чаннипе*, в других случаях посредством калькирования *ёсре*. Идиома *уйти в кусты* (в смысле *увильнуть*) переведено выражением *тёмсем хыс-*

не кайса ларна (стр. 122), тогда как лучше было бы сказать *тёмсем хысне тарса пытанна*.

Есть и случаи неудачного перевода метафорических выражений. Так, в ряде мест выражение *черное дело* (стр. 206, 278), неправильно переведено как *тёттём ёс* (*темное дело*; стр. 263, 355), что приводит к прямому искажению смысла подлинника, так как значение подлости контрреволюционной деятельности меньшевиков, эсеров, троцкистов и иных предателей и врагов народа совершенно уничтожается и заменяется смыслом только неясности и подозрительности их действий.

В разделе, где характеризуется наступление контрреволюции на идеологическом фронте в годы реакции, имеется следующее предложение: „Появилась целая орава модных писателей, которые „критиковали“ и „разносили“ марксизм, оплевывали революцию, издевались над ней...“ и т. д. (стр. 96-7). Здесь образное выражение *оплевывали*, употребленное в значении *оскверняли, позорили*, переведено выражением *революци сине сурса варсна* (стр. 121), что неудовлетворительно передает значение подлинника, т. к. означает, что модные писатели *ругали, плюя на революцию*.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы переводного мастерства, затронутые в настоящей рецензии, не охватывают, конечно, всех проблем, с которыми сталкиваются переводчики в практической работе.

До сих пор, например, мы лишь вскользь касались вопроса доступности для понимания приведенных в рецензии выражений, на перевод которых положено столько энергии. В этом отношении переводы разных глав книги производят неодинаковое впечатление, так как часто одни и те же обороты и вполне однотипные предложения в разных местах переводятся по-разному: в одном месте — лучше, понятнее, в другом — хуже. Например, на страницах 9 и 162 встречаются следующие однотипные сложно-подчиненные предложения с придаточными предложениями дополнениями: „В программе этого союза (Северного союза русских рабочих.—*Рецензент*) было сказано, что по своим задачам он примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада“ и другое предложение: „Ленин показал, что капиталистический гнет в эпоху империализма все больше усиливается, что в условиях империализма растет возмущение пролетариата против основ капитализма, нарастают элементы революционного взрыва внутри капиталистических стран“ (стр. 162). Но переведены они по-разному; первое — так: „Ѕак союзан программиче җапла каланә: союз хайён задачисемпе Хёвеланәҗёнчи социал-демократиллө работчи партисемпе пёр майлә, тенё“ (стр. 10); второе — следующим образом: „Ленин җакна кәтартса панә: империализм эпохинче капитализмлә пусмәр ытларан та ытларах вайланса пырать, империализм условисенче капитализм никёсне хирёҗ пролетариат тарәхни уссе пырать, капитализмлә җёршывсен әшёнче революциллө взрыван элеменчөсем уссе җитёнсе пы-

расщё" (стр. 206). Употребление при переводе первого предложения взамен союзного слова-связки *что* глагола *тенё* придает предложению характер законченности, цельности выражения; во втором же случае опущение этого глагола создает впечатление обрубленности, незаконченности фразы. В таком разное сказывается, видимо, то, что перевод книги в целом осуществлялся не одним переводчиком: одному перевод удался сравнительно легко, другому—с большим трудом.

Кроме того, 2-ой раздел IV главы, посвященный изложению диалектического и исторического материализма, конечно, не легко было переводить на чувашский язык, так как до сих пор на чувашском языке не издавалось, кажется, ни одной книги специально по философии. Поэтому, видимо, в переводе этого раздела книги имеются предложения, особенно трудные для понимания. Например, следующий отрывок: „В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины. Этот диалектический способ мышления, распространенный впоследствии на явления природы, превратился в диалектический метод познания природы, который рассматривал явления природы, как вечно движущиеся и изменяющиеся, а развитие природы—как результат развития противоречий в природе, как результат взаимодействия противоположных сил в природе“ (стр. 100-01), этот отрывок очень буквально переводится в таком виде: „Ёлёк-авал хашпёр философсем ҫапла шутланӑ: шухӑшлаври хирёҫусене уҫса кӑтартни тата хире-хирёҫле шухӑшсем хирёҫни чанӑӑха тупас ёҫре чи ла-йах средство пулатӑ, тенё. Шухӑшлавӑн ҫак диалектикаллӑ мес-лечё, кайрантарахпа природа явленийёсем ҫине сарса янӑскер, природа явленийёсене тӑпчесе пӑлес ёҫри диалектикаллӑ метод пулса тӑнӑ. Ку метод природа явленийёсене ёмӑрех куҫса тата улшӑнса пыракан явленисем тесе пӑхна, природа аталанӑвне—природари хирёҫусен аталанӑвӑн результатё, природӑри хире-хирёҫле вӑйсем ҫыхӑнса пырса пӑр-пӑрне улӑштарни результатё тесе пӑхнӑ“ (стр. 126-7). Получился непонятный перевод.

В рецензии мы совершенно не касались также вопроса о переводе сложных предложений. Между тем переводить сложные предложения не легко, и вопрос этот также требует длительного и кропотливого исследования. Положительные же моменты, как и случаи ошибок, имеются и в переводе сложных синтаксических конструкций. Мы ограничимся здесь лишь указанием ошибок, требующих быстрого исправления.

Вот наиболее крупные из них:

а) В разделе, где диалектическое движение характеризуется, как переход от количественных изменений к качественным изменениям, искаженно переводится первое же предложение в цитате Энгельса. Энгельс там говорит: „В физике... каждое изменение есть переход количества в качество—следствие количественного изменения присущего телу или сообщенного ему количества движения какой-нибудь формы“ и далее приводит соот-

ветствующие примеры (стр. 102). В чувашском переводе это предложение передано так: „Физикара... кашни улшăну количество качества кушни пулса тарать,—телана тивĕслĕ количествăллă улшăнăвĕн е ана мĕнле те пулин формаллă движения количествине панин следствийĕ пулса тарать“ (стр. 129). При обратном переводе с чувашского это довольно сложное предложение получает следующую форму: „В физике... каждое изменение есть переход количества в качество—следствие присутствующего телу количественного изменения или сообщенного ему количества движения какой либо формы“. Получается явная бессмыслица. Чтобы избежать этого, нужно бы сказать хотя бы так: „физикара... кашни улшăну количество качества кушни пулса тарать (или: количестворан качество пулса тăни пулать),—мĕнле те пулин формаллă движенийĕн количестви, телана тивĕсли е телăна пани (или еще лучше: е тело йышăнни), количество тĕлĕшĕнчен улшăнни следствийĕ пулса тарать“.

б) Неточно переведено и следующее предложение в VI главе: „Бюро ЦК выпустило 26 февраля (11 марта) манифест с призывом к продолжению вооруженной борьбы против царизма, к созданию Временного революционного правительства“ (стр. 169). Здесь два призыва—к продолжению вооруженной борьбы против царизма и к созданию Временного революционного правительства—в чувашском переводе почему то заменено одним призывом к продолжению вооруженной борьбы, направленной против царизма, за создание Временного революционного правительства („ЦК Бюровĕ февралĕн 26-мĕшĕнче (мартан 11-мĕшĕнче) царизма хирĕс, Революциллĕ вăхăтлăх правительство тăвассишĕн пыракан хĕсĕпашаллă кĕрешĕве малалла туса пыма чĕнсе манифест каларă“,—стр. 216). Чтобы точнее выразить мысль подлинника, предложение следовало бы перевести так: „ЦК Бюровĕ февралĕн 26-мĕшĕнче (мартан 11-мĕшĕнче) царизма хирĕс пыракан хĕсĕпашаллă кĕрешĕве малалла туса пыма, Революциллĕ вăхăтлăх правительство туса хума чĕнсе манифест каларă“.

в) В заключении книги ошибочно переводится следующее предложение, взятое из сочинений Ленина: „Наше учение не догма, а руководство для действия—так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением „формул“, способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса“ (стр. 342). По-чувашски оно передано так: „Эпир вĕрентни догма мар, ёспе кĕрешĕ валли руководство пулать,—сапла каланă яланах Маркса Энгельс; лайăх чухне те пĕтĕмĕшлĕ задачасем палăртса хума сĕс пуларакан, историлĕ процесан кашни хайне уйрам *тапхăрĕн конкретлă* экономикаллă тата политикаллă обстановкине пула пурпĕрех улшăнса пыракан „формуласене“ вĕренсе хунинчен тата анланмасар калама вĕреннинчен тĕрĕссипе тăрахлана вĕсем“ (437).

Ясно, что переводчики здесь не допоняли, что причастие

„видоизменяемые“ определяет в этом предложении не существительное „формулы“, а существительное „задачи“, с которым это причастие и согласуется в падеже. Переводчики же сочли наоборот. Вследствие этого получилось, что Маркс и Энгельс будто справедливо издевались над заучиванием и простым повторением „формул“, способных в лучшем случае лишь намечать общие задачи и необходимо видоизменяемых конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса.

Не останавливались мы в рецензии и на вопросе форм сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий. Ошибки же встречаются и в этой области. Так, например, а) следующее предложение: „В программе дается характеристика капитализма и его высшей стадии—империализма“ (стр. 222) ошибочно переводится след. образом: „Программъра капитализма тата унан сѹлти сыпакне—империализма—характеристика панъ“ (стр. 283), т. е. выходит, что в программе дана характеристика капитализма и его „высокой“ стадии—империализма; б) предложение: „Все чаще бастовавшие рабочие и демонстранты сталкивались с царскими войсками“ (стр. 56) переводится так: „Забастовка тавакан рабочисемпе демонстрантсем час-часах патша войскисемпе тытӑса сапӑснӑ“ (стр. 71). Выходит, что бастовавшие рабочие и демонстранты не все чаще, а только часто сталкивались с царскими войсками; в) предложение: „Не менее опасными для дела пролетариата были скрытые социал-шовинисты, так называемые центристы“ (стр. 159) переводится так: „Пытанчӑк социал-шовинистсем те, центристсем текенскерсем, пролетариат есӗсӗн сахал мар харуша пулнӑ“ (стр. 202). И здесь получается, что центристы представляли лишь немалую опасность; г) выражение: *наибольший* революционной *размах* переводится как *пит те пысӑк* революциллӗ *анлӑш* (что значит *очень большой* революционный *размах*). Следовало бы сказать *чи пысӑк...* Кроме того на протяжении всего перевода „Краткого курса“ употребляется слишком тяжелый описательной оборот сравнительной степени: *ытларан та ытларах*, тогда как гораздо легче говорить *ытларан ытла*. В ряде же мест можно обходиться и без этого, заменив его оборотом внутреннего сравнения: *уснӗсем уссе пынӑ* и т. д.

О переводе „Краткого курса“ в целом следует сказать, что он в отношении точности передачи содержания подлинника безусловно является значительным шагом вперед по сравнению с прежними переводами произведений Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Дальнейшей задачей коллектива переводчиков и редакторов является необходимость учесть достигнутые в работе положительные результаты, исправить допущенные ошибки в переводе и ко второму изданию книги еще лучше отредактировать перевод, сделав одинаково доступными все разделы, все выражения книги. Хорошо бы привлечь к этой работе коммунистов-писателей.

ПАМЯТИ Н. И. АШМАРИНА

Чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный „Словарь чувашского языка“, составленный проф. Николаем Ивановичем Ашмариным.

В Советском союзе из словарей турецких языков только словарь якутского языка Э. К. Пекарского может быть сравним с словарем Н. И. Ашмарина. Здесь я не беру во внимание начавшееся было печатание Азербайджанско-немецко-русского словаря и татарского и готовящийся давно уже казахский словарь, все другие же словари не могут идти в какое-либо сравнение с чувашским словарем.

Н. И. Ашмарин был после славных и первых (не хронологически) чувашологов—В. К. Магницкого, Н. И. Золотницкого, И. Я. Яковлева, достойным их преемником и первейшим чувашологом нашего времени.

Н. И. Ашмарин родился в 1870 г. в г. Ядрине (бывш. Казанск. губ., теперь Чув. АССР). Заинтересовавшись языками Поволжья, Н. И. Ашмарин поступил в Лазаревский Институт Восточных языков, который и закончил по первому разряду в 1894 году. В трудах этого Института (вып. 4-й, Москва, 1901 г.) напечатана и дипломная работа его „Очерк литературной деятельности казанских татар-„мохаммедан“ за 1880—1895 гг.“, под ред. проф. А. Е. Крымского. Из турецких языков, кроме чувашского и казанско-татарского, Н. И. Ашмарин знал турецко-османский язык и азербайджанский. Затем знал он арабский и персидский языки, европейские, и классические, особенно латинский.

Почти всю свою жизнь Н. И. Ашмарин посвятил родному Поволжью, главным образом чувашам и чувашскому языку. Он работал в Казани и в Симбирске (теперь Ульяновск). В Казани я имел счастье быть сослуживцем несколько сумрачного, с опущенными глазами, теребящего свою бородку и считавшего себя обремененным большим семейством—Н. И. Ашмарина. С 1917 г. и далее он преподавал татарский и чувашский языки в Северо-восточном археологическом и этнографическом Институте, где тогда был преподавателем и я.

После долгих лет составления „Словарь чувашского языка“ начал печататься в Казани в 1910 г. в изданиях Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа. В этой серии Н. И. Ашмарину удалось издать два выпуска своего Словаря (вып. I, Казань, 1910 г. и вып. II, Казань, 1912 г.). А в 1900 г. в 16-м томе „Известий Общ. археологии, истории и этнографии“, стр. 243—248, им напечатана „Программа для составления чувашского словаря“. Надо думать, что большое содействие к изданию Чувашского словаря оказал проф. Казанского Университета Н. Ф. Катанов, который был тогда председателем Переводческой Комиссии (см. оборот титульного листа двух упомянутых выпусков Чувашского словаря). Чувашский Словарь Н. И. Ашмарина начал издаваться с русским и латинским переводом. В латинском предисловии к первому выпуску своего Словаря Н. И. Ашмарин очень тепло отзывается о большой помощи для Словаря своего учителя академика Ф. Е. Корша и известного деятеля по просвещению чуваш И. Я. Яковлева. На этих двух выпусках и прекратилось издание Словаря в этой серии. В советское уже время, когда Чувашия была выделена в 1920 г. в виде Автономной области, а затем в 1925 г. была преобразована в республику, Чувашский словарь опять начал издаваться в издании Народного Комиссариата по просвещению, были вновь перепечатаны 1-й (Казань, 1928 г.) и 2-й (Казань, 1929 г.) выпуски. В них чувашский текст продолжает сопровождаться как русским, так и латинским переводом. В 3-м выпуске (Чебоксары, 1929 г.) латинский перевод уже выпущен, постепенно сокращается и русский текст, который затем остался только для перевода основных чувашских слов, вся же фразеология оставлена без перевода. С 6-го выпуска Словарь печатается Чувашским Научно-Исследовательским Институтом социально-культурного строительства (вып. 6-й, Чебоксары, 1934 г.). В этом шестом выпуске Словаря помещен портрет Н. И. Ашмарина, для того времени уже покойного, и небольшое „Вместо предисловия“ от Чувашского Научно-Исследовательского Института, где даются некоторые сведения о Словаре и, кроме того, дан алфавит и объяснение знаков. Все это прибавление к Словарю было крайне уместно и необходимо, так как несмотря на то, что это был уже шестой выпуск Чувашского словаря, в первых пяти выпусках не было указано ни порядка алфавита, ни объяснений различного рода сокращений и других условностей. А, ведь, надо иметь еще в виду, что Н. И. Ашмариным, к сожалению, был принят особый порядок алфавита (сначала, напр., идут все гласные звуки—буквы) и, кроме того, в основу расположения слов положен корневой (гнездовой) принцип.

Как до Словаря Н. И. Ашмарина, так и при его печатании в течение многих лет, мы имеем печатные чувашско-русские и русско-чувашские словари. Но все они, прекрасные и полезные сами по себе, не могут сравниться с Словарем Н. И. Ашмарина.

Я перечислю несколько словарей.

Вот, небольшой, ценнейший, не утративший своего значения и теперь „Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Составлен Н. И. Золотницким. Казань, 1875 г.“. Есть и „Дополнения“ к этому словарю самого автора—Н. И. Золотницкого, изданные в Казанск. Губерн. Ведомостях (1884 г.) В. К. Магницким. Еще могу указать Чувашско-венгерско-немецкий словарь финляндского ученого Г. Паасонена (Будапешт, 1908 г.). У Н. В. Никольского имеются два словаря: Краткий чувашско-русский словарь. Издание Казанского Губернского отдела по Просвещению (Казань, 1919 г.; см. мою заметку о словаре в Изв. общ. арх., ист. и этнографии при Казанск. университете, т. 31) и Русско-чувашский словарь (Казань, 1910 г.). Еще Русско-чувашский словарь (Чебоксары, 1931 г.) и Чувашско-русский словарь В. Г. Егорова (Чебоксары, 1935—1936 г. г., на 25 тыс. слов).

Чувашский словарь Н. И. Ашмарина отличается от всех вышеперечисленных словарей прежде всего своей полнотой, т. е. числом слов и обширной фразеологией: это—живой словарь. Многочисленные фразы из различных мест обитания чуваш дали возможность автору словаря установить не только значения слов, но и их различные оттенки и своеобразности употребления слов той или иной местности. Слова Н. И. Ашмариным брались как из живой речи и из области домашнего обихода, так и из народного фольклора, в последнем случае нередко из области шаманских легенд, сказаний и молитв, т. е. из той области, которая безвозвратно уже ушла в область прошлого и сохранена для науки нашим автором. Включены им в свой словарь в обильном количестве детские слова, не опустил он и слова непонятные и неизвестные; все они нашли место в его „Сокровищнице чувашского языка“ (см. латинское название словаря Н. И. Ашмарина).

В 6-м выпуске Словаря (стр. III) в редакционной статье „Вместо предисловия“ встречаются строки, что Словарь Н. И. Ашмарина „страдает рядом существенных недостатков“, главным из таковых указывается, что Словарь не отражает современный чувашский язык, а отражает старый, дореволюционной эпохи.

Это совершенно верно, что Словарь не включил в себя многих слов современного чувашского языка. Но ставить это в недочет нашему автору совершенно нельзя. Нужно благодарить Н. И. Ашмарина за все то, что им сделано в Словаре. Разве он виноват, что главную свою и основную работу по составлению словаря он проделал до Октябрьской революции. В силу этих реальных, физических условий Н. И. Ашмарин не мог, естественно, охватить чувашский язык последних лет своей жизни. Эта задача составления словаря современного чувашского языка ложится на плечи последующих чувашологов. Только люди, не знающие трудоемкости словарной работы и мало улавливающие быстрые темпы в деле языкового творчества, могут обвинять Н. И. Ашмарина, что он не дал в своем Словаре чувашского

языка последних лет. Ведь, не все книги и словари надо судить и критиковать по дате их выхода в свет из типографии. Вчерашняя газета, действительно, мне не нужна, но словарь, подобный Словарю Н. И. Ашмарина, мне нужен...

Н. И. Ашмарин занимался чувашским языком во всем его объеме: и в истории, и в современном его положении. Его сочинение „Болгары и чуваш“ (в 18 томе Известий общ. археол., ист. и этнографии за 1902 г.) было встречено в ученом мире, как у нас, так и за границей, с большим интересом. Здесь им подробно и документально доказана болгарская теория происхождения чуваш, краткие высказывания которой были и раньше Н. И. Ашмарина (сравн. мнения проф. Н. И. Ильминского и акад. В. В. Радлова). К этой же серии работ по истории чуваш и их языка имеются у Н. И. Ашмарина несколько работ по надмогильным болгарским эпитафиям: Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани (см. Изв. Общ. арх., ист. и этнограф. т. 21-й, стр. 92—112, за 1905 г.) и Болгарские надписи, найденные около с. Тукмакла (см. Извест. Общ. обследования и изучения Азербайджана, № 5, 1928 г., Баку, стр. 16—22). Сюда же надо отнести его статьи: Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш (см. Извест. Северо-восточн. археолог. и этнограф. Института, т. II, стр. 93—128, Казань, 1921 г.) и несколько слов о труде И. Микколя „Хронология дунайских болгар“ (см. Изв. Общ. археол., ист. и этногр., т. 32-й, в. 2-й, стран. 227—237; кстати, ко всем этим статьям: сравн. мнение о теории болгарского происхождения чуваш неизвестного автора в Большой Сов. Энциклопедии, т. 61-й, Москва, 1934 г., стр. 699, в статье „Чуваши“).

Н. И. Ашмарин оставил нам еще не три статьи, а три тома по грамматике и синтаксису чувашского языка. Нужно сказать, к сожалению, что его синтаксис, обоснованный массой приводимых примеров, мало используется туркологами. Заглавия этих томов таковы: Материалы для исследования чувашского языка (Казань, 1898 г.; печаталось в Ученых Записках Казанск. Университета) и Опыт исследования чувашского синтаксиса (ч. 1-я, Казань, 1903 г. и ч. 2-я, Симбирск, 1923 г.). Сюда же нужно отнести ряд работ Н. И. Ашмарина: Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской (Известия Общ. археологии, ист. и этногр., т. 16-й, Казань, 1900 г.), Очерк народной поэзии у чуваш (см. Этнографич. Обзор., 1892, Москва). Сборник чувашских пословиц (Чебоксары, 1925 г.), Основы чувашской мимологии (о подражательных словах в чувашском языке, Казань, 1918 г.), это же в распространенном виде: Подражание в языках Среднего Поволжья. I—II, Баку, 1925 и 3—5, Баку, 1925 (в Известиях Азербайджанск. Гос. Университета).

Не бросал Н. И. Ашмарин и своих занятий по татарскому языку, начатых еще на студенческой скамье. Так, у него имеются: К вопросу о расположении частей предложения в татарском языке (Вестник научного общества татароведения, № 7, Казань,

1927 г.) и Из стихотворений А. Тукаева. Перевод с казанско-татарского—(из Сборника 'в честь А. Н. Веселовского, стр. 268—273).

Только одно время, не на долгий срок, в годы гражданской войны, Н. И. Ашмарин, в заботах о своем семействе, решил покинуть Чувашию и поступить на службу в Бакинский университет. Здесь он весь ушел в словарную и диалектологическую работу и привлек своих учеников. Там была издана (на азербайджан. и русск. яз.) им программа для составления словаря азербайджанского языка, написан и издан чрезвычайно кропотливый, с массой деталей „Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи“ (Баку, 1926 г.). В Баку же на Первом всесоюзном тюркологическом съезде в 1926 г. он читал доклад: Кое-что о прошлом тюркологии и ее настоящем состоянии (см. Первый всесоюзн. тюркологич. съезд, Баку, 1926 г., стр. 142—146).

В историю тюркологии Н. И. Ашмарин войдет как крупное лицо, как выдающийся деятель науки. Он один охватил во всем объеме изучение чувашского языка. И мы долго еще не получим исследователя чувашского языка с таким широким кругозором. Ведь, можно добавить, что Н.И. Ашмарин читал по-венгерски и следил за тюркологической литературой на венгерском языке, знал он и некоторые финские языки Поволжья.

Н. И. Ашмарин скончался в 1933 г., состоя, по заслугам, с 1929 г. членом-корреспондентом Всесоюзной Академии Наук.

РАБОТА ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЧУВАШ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ

Хранящееся в Государственном Музее Этнографии в Ленинграде собрание предметов, характеризующих культуру и быт народов Поволжья, является крупнейшим в Советском Союзе. Оно насчитывает 349 коллекций, состоящих из 12.728 экспонатов. Из этого числа имеется 56 чувашских коллекций, насчитывающих 2813 предметов. Начало сбора чувашских этнографических коллекций относится к 1902 г. СобираТЕЛЬСКАЯ работа проводилась среди чувашского населения бывших Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. Особенно значительно собрание предметов чувашской одежды: женских орнаментированных рубах, образов женской плечевой и нагрудной вышивки, поясов и поясных подвесок (сар), головных уборов (сурбанов, масмаков, хушпу, тухья), различных украшений и т. д. Кроме того, имеются предметы материального производства (старинные сельско-хозяйственные орудия, орудия охоты, пчеловодства), утварь, предметы культа и т. д. Однако, в целях изучения и музейного показа культуры и быта чувашского народа, фонд секции народов Поволжья Музея Этнографии требует значительного пополнения, особенно, материалом, относящимся к современности.

В связи с этим, летом 1938 и 1939 г. г. были осуществлены экспедиционные исследования в Чувашской АССР, преследовавшие цель проведения научно-исследовательской и собирательской работы.

Во время экспедиции 1938 г. были охвачены исследованием Мариинско-Посадский, Козловский, Янтиковский, Яльчиковский и Шемуршинский районы, а также посещены отдельные пункты — Чебоксары, Канаш, Ибреси, Алатырь. Экспедиция 1939 г. углубила начатую работу в Козловском и Янтиковском районах и охватила добавочно Ибресинский, Вурнарский и Ядринский районы. В результате был собран вещевой материал, значительно пополнивший фонды секции.

Приобретенные предметы можно объединить в следующие комплексы: предметы материального производства, утварь,

одежда, образцы вышивки, расписные гончарные изделия, предметы культа, предметы, связанные с народной медициной, музыкальные инструменты.

Ряд экспонатов представляет значительный интерес. К ним относится старинный четырехконный плуг (сабан), предметы, связанные с бортничеством, утварь. Следует выделить также собрание податных бирок и пастушьих палок. Особенно интересна пастушья палка, приобретенная в д. Латышево, Янтиковского района. На ней зарубками нанесено количество скота, бывшее во владении каждого хозяйства, отмечена соответствующая плата пастуху и—что особенно интересно—вырезаны родовые клейма владельцев скота.

Из приобретенных предметов одежды необходимо отметить вышитый кафтан дружки, одевавшийся на свадьбах, 150-летней давности, орнаментированные вышивкой женские рубахи, из которых одна датируется концом XVIII в., и несколько старинных масмаков с животным орнаментом.

Из Янтиковского района, с мест поселения некрещеных чуваш, был привезен также интересный комплекс предметов культа—мужской надгробный памятник юба, столик и стул, которые изготовлялись для умершего, утварь и части одежды, приносимые во время поминок на могилу. В Козловском районе была приобретена кадушка, являвшаяся, по прежним представлениям крестьян, вместилищем хёртсорта.

Большой интерес представляют предметы, связанные с народной медициной: мертвая ласка—„для лечения“ овец, бычий пузырь, маленькая колода с иволгами, „для лечения“ желтухи, а также входящие в этот комплекс жертвенные предметы—свечи, игла, кольца.

Из приобретенного вещевого материала, характеризующего расцвет культуры и искусства чувашского народа в нашу эпоху, необходимо указать на изделия местных вышивальных артелей. В образцах современной чувашской вышивки, наряду с использованием старых орнаментальных мотивов, имеет значительное распространение и советская тематика:—герб, звезда, серп и молот. Такой же характер имеет и роспись на гончарных изделиях из коллекции, приобретенной в Ибресинской кустарной артели.

Музей этнографии обогатился лучшими образцами современного чувашского народного искусства.

Проведенная во время экспедиций 1938—1939 г. г. научно-исследовательская работа была связана с собиранием музейных экспонатов, однако был собран и значительный фактический материал, который, по мере научной обработки, выразится в ряде специальных работ по этнографии чуваш. Уже в настоящее время нами подготовлена к печати работа: „Современная чувашская вышивка и ее связь с художественной культурой прошлого“ и заканчивается подготовка к печати статьи „Родовые знаки чуваш“.

Помимо проработки ряда тем, собран значительный матери-

ал по монографической характеристике одного из лучших чувашских колхозов, участника Всесоюзной сельско-хозяйственной выставки, колхоза „Динамо“ (Козловский район ЧАССР).

Уже экспедиционная работа в 1938 г. позволила создать тематическую выставку: „Образцы народного искусства чуваш и марийцев“. В июне 1939 г. выставка была открыта для посетителей. Эта выставка, существующая и в настоящее время, на прекрасных подлинных образцах знакомит посетителя с чувашским и марийским народным искусством в прошлом и настоящем. Выставке предшествует вводный отдел, дающий историческую справку о чувашах и марийцах, материал по их хозяйству, культуре и быту в условиях царской России и в социалистическую эпоху расцвета экономики и культуры.

Ближайшей задачей Секции является подготовка к созданию в 1941 г. выставки „Ленин и Сталин в творчестве народов Поволжья“. Этой задаче, наряду с продолжением исследовательской работы и сбором этнографического материала, и была подчинена экспедиция Музея в Чувашскую АССР летом 1940 г.

Помимо экспедиционной работы и создания выставок, Секция проводит большую работу по реорганизации своего вещевого фонда, по созданию условий, облегчающих пользование коллекционными музейными собраниями ученых специалистов.

Свою работу Секция Поволжья проводит в тесном контакте с научными организациями, музеями и отдельными лицами, занимающимися изучением народов Поволжья. Этнографическое изучение чувашского народа проводится в контакте с Чувашским Научно-Исследовательским Институтом языка, литературы и истории и Центральным Краеведческим музеем Чувашской АССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. П. Г. Григорьев. Волнения чувашского крестьянства в 1842 г.	3
2. И. С. Тукташ. К вопросу об изучении чувашского фольклора	55
3. С. П. Горский. Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке	69
4. Н. Ф. Данилов. О переводе „Краткого курса истории ВКП(б)“ на чувашский язык	108
5. С. Е. Малов. Памяти Н. И. Ашмарина	137
6. Г. А. Никитин. Работа по этнографическому изучению чуваш в государственном музее этнографии	141

Редактор РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Подписано к печати 26/IV-41г. Тираж 1000 экз. Объем 9 п/л. Уч. авт. листов 9,5.
НТ 3014. Заказ № 173

Гор. Чебоксары, типография № 1 Управления издательств и полиграфии
при СНК ЧАССР.

c 75k